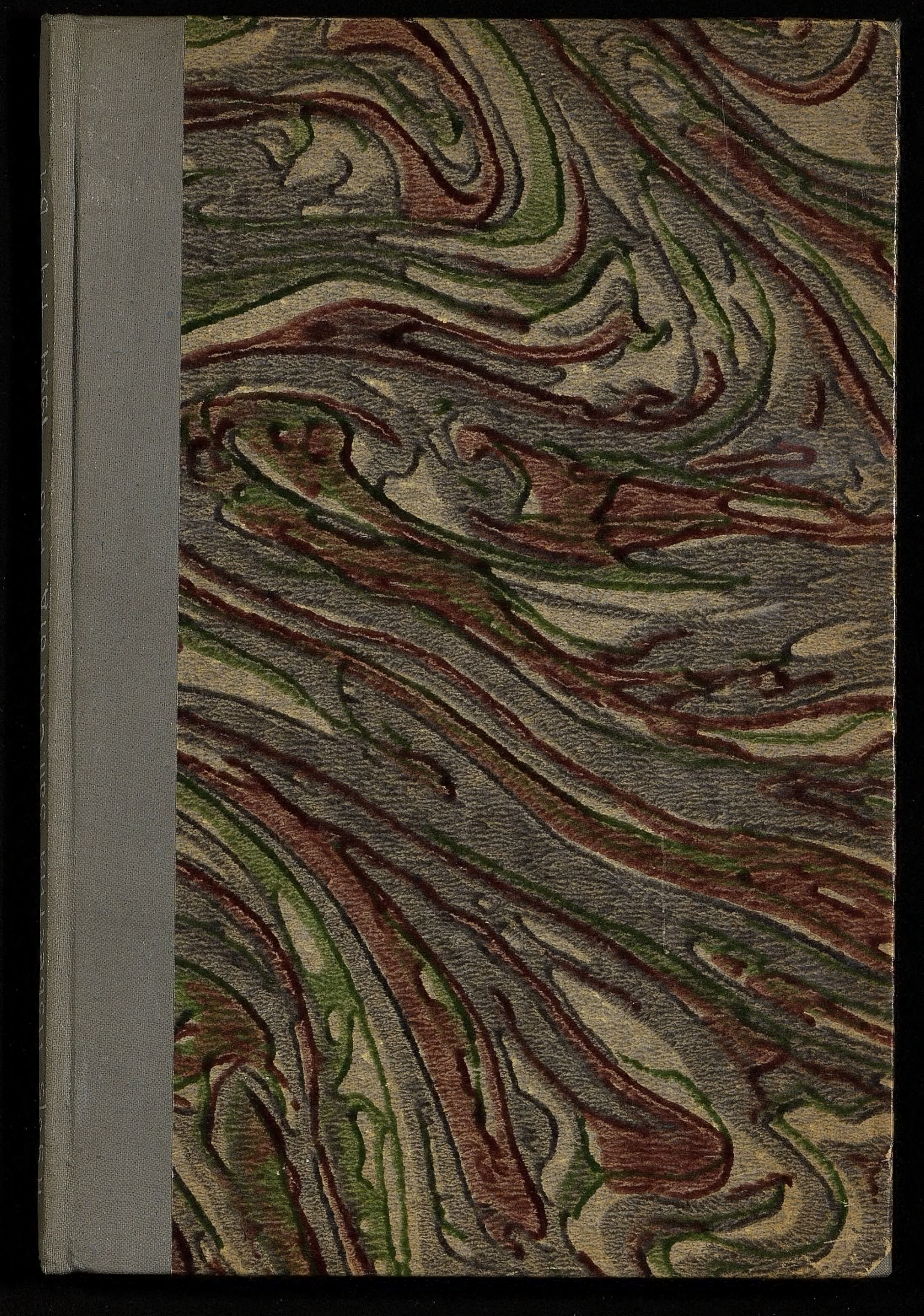

Т. IV. Вып. 1. 1924—1925 г.

ИЗВЕСТИЯ
Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.

Книга посвящается памяти Василия Васильевича Сапожникова.

Изд. Зап. Сибирск. Отдела Русск. Геогр. Общ-ва.

Омск

Типография Омсоюза, Лермонтовская 75.

1924.

Издается по постановлению Совета Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества Редакционной Коллегией Отдела.

Состав Редакционной Коллегии: П. Ю. Арндт, В. И. Баранов, К. П. Горшенин, П. Л. Драверт, Г. В. Круссер, И. И. Осипов и В. В. Птицын.

За содержание статей, в смысле воззрений авторов на приводимые ими факты и затронутые вопросы, **ответственны авторы**. *Редакция же охотно примет* **научные** *статьи дискуссионного характера по спорным вопросам для напечатания их в следующих выпусках „Известий“.*

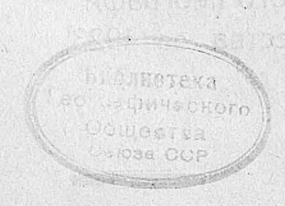
Ответственный Редактор Г. В. Круссер.

Секретарь журналов В. В. Птицын.

ИЗВЕСТИЯ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
Русского Географического Общества.

Том IV, В. 1.

1924—1925 год.

Гублит № 2586. Тираж 500 экз.

Омск, типография Омсоюза, Лермонтовская, 75. Заказ № 333—1924 г.

Содержание.

От редакции.

Общие условия существования и работы Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества втечение восьми последних лет характеризуются, во первых—ослаблением его работы, начавшимся в конце мировой войны; во вторых—дальнейшим упадком деятельности членов Отдела, главным образом—литературной (в смысле опубликования своих трудов), вплоть до 1922 года, и в третьих—тяжелыми материальными потерями, понесенными Отделом в 1922—1923 г. г. *)

В связи с указанными выше обстоятельствами, издание печатных органов Одела—„Записок" и „Известий", ежегодно выходивших в свет втечение 38 лет, было прервано Отделом в 1916 г. и не могло быть возобновлено по настоящее время по причинам общего для всей страны характера. Империалистическая и гражданская войны, революция, колчаковщина, „атаманщина" и интервенция настолько понизили уровень благосостояния всего населения Сибири, что и члены Отдела не в состоянии были находить в своей среде необходимых для издательства денежных средств, не говоря уже о других препятствиях случайного характера. Теперь восстановление народного хозяйства в СССР несомненно и значительно подвинуто вперед крепкой властью Советов, и это заметно отразилось в благоприятном смысле на житейском, бытовом укладе населения Сибири. В частности и членам Отдела, с помощью немногих местных организаций и учреждений, активно поддерживающих дело изучения Сибири, удалось собрать своими силами средства для издания настоящего выпуска „Известий". Редакция надеется, что этот выпуск, содержащий, между прочим, начало впервые предаваемых гласности, весьма ценных и интересных материалов по истории сибирского областничества, возбудит интерес к дальнейшим выпускам печатных органов Отдела не только в краеведах, но и широких кругах читателей, в особенности—сибиряков.

Уже располагая хорошо подобранным**) комплектом статей для издания XXXIX тома „Записок Зап.-Сиб. Отдела Р.Г.О.", редакция на-

---

*) Утрата музея и большой научной библиотеки, собранных Отделом втечение 45 лет, а также—принадлежавшего Отделу здания музея с залом для собраний.

**) Между прочими статьями в портфеле редакции имеются: 1) весьма ценная работа Я. С. Эдельштейна „Геологическое строение Зап. Сибири"; 2) продолжение работы Г. В. Круссера по истории сибирского сепаратизма—с опубликованием новых исторических документов; 3) статья С. П. Дмитриева „Опыт перевозки сибирского масла северным морским путем и его значение в деле удешевления экспорта масла заграницу".

меревалась и надеялась издать этот очередной том вскоре после выхода настоящего выпуска „Известий". Но, к сожалению, дороговизна издательства в Омске и отсутствие у Отдела необходимых денежных средств грозят задержать выход очередного тома „Записок" на неопределенное, может быть—долгое, время. Если это случится, то затянется на неопределенное время и ознакомление круга читателей „Записок" с новейшими сводными данными по геологии Зап. Сибири, с перспективой разрешения важного вопроса о дешевой перевозке сибирского масла заграницу морским путем и с интересными новыми данными по истории сибирского областничества.

Чтобы избежать такой задержки и без промедления выпустить в свет XXXIX том „Записок", Редакционная Коллегия Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О-ва обращается к краеведческим организациям и к некоторым административным учреждениям и общественным организациям с просьбой оказать ей помощь присылкой посильного денежного взноса на издание XXXIX тома „Записок". Взамен такого взноса сделавшая его организация может получить, по желанию, соответствующее количество изданий Зап.-Сиб. Отдела. Р. Г. О.

Список организаций, откликнувшихся на настоящее обращение, будет помещен в XXXIX томе „Записок" и в следующем выпуске „Известий" Отдела. Можно недеяться, что этим будет положено начало взаимной связи между организациями, которые войдут в список, дающей каждой из них „неписаное право" расчитывать на посильную материальную поддержку всех остальных в случаях затруднений, подобных вызвавшим настоящее обращение.

В. Ф. Семенов.

Памяти В. В. Сапожникова.

12 августа 1924 г. в Томске, после продолжительной борьбы с тяжелым недугом (рак легких) угасла жизнь одного из старейших профессоров Томского Университета и крупнейшего краеведа Сибири и сев. Туркестана Василия Васильевича Сапожникова.

Менее четырех месяцев до этого события—20 апреля Томский Университет торжественно отпраздновал тридцатилетие его научной и педагогической деятельности в Сибири.

Западно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества приветствовал В. В. на этом юбилее, как своего почетного члена. Более пятидесяти других приветствий и адресов были оглашены на этом торжестве делегатами многих общественных и научных учреждений Томска и Сибири; десятки телеграмм, нередко подписанных всемирно известными именами, принесли ему со всех концов Союза Советских Республик поздравления и лучшие пожелания. И вторично, как в 1910 г. на 25-летнем юбилее своей научной деятельности вообще, в этот день В. В. должен был снова пережить чувство высокого удовлетворения от сознания, что жизнь свою он творит не бесплодно.

Но на втором юбилее В. В. уже не мог присутствовать, неожиданно прикованный к постели обострившейся болезнью. Друзья и небольшая делегация передали ему чувства и мысли собравшихся на торжество. И В. В. уже не решился сказать в ответ, как сказал на первом юбилее, что руки его достаточно сильны и голова свежа, чтобы в дальнейшем оправдать высокую оценку своей работы, и только мечтал теперь, что наступающее лето и дорогой Алтай помогут ему встать на ноги для продолжения работы.

Но судьбе было угодно иное—и В. В. навсегда ушел из родной университетской семьи, из немногочисленных рядов Сибирских краеведов. И снова по всей Сибири и за ее пределами встало имя В. В. Сапожникова, и еще раз Томск несколько дней жил этим именем одного из крупнейших и популярнейших своих сограждан.

Какое-же содержание жизни и какие качества личности В. В. создали ему широкую популярность в обществе и известность в научных кругах?

Родился В. В. 11 декабря 1861 г. в Перми в семье крестьянина Уржумского уезда Вятской губ. В 1880 г., по окончании Пермской гимназии, он поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

Здесь он, после гнетущей атмосферы классической гимназии, с увлечением слушал лекции проф. Богданова по зоологии, Столетова по физике, Марковникова по химии, а позднее увлекся физиологией растений в изложении К. А. Тимирязева. Склонность В. В. к лабора-

торной исследовательской работе и обояние кипевшей около знаменитого московского физиолога научной жизни сделали из В. В. ревностного ученика К. А. Тимирязева. По окончании университета в 1884 г. В. В. был оставлен при кафедре физиологии растений для подготовки к профессорскому званию и продолжал работать под руководством Тимирязева. Женитьба и семья заставили его усиленно работать в первые годы после университета в качестве преподавателя в разных учебных заведениях Москвы, что задержало его лабораторные исследования в университете и позволило ему только в 1890 г. закончить работу на тему „Образование углеводов в листьях и передвижение их по растению“ и защитить ее на степень магистра ботаники. С этого года он начинает читать лекции в Московском университете в качестве приват-доцента.

В 1891 г. В. В. получает заграничную командировку и в течение двух лет работает в лабораториях профессоров Швенденера, Пфеффера и особенно долго у проф. Фёхтинга в Тюбингене над образованием органических соединений в листьях винограда. Последнюю работу он закончил уже в Томске в 1896 г. и под заглавием „Белки и углеводы в зеленых листьях, как продукт ассимиляции“ представил в Казанский университет на соискание степени доктора ботаники, каковую и получил в том же 1896 г.

В первую свою заграничную командировку В. В., заканчивая научную подготовку по физиологии растений, случайно вступает в другую область знания, которая в дальнейшем всецело и на всю жизнь завладела его научным мышлением. В 1891 г. в Швейцарии он впервые попадает на ледники в сообществе проф. Фехтинга, а в 1892 г. уже один в Цермате переходит близ Маттергорна через Альпы из Швейцарии в северную Италию. Эти первые впечатления от Альп и их ледников В. В. увозит в Томск, куда он переселяется в 1893 г. в качестве профессора ботаники университета на место ушедшего в Академию Наук С. И. Коржинского.

Молодой ученый на пороге самостоятельной работы в первом сибирском университете, следуя завету своего учителя К. А. Тимирязева, намечает программу и цель своей дальнейшей жизни—учить, исследовать и не замыкаться от жизни в узко-кабинетной работе. Так по этому плану началась, тридцать лет продолжалась и славно закончилась жизнь В. В. в Сибири, в Томске.

Трудно охватить на немногих страницах все разнообразие продолжительной и кипучей деятельности В. В. На фоне постоянной педагогической работы в университете, в технологическом институте, на высших женских курсах, в средних учебных заведениях от учительского института до рабфака включительно, на фоне непрерывной никому невидимой работы в кабинете над подготовкой к экспедициям, над обработкой привезенных материалов, за дневниками, картами, растениями, рукописями, корректурой, диапозитивами, за подготовкой к курсовым и публичным лекциям,—на этом основном будничном фоне жизни В. В. вкраплено множество более ярких моментов, нанизан длинный ряд выступлений в общественной и политической жизни Томска, Сибири, а в последнее время и всей республики. Сельско-хозяйственное общество в Томске, его съезды, выставки; общество изучения Сибири; организация в 1910 г. 1-х сибирских высших женских курсов, через год—директорство на них; с 1906 по 1909 г.—ректорство в университете, в 1917 г. вторичное избрание на эту почетную должность и организация физико-математического факультета; с 1910 года постоянный председатель Общества естествоиспытателей и

врачей при Томском Университете; с 1912 г. им организованы „ботанические чаи“ томских ботаников, превратившиеся в 1917 г. в Томское Отделение Русского Ботанического Общества; в бурные годы революции и гражданской войны—участие в Уфимском совещании, недолгое министерство во Временном правительстве и отказ от портфеля, вследствие скоро понятой, как сам он утверждал, явной недоброкачественности и несоответствия историческому моменту этого правительства; затем работа в советских рядах, реформа ВУЗ‘ов, лекции на рабфаке, в Доме Просвещения, в Тимирязевском Техникуме, работа по подготовке к Всесоюзной с.-х. выставке 1923 г., руководство районированием... И так до самой смерти.

Уже в этой беглой картине далеко неполного перечня выступлений В. В. в местной общественной жизни виден уклон его в сторону исследовательско-краеведной работы в Сибири. Все упомянутые выше научные общества Томска, в которых В. В. принимал самое близкое участие, все многочисленные иногородние общества, членом которых В. В. состоял—Русское Географическое Общество и многие его отделы и подъотделы, Московское Общество испытателей природы, Московское Горное Общество и мн. др.—непосредственно или косвенно связаны с географической наукой, с краеведением. Даже в период своей недолгой административной деятельности во Временном правительстве он постоянно имел ввиду научно-исследовательскую работу. Так, в 1919 г. он энергично поддерживает возникший в Томске Институт Исследования Сибири. Съезд по организации этого Института открывается В. В-м, как министром народного просвещения; в работах съезда он принимает самое горячее участие, особенно в ботанической секции, избранный ее председателем. В марте 1922 г. В. В. принимает еще более близкое участие в съезде исследователей Сибири в Томске сначала как председатель организационной Комиссии, а затем как председатель самого съезда.

Но ни успех среди учащейся молодежи, ни блеск публичных лекций по всей Сибири, ни широкая популярность, ни удовлетворение организационной общественной работой, ни общее признание его заслуг пред общественностью и наукой, ярко выраженное еще на юбилее по поводу 25-летия его научной деятельности,—не могли вытеснить из души В. В. проснувшейся еще в Швейцарских Альпах страсти исследователя-географа, путешественника, альпиниста. Из тридцати лет жизни в Сибири В. В. более двадцати летних сезонов провел в экспедициях. Вот перечень этих экспедиций в хронологическом порядке:

1895, 1897, 1898 и 1899 г. г.—четыре первых путешествия на Алтай.
1902 и 1904 г. г.—первое и второе путешествие в Семиречье.
1905, 1906, 1908 и 1909 г. г.—исследования в Монгольском Алтае.
1910 г.—непродолжительная поездка в Саяны.
1911 г.—Катунские и Чуйские белки в Алтае. (?).

Затем с 1912 по 1916 г. г. включительно участвует в известных экспедициях Переселенческого управления и обследует растительность:

1912 г.—в Джаркентском и Пржевальском уездах.
1913 г.—в бассейне р. Нарым на юге Семиреченской области в Центральном Тянь-Шане.
1914 г.—в Зайсанском уезде.
1915 г.—в Северном Семиречьи.
1916 г.—в Турецкой Армении.

После небольшого перерыва в годы гражданской войны В. В. продолжает исследования:

1919 г.—поездка в Обскую губу для изучения растительности тундры по поручению Института исследования Сибири.

1920 г.—в южном Алтае с томскими студентами для ознакомления последних с методами полевой исследовательской работы.

1921 г.—в северо-западном Алтае во главе части экспедиции Сибревкома по изучению горностепных пастбищ.

1922 г.—на Тискинском опытном поле в верховьи р. Чаи, тайга в районе г. Нарыма на р. Оби.

1923 г.—в августе последний раз на Алтае, при чем „выяснились тундровые сообщества в с.-вос. Алтае, возникшие на месте солидного оледенения, о котором почти не упоминалось для этих частей“.

Из этого списка видно, что за исключением двух-трех случайных поездок (Армения, низовье Оби) все остальные экспедиции В. В. носят явно планомерный характер по сплошному обследованию северо-западной окраины средне-азиатского нагорья. Маршруты этих экспедиций охватывают огромный район в 2—3 тыс. верст протяжением от верховьев р. Енисея и хребта Таннуола и до верхнего течения р. Сыр-Дарьи, называемого р. Нарым, от высочайших хребтов и вершин на границе с Китаем и до пустынных приозерных низин Зайсана, Ала-куля, Балхаша.

Результаты экспедиций немедленно публиковались в предварительных отчетах, сообщались в докладах научным обществам столиц, Томска и других городов Сибири, популяризировались в многочисленных публичных лекциях. К опубликованию же законченных научных обработок, к обобщениям и выводам В. В. подходил весьма осторожно, по накоплении достаточного количества хорошо проверенного материала. К числу основных печатных работ В. В. подобного рода должны быть отнесены его книги „Катунь и ее истоки“, „Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо“ и „Растительность Зайсанского уезда“.

Русскому Алтаю было посвящено семь экспедиций. Из нескольких печатных работ В. В. об Алтае основной является „Катунь и ее истоки“, вышедшая в Томске в 1901 г. и содержащая в себе результаты первых четырех экспедиций. Главнейшие из этих результатов сводятся: 1) к открытию около 50-ти новых ледников общей площадью свыше 150 кв. верст; наиболее крупными из открытых ледников являются Бол. Талдуринский в Чуйских белках—в 18 кв. верст, и ледник Мен-су на Белухе в 13 кв. верст; 2) к определению высот 300 пунктов, в том числе и вершины Белухи, которая из пяти определений оказалась равной 4540 метрам; 3) к установлению верхних границ вертикального распространения главнейших древесных пород Алтая и нижних концов алтайских ледников; 4) к подробному описанию огромного числа верст маршрутов, иллюстрированному многими сотнями прекрасных фотографий и несколькими оригинальными картами (Белуха с главными ледниками).

Посещение Алтая в последние годы—1920, 1921 и 1923—имело главною целью более детальное обследование его растительности, чем это делалось раньше в первые экспедиции, носившие характер по преимуществу обще-географический. К сожалению, результаты последних поездок самим В. В. не опубликованы.

Монгольский Алтай посещен В. В. в 1905, 1906, 1908 и 1909 г. г. Маршруты этих лет охватили северо-западную высокую половину этого малоизвестного хребта и сосредоточены главным образом в районе его соприкосновения с Русским Алтаем, где находится горный узел Табын-Богдо-Ола с вершинами в 4000—4500 мет. над уровнем моря и с значительной площадью оледенения. Главнейшие результаты работ в Монгольском Алтае опубликованы В. В. в его капитальной книге „Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо", вышедшей в Томске в 1911 г., и сводятся к следующему:

1) детально обследован, с производством инструментальной съемки и наложением на оргинальную карту, до того времени почти совершенно неизвестный ледниковый узел Табын-Богдо-Ола;

2) здесь открыто около 40 новых ледников и определена общая площадь оледенения приблизительно в 150 кв. верст, что ставит этот очаг современного алтайского оледенения выше оледенения Катунско-Чуйской группы Русского Алтая, где ледники с такой же приблизительно общей площадью в 150 кв. вер. распределены однако на значительно большей площади; здесь же оказались наиболее мощные из Алтайских ледников, достигающие до 12 (ледник Пржевальского) и даже до 19 верст длины (ледник Потанина в верховьи р. Цагангол.)

3) приведено много данных о распространении прежнего оледенения Монг. Алтая;

4) обследованы и нанесены на карту истоки Иртыша и Кобдо;

5) определены высоты более чем в 400-х пунктах, описаны 2—3 т. верст маршрута, снято более тысячи фотографий, собраны коллекции горных пород, растений, животных.

На пути в Южный и Монгольский Алтай и к Семиреченским пограничным горам В. В. неоднократно проходил через обширную полупустынную Зайсанскую впадину, а в 1904 г. посетил горы Саур и Тарбагатай, отграничивающие на юге Зайсанский край от Семиречья.

Летом 1914 г. В. В. в составе почвенно-ботанической экспедиции Переселенческого Управления занялся специально обследованием растительности Зайсанского уезда, и в 1918 г. опубликовал результаты своих многолетних флористических и геоботанических наблюдений здесь в книге „Растительность Зайсанского уезда". Этот труд В. В. (совместный с Б. К. Шишкиным) подводит итоги еще одной страницы, вслед за страницами Русского и Монгольского Алтая, в книге прихода русской географической науки. Покончено с прекрасным Алтаем, переброшен мост через неприветливые пустынные низины к красочному Семиречью, и пред В. В. встала следующая очередная задача его жизни—подвести итоги своим работам в обширном Тянь-Шане в пределах Семиречья.

В Семиречьи В. В. работал пять лет, сосредоточивая свое внимание во все экспедии, главным образом, на пограничных с Китаем горных хребтах. Только весну и первую половину лета, когда доступ в горы невозможен из-за снегов, он останавливался на соседних степях и пустынях.

В 1902 г., в самую крупную и продолжительную из всех своих экспедиций, В. В. апрель и май посвятил поездке на оз. Балхаш, а затем перешел в центральный Тянь-Шань, на р. Сары-джас, и закончил работу во второй половине лета обследованием западной части хребта Джунгарского Алатау.

В 1904 г.—вторая экспедиция в Семиречье; посещены горы Саур, Тарбагатай, восточная часть Джунгарского Алатау и Заилийский Алатау.

В 1912 и 1913-х годах—работа в Джаркентском и Пржевальском уездах, при чем оба года главное внимание В. В. было сосредоточено на юге Семиреченской обл. снова в Центральном Тянь-Шане.

Лето 1915 г. было посвящено Северному Семиречью, от Тарбагатая до Джунгарского Алатау включительно.

Огромный материал обще-географического, преимущественно оро- и гидрографического характера, добытый семиреченскими экспедициями, был частично опубликован В. В. в двух книгах „Очерков Семиречья“ и в нескольких кратких предварительных сообщениях в отчетах Переселенческого Управления. Но сам В. В. смотрел на „Очерки“, равно как и на „Растительность Зайсанского уезда“, как на работы второстепенные, освещающие, главным образом, промежуточный, наименее интересный с точки зрения географа-альпиниста, район пустынных низин и второстепенных горных хребтов, только связывающих северный и южный центры его научного внимания—Алтай и Тяньшань. С Алтаем было покончено, очередь была за Тянь-шанем.

Из маршрутов В. В. по Семиречью видно, что все они неизменно стягиваются к наиболее высокому району Тянь-Шаня в верховьях р. Сары-джас, увенчанному колоссальным снежно-ледяным массивом Хан-Тенгри с вершинами в 5, 6 и даже почти в 7 верст высоты. До и после В. В. сюда-же стремились и здесь работали многие русские и иностранные исследователи—П. П. Семенов-Тяншанский в 1857 году, Игнатьев, Альмаши, Боргезе, спутник В. В. в 1902 г. Мах Фридерихсен, Мерцбахер, Резниченко и др. Ими расшифрованы может быть только немногие основные черты этого огромного, в 10 тыс. кв. верст, массива, называемого Мус-таг, что значит ледяные горы, или Хан-тенгри—царь духов, с его колоссальными, до 40 и более верст длиной и многочисленными ледниками, с отходящими от него хребтами, каждый из которых обширностью, высотой и оледенением превосходит Европейские Альпы. Понятно, что материалы В. В., три раза проникавшего в глубь этого таинственного массива в центральной части Небесных гор (Тянь-Шань), представляют интерес первостепенной географической важности. Смерть помешала В. В. обработать эти материалы, и русская географическая литература, в своем богатейшем отделе по Центральной Азии, лишена возможности иметь рядом с „Катунью“ и „Монгольским Алтаем“ также и монографию того же автора по Тянь-Шаню в южном Семиречьи. Будем надеяться, что Томский Университет, дававший главные средства на экспедиции В. В. и теперь хранящий его рукописи, восполнит этот пробел.

Мы видели выше, что первоначальная научная специальность В. В.—физиология растений—скоро уступила место геоботанике, которая в свою очередь стала в подчиненное положение обще-географическим целям его исследований. Тем не менее растительности В. В. всегда уделял большое внимание, ботаническая часть его экспедиций всегда была самой основательной как по оборудованию, так и по числу помощников и коллекционеров. В силу этого Алтайский и Семиреченский гербарии В. В., принадлежащие Томскому Университету и там хранящиеся, достигают вероятно не менее как до 100 тысяч листов и содержат в себе вместе с полевыми записями В. В. колоссальный флористический и геоботанический материал. Только Алтайские сборы более или менее использованы П. Н. Крыловым во „Флоре Алтая и Томской губернии“; большая же часть сборов или только частично опубликована в виде списков, приложенных к некоторым печатным трудам В. В., или еще ждет своей обработки. Сам В. В. из области геоботаники всегда тщательно собирал и обрабатывал мате-

риал по вопросу о горизонтальном и особенно вертикальном распространении главных древесных пород изучаемых районов; в области же систематического состава своих сборов он уделял большое внимание двум крупным и интересным родам Туркестанской флоры—Oxytropis и Astragalus. В сборах В. В., произведенных в таких „классических областях эндемизма“, как глубокий Алтай и Западная Монголия, с ее горами, вероятно, имеется не мало новых растительных форм.

Сам В. В. опубликовал описание нескольких новых видов (Oxytropis Irbis, Oxytropis Komei, Oxytropis Aigulak); другими ботаниками названы именем Сапожникова из его сборов также несколько новых видов и даже родов (Oxytropis Saposchnikowi Kryl., Betula Saposchnikowi Litv., Timouria Saposchnikowi Roshew. nov. gen. et sp.). Мы уверены, что этими данными далеко не исчерпываются новинки из сборов В. В. как опубликованные, так тем более еще не установленные и потому неопубликованные.

Таковы в немногих словах главные моменты работы и достижений В. В. Сапожникова, как исследователя—географа.

Какова же их ценность?

Мы не имеем возможности и не ставили себе целью у свежей могилы В. В. критически разбирать научно-исследовательское дело всей его жизни. Эта ответственная и специальная работа—дело будущего. Отметим только, что и при жизни В. В. люди науки и научные общества, каждый в области своей специальности, неоднократно, по разным случаям и различными способами уже производили оценку научных заслуг В. В. Ботаники в честь его давали имена новым растениям, на что указывалось выше; у зоологов нам известен ремез—Antoscoreus Ssaposchnikowi; географы его именем называли выдающиеся горы в области своих исследований, как напр. пик Сапожникова у Фридерихсена в 5512 метров высоты в Центральном Тянь-Шане, или пик с тем же именем А. Н. Седельникова в Алтае близ оз. Маркакуля в верховьи р. Кабы; моряки назвали его именем один мыс в Обской губе.

Русское Географическое Общество, к научным интересам которого ближе всего стояли исследовательские работы В. В., неоднократно отмечало его заслуги пред наукой; так в 1897 г. за сообщение о ледниках Алтая ему присуждена серебряная медаль, в 1900 г. за исследования физико-географического характера в области Алтая —медаль имени Пржевальского, а 31 января 1912 г. Совет Общества присудил ему золотую медаль имени П. П. Семенова за общую совокупность работ и за „Монгольский Алтай“.

В. В. состоял почетным членом многих научных обществ и учреждений как Сибирских, так и центральных и даже заграничных; из них нам известны: Томский Университет и Общество естествоиспытателей и врачей при нем, Томское Орнитологическое Общество, Алтайский, Семипалатинский и Западно-Сибирский Отделы Русского Географического Общества, Западно-Сибирский Государственный Медицинский Институт в Омске, Омское Медицинское Общество, Русское Ботаническое Общество, Русский Географический Институт, Берлинское Общество Землеведения.

Так оценивал научный мир исследовательскую работу В. В. Сапожникова. Но широта, размах натуры В. В. не укладывались в одно научно-исследовательское русло. Следуя завету своего учителя К. А. Тимирязева, он действительно не замыкался от жизни в кабинете, и жизнь оценила это: на двух его великих праздниках—на юбилеях

1910 и 1924 г.—представители науки сошлись с представителями общественности, с многочисленным студенчеством настоящего и прошлого, с участниками экспедиций юбиляра, с его академическими сотрудниками и, наконец, просто с его личными друзьями.

Тут не было места кастовой замкнутости, узости, нетерпимости, потому что чествовался многогранный, свободный, культурный человек.

Эти высокие качества не только во всю жизнь В. В., в труде и отдыхе, в университете и в диких горах Азии объединяли около него круг лучших местных людей, дружные кучки смелых спутников экспедиций или рвущуюся к знанию университетскую молодежь, но и самому В. В. они дали возможность в последние годы, несмотря на преклонный, казалось бы естественно консервативный, возраст легко понять новые пути жизни и примкнуть к ее строителям, в глубоком убеждении, что только наука и истина, которым он служил всю жизнь, есть единственные надежные маяки на извилистом пути человечества к светлому будущему.

В. С.

17/X. 1924 г.
Омск.

В. Ф. Семенов.

Краткий очерк растительности Омской губернии.

I.

История и материалы по изучению растительности Омской губернии.

Научное ознакомление с растительностью центральной части Западно-Сибирской равнины, где в последнее время из частей бывших здесь губерний и областей образована современная Омская губерния, началось еще два века тому назад, но только в последнюю четверть этого долгого периода оно стало заметно подвигаться вперед и становиться на путь планомерного изучения. Вот краткая история этого далеко еще незаконченного дела.

Начало ознакомления с флорой нашего края было положено Мессершмидтом, который с 1720 и по 1727 г. г. работал главным образом в Западной Сибири, посланный из Петербурга от Медицинской Канцелярии в Сибирь „для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корения и семян, и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы“; к сожалению, его обширные ботанические сборы погибли во время пожара Академической Кунсткамеры в 1749 г., но некоторые сведения о них сохранились в работах Гмелина, Палласа и др. ученых, пользовавшихся этими коллекциями.

Затем следуют две знаменитые Сибирские экспедиции Петроградских академиков. Первая из них работала в Сибири в 30-х и начале 40-х годов 18 века с участием Гмелина, автора Флоры Сибири —этого „по истине классического творения“ (Рупрехт); в Западной Сибири Гмелин в 1734 году проехал через Омскую губернию по Иртышу от Тобольска до Омска. Этим же путем прошли некоторые участники и второй Академической Экспедиции в Сибирь в 1770—1774 г.г. во главе с Палласом (Фальк, Георги и сам Паллас).

В конце того же 18 века и в течение первой половины 19-го растительности нашего района касаются многие другие исследователи природы Сибири или вообще Азиатской России, среди которых следует упомянуть: парижского адвоката Патрена, экскурсировавшего около 1780-го года в Барабинской степи и других местах бывшей Томской губернии, совместно с Змеиногорским врачем П. И. Шангиным; П. П. Семенова-Тяньшанского, проехавшего в 1856 году Омск по пути в Семиречье; Цитовича и некоторых других.

Все исследователи этого почти полуторовекового периода только мимоходом и весьма поверхностно затронули растительность нашего

района. Это был период только первоначального ознакомления с его флорой, а не изучения. Академики и их спутники имели слишком обширные задачи, как по содержанию—общее географическое изучение страны, так и по территории—вся Азиатская Россия, или ее глубоко интересные для натуралистов окраины, как Сибирский Север, Амур, Алтай, Семиречье, куда все они и стремились, быстро минуя наш край.

Второй период истории ознакомления с флорой нашего района начинается в конце 70-х годов минувшего столетия и охватывает работы, как местных научных работников, главным образом Омских, так и ученых соседних с Западной Сибирью университетских центров —Казани и Томска.

Работа местных научных работников и любителей давала главным образом материал и его сводки по выяснению видового состава флоры края. Начавшись в 70-х годах сборами воспитателя Омской военной гимназии (позднее-корпуса) И. Я. Словцова в окрестностях Омска, работа эта постепенно углублялась и расширялась, охватывая все больший и больший район. В особенности много в этом отношении сделано Омскими ботаниками в 80—90-ые годы: Ю. И. Килломаном, К. Л. Гольде и М. М. Сиязовым, из которых последний более 30 лет, начиная с 1883 г., наблюдал и изучал флору главным образом близких окрестностей Омска, а затем многих других пунктов, как в пределах нынешней Омской губернии (Тара, Екатерининский завод, Красноярка, Ачаир, левобережье р. Иртыша и пр.), так и далеко за ее пределами. (См. список литературы).

Первая печатная работа Сиязова „Итоги исследования Омской флоры“ появляется в X книге „Записок“ Западно-Сибирского отдела Русского Географич. общ-ва в 1889 г., а через 15 лет—в 1904 г. в тех же „Записках“ в кн. XXXI он дает критическую сводку всех имевшихся к тому времени сведений по флоре района Омска в книге „Poctgoldeana.—Новый список видов Омской флоры“. Эта книга с позднейшими дополнениями к ней до сих пор является главнейшим источником наших сведений по флористике средней части Омской губернии

Из других местных научных работников следует назвать Н. Л. Скалозубова, много сделавшего и своими статьями, и многочисленными сборами для изучения растительности бывшей Тобольской губернии и в частности ее уездов Тюкалинского и Тарского, вошедших теперь в состав Омской губернии.

Казань дала для Западной Сибири и в частности для Омской губернии трех маститых ученых геоботаников—П. Н. Крылова, А. Я. Гордягина и академика С. И. Коржинского. Первый и последний занялись флорой Западной Сибири уже по переходе из Казани в Томский университет, который с того момента и до последнего времени является научным ботаническим центром Сибири.

П. Н. Крылов, приступивший к своим работам по флоре Зап.-Сибири в начале 80-х годов минувшего столетия, сосредоточил их преимущественно на Томской губ. и, в частности, особенно в 1912 и 1913 г. г. на западной ее лесо-степной и степной части, вошедшей теперь в состав Омской губернии в виде Славгородского и Татарского у. у. В результате этих десятилетий геоботанической работы П. Н. Крылова с его учениками (Ревердатто, Уткин и др.), в Томской губ., для степной и лесной части ее запада в 1913 и 1916 г. г. появились работы в изданиях Переселенческого Управления—„Раститель-

ность в Барабинской степи и смежных с нею местах“ и „Степи западной части Томской губернии“ (Крылов 7 и 8). Эти две работы, по своей глубоко-научной обоснованности и методам, по обилию фактического материала, по детальности изучения местной флоры с точки зрения ее группировок в сообщества и распределения последних по зонам и подзонам, являются тем основным и пока еще никем не поколебленным научным базисом, на основе которого и от которого изучение растительного покрова Западно-Сибирской равнины должно было двинуться во все стороны. На запад, то-есть главным образом на территорию нашей Омской губернии, это движение уже началось в исследованиях ботаников последних годов (Кучеровская, Баранов и др.), на большом протяжении вплотную подошло к Иртышу, в некоторых пунктах (Варенцов на севере Омской губ., Кучеровская на юге в соседних частях Семипалатинской губ.) перешагнуло за Иртыш на его левобережье. Такому движению на запад заложенных в степях Томской губернии идей способствует естественное продолжение в эту сторону Западно-Сибирской равнины и обусловленное ею однообразие явлений в жизни растительного покрова.

В настоящем очерке мы делаем попытку, на основании литературных данных и своих наблюдений, покрыть всю площадь Омской губернии теми растительными зонами и подзонами, которые прочно заложены П. Н. Крыловым на ее востоке. Дальнейшему детальному изучению растительности левобережья р. Иртыша, стоящему в первой очереди научно-исследовательской работы в нашей губернии, надлежит исправить, если потребуется, нашу попытку, обосновать соответствующие ботанические категории и прочно проложить их на карте.

Другой Томский ботаник—академик С. И. Коржинский коснулся нашей губернии только в 1890 г. в районе озер Кулундинского и Чаны, но в результате от этого остался только гербарий Коржинского в Академии Наук.

С запада, из Казани, научное исследование растительного покрова Западно-Сибирской равнины подвигалось к востоку и достигло нашей губернии в работах А. Я. Гордягина, который вел свои работы по изучению Зауралья с 1894 по 1899 г. В Омскую губернию он проникал в 1895 и 1896 г. г., посетивши уезды Тюкалинский, Омский и Калачинский. В результате шестилетнего изучения обширной площади от устья Иртыша на севере и до гор Улутау и верховьев р. Ишима на юге, от Урала на западе и до современного Калачинского уезда на востоке, явилась капитальная работа А. Я. Гордягина „Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири“, которая является отправным и руководящим научным трудом для всех позднейших исследовательских работ в этом районе. Не будучи таким детальным, как работы П. Н. Крылова, труд этот отличается широтой обобщений и обрисовкой основных черт главнейших геоботанических районов края.

На ряду с научными работами местных ботаников в нашем районе с 1908 г. начинаются обширные почвенно-ботанические исследования Переселенческого Управления, приведшие сюда много новых научных сил из Европейской России и вовлекших в свой круг почти все местные ботанические силы. С этого времени начинается новый период изучения растительности Азиатской России—период с утилитарными целями на первом плане, главным образом связанными с задачами землеустройства и переселения. Одновременно с почвенно-ботаническими экспедициями Переселенческого Управления здесь рабо-

тают многочисленные, как центральные, так и местные экспедиции, партии, отряды, станции, опорные пункты и т. п. учреждения различных ведомств и организаций, как центральных, так и местных. Таковы экспедиции по исследованию степных областей Департамента Земельных Имуществ в начале 900-х годов под начальством Щербины; экспедиции войскового, лесного и других местных ведомств; исследовательские работы от Алтайского ведомства Кабинетских земель; ряд специальных исследовательских организаций Главного Управления Землеустройства помимо почвенно-ботанических экспедиций Переселенческого Управления (гидротехнические, мелиоративные, по изучению колонизационных районов и т. п.); многочисленные обследования по почину и задачам Губернских Земельных Управлений последнего времени; организации по сбору лекарственных растений и т. п. В этих работах, как указано выше, в конце концов приняли участие почти все наличные ботанические силы России, как старые, с широко-известными именами, так и начинающие. В пределах Омской губернии работали в числе членов организованных с практической целью экспедиций—Гордягин, Танфильев, Скалозубов, Сиязов, Крылов; затем следуют—Пташицкий, Кнорринг, Спиридонов, Баранов, Семенов, Шелудякова, Сердюков и др. Внесли немалый вклад в познание растительного покрова Омской губернии и почвоведы (Искюль, Драницын, Хаинский, Горшенин, Винокуров, Берников, Смирнов и др.), и агрономы, и болотоведы и другие специалисты, работавшие и работающие в последние годы по специальным вопросам местного хозяйства (см. приложение о гербариях и литературе).

С организацией в Омске нескольких высших учебных заведений и с возникновением, в связи с этим, здесь прочного научного центра, в деле изучения местной флоры наступил новый период—детального научного и научно-хозяйственного направления. Особенно это тесно связано с Сибирской сельско-хозяйственной Академией, имеющей целью не только готовить специалистов по различным отраслям сельского хозяйства, лесоводства и землеустройства, но прежде всего изучать местные естественно исторические условия, без знания которых совершенно немыслима и рациональная подготовка квалифицированных работников краевого сельского хозяйства. Растительность обслуживаемого Академией края естественно должна занять одно из первых мест в научно-исследовательских работах этой по преимуществу фитотехнической высшей школы Западной Сибири, где и полевое хозяйство, и луга, как основа животноводства, и леса, и землеустроительные перспективы—все требует основательного знания местной флоры. Академия с первых же лет своего существования вплотную приступила к этой работе. Ее ботаники, совместно с почвоведами, ведут интенсивную работу и по губернии, и в более широком краевом масштабе, то по чисто научным и кафедральным вопросам, то по учебным и хозяйственным заданиям Академии, то по поручению местных земельных и других хозяйственных органов. В „Трудах" и сборниках Академии, в периодических и непериодических изданиях Омска („Сибирская Природа", „В помощь земледельцу" и др.) уже появились первые результаты этих работ.

Перспективы дальнейших научных и прикладных работ Академии в области местного растениеведения все более и более раздвигаются по мере подхода к ним вплотную, как это было указано, наприм., выше—по вопросу изучения местных растительных сообществ и распределения их по территории губернии и всей области (своего рода ботаническое районирование края).

Мое личное участие в изучении растительности Омской губернии в ее современном составе незначительно, так как в прежние годы (1909—1915) вся моя геоботаническая работа была приурочена к бывшей Акмолинской области и охватила сетью маршрутов все ее тысячеверстное пространство вдоль и поперек. В пределах части этой области, вошедшей в состав Омской губернии, мною были произведены обследования к югу и к юго-западу от Омска по маршрутам: 1) в 1912 г.—Омск, селен. Сосновка, Привольное, Александровское, Екатеринославское, Антоновка, Славянка, Максимовка, Поповка и снова Омск; весь маршрут лежит в пределах березовых колков до их южной границы; 2) в 1913 г.—весной вверх по Иртышу за пределы Омской губернии и во второй половине лета от юго-западной границы уезда через с. с. Ольгино, Полтавское и другие в Омск; 3) в 1914 г,—Омск, пос. Черемуховский, переправа на левый берег р. Иртыша и прямо на юг через Любомирку, Павлоградку, Белоусову, Степановку, (и далее за пределами уезда на р. Селеты, г. Акмолинск и т. д. до г. Перовска).

В 1920 г. я принимал участие в почвенно-ботанической экспедиции Омского Губернского Земельного Управления и произвел детальное, в 10 вер. масштабе, обследование растительности правобережья Омского уезда от южного его конца у пос. Татарского на р. Иртыше (теперь эта часть уезда отошла в Киркрай) и до северной границы уезда близ сел. Крутихи также на р. Иртыше.

В 1921 г. я имел случай в течение 4-х недель ознакомиться с таежной растительностью в Екатерининской лесной даче Тарского уезда, принимая участие в экспедиции лесного факультета Сибирской сельско-хозяйственной Академии.

Результаты моих исследований по Омской губернии при составлении настоящего очерка были использованы в соответствующих местах, главным образом, по югу Омского уезда.

В числе материалов по флоре Омской губернии в конце настоящего очерка приложен небольшой список гербариев. Одни из перечисленных в нем гербариев невелики и не имеют большой цены в деле растительного районирования, другие, наоборот, представляют во всех отношениях крайне важный ботанический материал (сборы Баранова, Кнорринг, Спиридонова, Семенова, Тарского мелиоративного опорного пункта и нек. др.) и нужно только пожелать скорейшей их обработки и опубликования.

В списке не упоминаются многие ботанические материалы, хранящиеся в Омском Краевом Музее (бывшем до 1921 г. Музее Западно-Сибирского Отдела Русского Географического О-ва), где мной в 1915 г. просмотрены сборы по бывшей Акмолинской области (Семенов, 4); тогда в солидном гербарии Музея было не мало сборов и из других мест, в том числе из многих пунктов современной Омской губернии (из Тарского у. сборы Сиязова, из других уездов сборы переселенческих работников и т. п.), но ближе ознакомиться с ними в 1915 г. у меня не было цели, теперь же они пока, за переорганизацией Музея, недоступны для обзора. Есть между ними и не опубликованные материалы.

Просматривая кратко изложенную выше историю изучения растительности Омской губернии, а также перечисленные в приложении материалы, мы должны отметить следующие обстоятельства:

1) Различные части и даже целые уезды губернии изучены неравномерно: наиболее обстоятельно и полно мы знаем растительный покров юго-западной половины губернии, то-есть, у. у. Славгородский,

Татарский (работы Крылова), Калачинский (работа Баранова) и частью Омский. Северо-западная часть губернии и особенно Тарский уезд изучены значительно слабее, а Тарский уезд по правую сторону р. Иртыша в огромной своей части совершенно не обследован.

2) Изучение растительности велось до сих пор непланомерно, с различными целями, различными методами. Такое положение дела, вполне объяснимое пространственной и исторической разрозненностью работ, в последние годы видимо изживается под влиянием новых течений в геоботанике, и особенно в фито-социологии и фитоэкологии. Вероятное сосредоточение дальнейших работ по изучению растительности губернии в Омске должно повести к упорядочению их со стороны планомерности и методов.

3) Многие уже добытые материалы, часто весьма ценные, находятся в виде гербариев или рукописей и должны быть по возможности скорее опубликованы.

II.

Естественно-исторические условия Омской губернии и влияние их на местную растительность.

Естественно-исторические факторы Омской губернии, даже наиболее сильно влияющие на местную сельско-хозяйственную жизнь, как почвы и климат, в настоящем очерке затрагиваются кратко и только с точки зрения их участия в образовании общей картины растительного покрова губернии.

Пространство и географическое положение.

Омская губерния в современных границах имеет площадь более 200 тысяч квадр. верст и может, следовательно, покрыть 5—6 губерний Средней России. Северная часть губернии глубоко внедряется в сплошные леса Западно-Сибирской тайги и достигает здесь до 59° с. ш., то-есть заходит севернее Тобольска верст на 80; южная—почти вся целиком лежит в безлесной степи приалтайской части Западно-Сибирской равнины и почти касается здесь 51° с. ш., не доходя до Семипалатинска 100 верст. Естественно, что на такой огромной площади, вытянутой к тому же с северо-запада на юго-восток на 1000 верст по прямой линии, даже при условии полной равнинности всей площади губернии, на ней не могут быть всюду однородные естественно-исторические условия. Растительность особенно ясно говорит об этом: всем известная лесостепь из березовых лесков—„колков" и открытых степных полян между ними покрывает широкой полосой среднюю часть губернии, где издавна осела главная часть земледельческого населения губернии, где проходят главные железно-дорожные и водные пути края, где сосредоточилась основная промышленность края—сельско-хозяйственная. К северу от лесо-степи широко раскинулась мрачная Сибирская тайга с ее темными, сырыми, заболоченными хвойными лесами, с трудом уступающими место пашням вытесняемого сюда степным малоземельем земледельца. К югу от лесостепи, наоборот: почти половина Славгородского уезда лежит в совершенно безлесной, сухой степи, где врагом земледельца становится не излишек влаги и болото, как в северном конце губернии, а засухи и солонцы, и где единственное, неприхотливое дерево—сосна занимает бесплодные боровые пески южного конца Славгородского уезда.

По своему географическому положению, протяжению, естественно-историческим условиям и сельско-хозяйственной жизни Омская губерния соответствует в пределах Европейской России району Вологда—Саратов, при чем Вологдо-Костромские леса аналогичны нашему таежному Тарскому уезду, а Саратовская губерния—Славгородскому уезду.

Рельеф.

На всем этом огромном пространстве поверхность нашей губернии представляет почти идеальную равнину со слабым уклоном от юго-востока на северо-запад; постепенно спускаясь от 100 саж. высоты над уровнем моря в своем южном подалтайском конце до 50 саж. в средней части, в районе Сибирской железной дороги, она севернее, в пределах Тарского уезда, спускается уже до 40 саж. На общем фоне этой немного вогнутой в средней части и по Иртышу равнины имеются местные повышения и понижения с незначительной вертикальной амплитудой и с весьма разнообразной по обширности площадью горизонтального простирания. Из числа этих местных явлений рельефа, всегда играющих видную роль в распределении растительных сообществ, в пределах нашей губернии заслуживают быть отмеченными следующие:

1) Гривы—пологие неширокие, до 100—500—1000 и более сажен ширины, и невысокие, до 1—5 саж. высоты над соседними понижениями, но длинные, в несколько верст длиной повышения, обычно идущие с юга-запада на северо-восток, и отделенные друг от друга более обширными по площади понижениями. Они весьма обычны в южной части губернии (Кулундинская степь), а также в средней части, как к востоку от Иртыша (Барабинская степь), так и к западу от него, причем в Тюкалинском уезде и на той же широте к востоку от Иртыша гривный ландшафт выражен особенно отчетливо; к северу отсюда, с увеличением заболоченности и облесения района, гривы становятся ниже, едва уловимыми на глаз, и называются у местного населения „сухопутьями" или островами и материками, благодаря обилию окружающих их болот. На севере Тарского уезда—в тайге, и на юге Омского у. гривы выражены очень слабо.

2) Озерно-солонцовые понижения от весьма обширных, во многие десятки верст в поперечнике, опущенных среди окружающей равнины на 10—15 саж., и занятых обыкновенно солонцами, до небольших и неглубоких блюдцеобразных понижений, в лесо-степной части обычно занятых березовыми колками, а в безлесных районах озерками, болотцами, зелеными куртинами разнотравья, и иногда встречающихся в таком обильном количестве, что степь становится пестрой—„кырала".

3) Всхолмленность моренного типа, часто соединенная с боровыми песками или сильно песчанистой почвой и подпочвой; площади подобной всхолмленности различной величины (до десятков, может быть и сотен кв. верст) встречаются спорадически разбросанными по всей территории губернии: часто в тайге Тарского у., где отмечены во многих казенных лесных дачах (Екатерининской, Туйской, Бичинской и др.), реже к югу от тайги, например, в районе с. Чернолучья и Красноярки, где, как и в тайге, ясно отмечены сосной и другой боровой растительностью.

Близки к этому роду всхолмленности дюнные пески, встречающиеся в южной части губернии и также покрытые сосной (юг Славгородского уезда).

4) Приречные увалы, особенно ясно выраженные по правобережью Иртыша почти по всему его протяжению в губернии, по р. Ишиму и их притокам; увалы эти идут параллельно долине рек, в расстоянии от них 2—10 верст и в некоторых случаях создают как бы барьеры, удерживающие стоки воды из междуречных плато; они нередко со стороны рек имеют песчаные и супесчаные почвы, а на вершинах черноземы, и являются лучшими сельско-хозяйственными угодьями, как и гривы внутри страны, особенно в болотистой ее северной части.

5) Приречные всхолмленные пространства, особенно прилежащие к правым берегам рек губернии—Иртышу, Оми, Таре, Тую, Шишу и др., вместе с глубокими до 10—20 саж. долинами этих рек, с их ярами, иногда здесь называемыми „горами“, с неменее глубокими, часто узкими и сильно затененными многочисленными логами, представляют в северной половине нашей губернии, начиная с р. Оми, район наиболее резко выраженного рельефа. Н. В. Павлов (см. литературу), пересекший правобережье Иртыша севернее г. Тары через водоразделы между Иртышем, Шишем и Туем, пишет: „сильная расчлененность рельефа, гористость местности, поражающая наблюдателя уже в полосе боровых песков, по мере пересечения водоразделов к северу, все увеличиваются“. Прииртышье южной и средней части Омского у. этих приречных гор не имеет, за полным отсутствием здесь боковых водостоков. Эти всхолмленные районы являются в то же время и наиболее хорошо дренированными, вследствие чего здесь создаются условия самого разнообразного экологического характера, позволяющие в подобных местах селиться и болотным растениям на дне логов, и степнякам на сухих солнечных склонах, и таежным тенелюбам на противоположных затененных склонах.

Не вдаваясь здесь в полные глубокого теоретического и практического интереса вопросы генезиса всех явлений рельефа Омской губернии, мы отметим только в общих чертах роль местного рельефа в создании растительного покрова губернии.

От равнинности нашего района, при его ничтожном и постепенном понижении от 100 саж. над уровнем моря в южном конце до 40—50 саж. на севере, зависит однородность растительного покрова на обширных площадях и та постепенность смены растительного ландшафта, которая так затрудняет проведение границ между существующими здесь широтными флористическими зонами.

При ближайшем же знакомстве с растительностью Омской губ. оказывается, однако, что однородность эта нередко нарушается и ландшафт становится довольно пестрым в зависимости от микрорельефа, а местами и от более значительной расчлененности рельефа. Все эти вертикальные отклонения от общей равнинности губернии, колеблющиеся в пределах аршин и даже долей аршина в микрорельефе, и доходящие до нескольких сажен и даже 1—2 десятков сажен в речных долинах и в приречных „гористых“ районах северной половины губернии, создают довольно пестрые условия увлажнения, засоления, освещения, температуры, благодаря которым на сравнительно небольших площадях и часто в близком соседстве возникают отличные друг от друга растительные сообщества. Таковы, разнообразные виды моховых и осоковых болот, многочисленные рямы, согры, гальи, ляги северной части губернии, займища, алапы, ракиты, березово-осиновые колки средней части, томары, чилики,

блюдца, западины, солонцы и солончаки в южной; группы боровых и дюнных песков дают приют сосновым лескам, а овраги в приречьях и глубокие речные долины сохраняют под своей защитой северные и тенелюбивые растения рядом со степняками.

Реки и озера, количество которых грубо характеризует влажность климата, а вместе с тем и растительность, распределены по губернии весьма не равномерно: на севере много рек и озер, в средней части много только озер, в южной—почти нет рек и мало озер, что вполне совпадает и с общей картиной распределения растительности. Этот видимый параллелизм не выражает, конечно, зависимости растительности от открытых водоемов и наоборот, но сугубо подчеркивает влияние на то и другое их общей причины—климата. Об этом влиянии климата, как такового, будет сказано ниже. Здесь же мы только обратим внимание на ту комбинацию влияний, которая вытекает из рельефа страны и ее климата, и реализируется в количестве наземных и почвенных вод и в их засолении, так как огромное влияние на растительность двух последних факторов очевидно и общеизвестно.

По количеству вод в зависимости от рельефа равнина нашей губернии может быть подразделена на 2 части: а) бессточное плато водоразделов и удаленные от рек пространства и б) прилежащие к рекам дренированные районы. О последних говорилось выше.

Бессточные пространства на севере губернии характеризуются обилием огромных сплошных сфагновых болот, составляющих на севере и востоке Тарского уезда часть обширного Васьюганского болота, в виде „моря“ занимающего водораздел р. р. Оби и Иртыша. Южнее, в южной половине Тарского уезда и в северных частях Тюкалинского, Калачинского и Татарского у. у., количество болот уменьшается, они изменяются в гипновые, осоковые, нередко засоляются и даже превращаются в солончаки. С уничтожением лесов этот процесс осушения и засоления безсточных плато происходит особенно усиленно, а в последние годы быстрого заселения района даже на глазах исследователей. Болотные почвы севера здесь исчезают, господствуют подзолы и деградированный чернозем, местами слабо засоляемый.

Еще южнее, во всей южной половине губернии, бессточные равнины превратились в обширные пространства солончаков, солонцов и многочисленных соленых озер, усыхающих и исчезающих массами. Почвы в плакорных условиях—чернозем всевозможных разностей и значительного засоления.

Климат Омской губернии в основных чертах своих, важнейших для растительного покрова, факторов—температуры и влажности—характеризуется следующими приблизительными данными матеорологических станций губернии и соседних с нею пунктов. Средняя годовая температура в 0,0 проходит немного севернее средины губернии (см. таб. 1), пересекая ее нулевой изотермой между Тарой и Омском с северо-запада на юго-восток. Для северной половины губернии средняя годовая температура на пол-градуса ниже нуля (—0,2 в Тобольске и—0,8 в Каинске); для южной—превышает его градуса на 2 (2,4 в Семипалатинске).

Общее количество осадков за год в северной части губернии доходит до 400 миллиметров (в Тобольске 443), в средней—до 300 (Омск 310) и на юге падает ниже 200.

Вегетационный период, занимающий в году по всей губернии пять месяцев—с мая по сентябрь включительно,—может быть охарактеризован следующими данными, по тем же метеорологическим факторам, приводимыми Б. Н. Городковым для южной части Западно-

Сибирской низменности, где расположена наша губерния (Городков, 2), с округлением их до целых чисел:

1) в северн. части (Тарский у.)	сред.	темп.	13,0	осадки	277 м. м.
2) южнее (до Тюкалинска) . . .	„	„	14.0	„	269 „
3) средина губ. (Омский, Калачин. и часть Татарск. у. у.)	„	„	15,0	„	228 „
4) юг губернии (в Славгород. у.)	„	„	17,0	„	123 „

Приведенные цифры, как для всего года, так и для вегетационного периода, согласно дают общую картину климатических условий в пределах Омской губернии и своей постепенностью в изменении с севера на юг обусловливают широтную зональность в распределении растительности по территории губернии. Но эти климатические данные, взятые сравнительно для небольшой средней части юга Западно-Сибирской равнины, далеко не объясняют некоторых явлений в простирании растительных зон в пределах нашей губернии, не объясняют главным образом их явного уклона к югу на востоке. Не объясняют они также и многих других крупных явлений в жизни нашей растительности, как например, наличия здесь границ распространения многочисленных северных и южных видов местной флоры, прохождения через нашу губернию своеобразного „растительного пролива", соединяющего широкие ареалы многих европейско-азиатских видов и т. п., о чем будет сказано несколько слов ниже. Причина этого недостатка местной климатологии кроется в чрезвычайно малом количестве пунктов наблюдения в Омской губ. и прилежащих частях Западной Сибири, и в незначительной продолжительности наблюдений на существующих метеорологических станциях. Даже и при значительно лучшей постановке метеорологического дела в крае, метеорологические данные не могут запечатлеть в цифрах местный климат с такой детальностью в пространстве и с такой близостью к средним величинам во времени, как это делает в природе растительный покров края—этот чувствительнейшей самопишущий на лике земли живой прибор—прежде всего термо-гигрометр.

По причине того же незначительного количества пунктов с более или менее изученным климатом, а также по причине недостаточной обширности охваченной ими территории, в виде одной Омской губернии, невозможно провести по ней изолинии, характеризующие своеобразные фито-географические явления края.

Иные возможности и совершенно определенные картины открываются пред нами, когда мы обратимся к данным метеорологических пунктов на обширной территории всей Западной Сибири и соседних частей Европейского Зауралья, северного Туркестана и Средней Сибири, и сопоставим их с данными фито-географии. Попытку этого сопоставления мы делаем на прилагаемых трех таблицах.

Таблица I представляет уменьшенную выкопировку из нескольких таблиц Климатического атласа России Вильда, изданного Главной Физической Обсерваторией к 50-летию ее существования. На этой таблице изолиниями абсолютной и относительной влажности, за самые критические в вопросе о влажности для жизни растений месяцы—июнь и июль—совершенно отчетливо намечено прохождение через Западную Сибирь, в том числе и через нашу Омскую губернию, особого „климатического пролива". Подобное явление не повторяется Климатическим Атласом для других мест с такой же очевидностью и, следовательно, не является здесь искусственно подобранным.

Таблицы II и III беспристрастными показаниями растений подтверждают существование здесь этого пролива. Нанесенные на карты ареалы (области распространения) нескольких растений представляют только примеры многочисленных подобных же явлений. В моем распоряжении имеются ареалы более 1000 растений Зап. Сибири. Они составлены автором „Флоры Алтая и Томской губернии" П. Н. Крыловым *) и в некоторых случаях исправлены и пополнены данными из моих материалов по флоре бывшей Акмолинской области.

Таблица II иллюстрирует ареалы растений, прошедших пролив и распространенных в Европе и Азии; наиболее типичные ареалы этой группы имеются, например, у следующих растений с проливом через Омскую губернию, главным образом в северной ее половине.

Carduus crispus L.	Glyceria aquatica W.
Carex limosa L.	Gymnadenia conopsea R. Br.
Cheledonium majus L.	Nepeta Glechoma Benth.
Dianthus superbus L.	Polygonatum officinale All.
Dracocephalum Ruyschiana L.	Viburnum Opulus L.
Gentiana Amarella L.	Silene inflata Smitt.

Таблица III относится к группе растений как бы начавших свое продвижение из Европы в Сибирь и обратно. Одни из них только что прошли узкую часть пролива в районе Омской губернии и начинают развиваться восточнее в губерниях Томской, Ново-Николаевской, Алтайской (Galeopsis Ladanum L., Succisa pratensis Mönch., Iris sibirica L. и др.); другие достигают р. Енисея на востоке, а на юге направляются в Алтай (Anthemis tinctoria L., Brachypodium pinnatum P. B., Calamogrostis lanceolata Roh., Melampyrum cristatum L., Myosotis sparsiflora M., Senecio sarracenicum L., Verbascum nigrum L.), проникают за Енисей и доходях до Байкала (Campanula Cervicaria L., Carlina vulgaris L., Viola hirta L.) или, наконец, достигают Забайкалья, верховьев Амура и т. д. (Festuca pratensis Huds., Platantera bifolia Rich. и др.).

Та же таблица III дает картину встречного течения азиатских видов в сторону Европы. Растения этой группы, не столь многочисленной, как предыдущая, также не одинаково далеко продвинулись через Зап.-Сибирский пролив на запад: Vicia megalotropis Ledb. только что вошла в пролив, Pedicularis resupinata L. занимает уже средний Урал, Cypripedium macranthon Sw. спородически встречается и за Уралом, а Senecio repens Patr. и особенно Arabis pendula L. занимают уже всю среднюю Россию до верховьев Дона, до Днепра и т. д.

Для некоторых растений пролив оказался мелким по несоответствию его естественно-исторических условий потребностям этих растений, или стал таковым позднеее, и они или не могли пройти через него сплошным потоком, или вынуждены были именно здесь разорвать свой сплошной евроазиатский ареал на две части, оставив в районе пролива исторические памятники своего расселения в виде небольших островов и мелких вкраплений редких для нашей губернии растений. Таковы, наприм., ареалы Cypripedium Calceolus L., Pedicularis Sceptrum L. и многих других, редких в нашем районе растений, указанных обычно близ г. Омска, как наиболее обследованного района. Сюда-же должна быть отнесена и липа (Tilia cordata Mill. var. parvifolia), доходящая восточным концом своего европейского ареала до гор. Тары,

*) За любезное разрешение воспользоваться картами ареалов для настоящей работы я приношу П. Н. Крылову глубокую благодарность.

затем восточнее указанная в верховьях р. Оми и немного южнее Нарыма на р. Чае близ р. Оби (Кузнецов, 2), и далее на восток—в виде значительного островка в Кузнецком Алатау (Крылов, 1); затем ареал липы прерывается до Амурского края, где она снова широко и обильно распространена в форме var. amurense Kom.

Существование пролива подтверждается также и наличием, так сказать, его берегов. Следуя за изолиниями (таб. I), растения полярных стран южными окраинами своих ареалов образуют северный берег пролива, а растения средне-азиатских пустынь резко очерчивают его южный берег, в большом количестве подходя к нему с юга северными частями своих ареалов. Технические соображения не позволяют подтвердить здесь это положение картами ареалов многих растений Омской и соседних с ней губерний. (Malcolmia africana R. Br.' Lepidium perfoliatum L., Hymenophysa pubescens C. A. M., Chorispora tenella D. C., Zygophyllum Fabago L. и др. из многих семейств).

Где бы не возникали новые растительные виды, способные к широкому расселению,—на Алтае ли, в Восточной ли Сибири или на Урале и дальше на Западе,—разливаясь по Евразии, они устремляются в наиболее подходящее для них по климатическим особенностям русло пролива. Пролив для различных растений, в зависимости от их экологической природы, имеет разнообразную ширину и проходит своей осью (фарватер) то севернее, то южнее общего среднего простирания его около 55^0 сев. шир.

Говоря о существовании в районе нашей губернии растительного пролива, необходимо, однако, отметить, что немаловажной причиной обилия ареалов с узким перехватом именно в районе Омска и других городов по старому, наиболее заселенному, Сибирскому тракту является наибольшая изученность растительности этих мест. По мере накопления сведений о распространении тех или других видов многие из узких проливов расширяются и может быть в конце концов утратят характер пролива. Однако, следует заметить также, что и заселение Сибири земледельцами с Запада шло тем же проливом и по тем же, общим с дикорастущими растениями, причинам—наибольшей пригодности этой полосы Западной Сибири для сельско-хозяйственных культур.

Причины образования в Западной Сибири узкой полосы с некоторыми климатическими условиями широких областей на западе и на востоке от нее лежат в том влиянии, которое оказывают на климат Западной Сибири окружающие ее области. На западе Урал задерживает влагу господствующих в наших широтах юго-западных ветров и пропускает в Сибирское Зауралье воздух значительно осушенным и согретым, почему соответствующие изолинии делают здесь выступы к северу. На востоке могучий охладитель и гидро-конденсатор-Алтай сосредоточивает в своем районе значительную долю Западно-Сибирской влаги и заставляет климатические изолинии и широтную растительную зональность Обь-Иртышской равнины изменять на востоке свое широтное направление в юго-восточное, что совершенно отчетливо рисуется и на табл. I, и на прилагаемой к Очерку схематической карте растительности Омской губернии. На севере, в летние месяцы, охлаждающее влияние огромных масс воды сильно вдающихся в сушу Обской и Тазовской губы, а также холодных болотистых пространств с вечной мерзлотой на обширных водораздельных плато в области нижней и средней Оби, Таза и нижнего Иртыша заставляют эти изолинии сделать прогиб к югу и образовать в средней части Западно-Сибирской равнины залив северной флоры, покрывающий и

север нашей губернии. На юге пустыни Туркестана и полупустыни Киркрая с их высокой летней температурой и сухим воздухом действуют на изолинии в обратном направлении, выдвигают их к северу, и направляют залив степной растительности навстречу заливу северной флоры. Между этими двумя заливами, между двумя системами изогнутых навстречу друг другу изолиний остается „климатический пролив“ со средними между пустыней и тундрой свойствами температуры и влажности, благодаря чему здесь и пролегает перешеек многих обширных ареалов европейско-азиатских видов, или только начинают просачиваться виды того или другого материка для распространения в соседнем. Или, наконец, может быть и наоборот: здесь, в этом перешейке, может происходить разрыв ареала, сдавливаемого напором северного и южного заливов, если признать поступательное движение их друг к другу навстречу. Но этот вопрос приводит нас к другому интересному явлению в жизни флоры нашего района—к вопросу о колебании границ между лесом и степью.

По этому вопросу для Западной Сибири наиболее определенно за последнее время высказались ботаник П. Н. Крылов и почвовед Д. А. Драницын, являющиеся представителями двух противоположных течений в этом вопросе. Из их работ, принявших в 1915 г. полемический характер, а также и из работ многих ботаников и почвоведов по тому же вопросу, как в Европейской России, так и на Дальнем Востоке, видно, что сторонники надвигания леса на степь (Коржинский, Драницын и др.) основывают свою теорию, главным образом, на нахождении в глубине (на $^1/_4$—$^1/_2$ метра) современных лесных подзолистых почв темного гумусового горизонта, принимаемого ими за остаток когда то бывшего здесь чернозема—этой типичной почвы травянистых степей; отсюда они делают вывод, что современный лес занял территорию бывшей степи. Из других доводов в пользу этой теории приводят (Коржинский) факт нахождения в степях лиственных лесков на черноземной почве, и наоборот—остатки степняков в южных частях лесной области по солнечным склонам рельефа.

Сторонники отступания леса пред степью к северу (Крылов, Талиев и др.) опровергают выше приведенные доказательства своих противников возможностью иного их толкования; так, глубокий гумусовый горизонт может быть остатком не деградированной черноземной почвы, а полуболотной и, следовательно, генезис почв и растительности при этом толковании был совершенно иной: не увлажение и облесение степей, а усыхание и исчезновение лесов. Точно также существование лесков в степи и остатков степной формации в лесной области может быть объяснено с одной стороны стремлением леса снова занять насильственно отнятую у них территорию, а с другой—понимать степные формы в лесу не как „остатки“, а как вторжение, и наоборот, лески в степи—не как захват, а как реликты. Главным основанием для теории возростающего господства степи на южной границе лесной области является неоспоримый исторический факт—устребление лесов человеком, особенно интенсивное на южной границе лесной области, в районе наибольшего развития земледелия, и все возростающее с течением времени и с ростом населения. Крылов в своей работе „К вопросу о колебании границы между лесной и степной областями“ приводит много подобных фактов. В районе Омской губернии их также весьма много.

Таким образом, наша губерния, как и вся средняя часть Зап.-Сибирской равнины, благодаря прохождению через нее климатического и растительного проливов, а вследствие этого и наличию здесь границ

ареалов весьма многих растений, является ареной столкновения растительности соседних областей (арктической, Туркестанских пустынь, Европейской и Сибирской, в частности Алтайской) и потому особенно интересной как в вопросах видового состава ее флоры, так и вопросах ее генезиса.

Почва обычно признается основным, наравне с климатом, фактором растительной жизни. Не возражая против очевидной связи между почвой и растительностью и отмечая в дальнейшем главные типы почв под основными растительными сообществами, мы тем не менее только этими немногими замечаниями о почвах и ограничимся в настоящем очерке. Почвы сами являются, главным образом, продуктом совместного действия на поверхностные слои материнских пород климата и растительности, почему и обнаруживают одинаковую с этими факторами общую картину распространения по земной поверхности. Но отличаясь, по сравнению с растительностью, большой инертностью в следовании своих почвообразовательных процессов за медленными изменениями климата, а также почти полной независимостью от человека, почвы не поспевают за перемещением более подвижных растительных сообществ, и границы распространения тех и других часто не совпадают, примеров чему не мало и в Омской губернии. (Деградированный чернозем, новые южные границы березовых колков на юге и тайги на севере). Почвы могут некоторое время говорить о былом или будущем распространении растительности, но никак не убеждать нас в статическом равновесии их современного состояния. Большой и важный с теоретической и практической точки зрения вопрос о почвопостоянстве флористических элементов издавна занимает ботаническую мысль, но до сих пор не может считаться разрешенным сколько нибудь удовлетворительно и полно для всякого района. Попытки разобраться в этом вопросе мы встречаем во многих работах и по флоре занимающей нас здесь области (Гордягин, Крылов, Пташицкий, Баранов и др.), но все они приходят только или к простому констатированию факта и редко к более или менее убедительному установлению почво-постоянства отдельных растительных видов и небольших определенных растительных группировок, или наоборот (Гордягин, 2) приходят к выводу о почво-непостоянстве флористических элементов.

Недостаток фактического и опытного материала оставляет решение этого вопроса для нашего района дальнейшим изысканиям, а важность такого решения для практики полевой работы по оценке сельско-хозяйственных угодий ставит эти изыскания в число первоочередных. Необходимо довести выяснение зависимости почв и, главным образом, их сельско-хозяйственных качеств от видимого их проявления в растительном покрове до такой ясности и простоты, чтобы чтение этой зависимости в поле было доступно не только специалистам ботаникам и почвоведам, но и тем многочисленным землеустроителям разных специальностей, которые работали и еще долго должны работать по упорядочению сельско-хозяйственной жизни в нашей губернии.

Нам остается упомянуть еще об одном факторе, влияющем на распределение растительных масс по краю, о человеке. Роль его в этом направлении вначале заселения нового края совершенно ничтожна и часто даже страдательная, когда он, например, не может одолеть гнетущие его таежные леса и болота, или пески и засухи пустынь; но позднее, с все прогрессирующим в ускорении ростом населения, особенно в благоприятных для сельско-хозяйственной куль-

туры местах, подобных Омской губернии, он явно становится господином (часто, к сожалению, неразумным...) растительности, и чем дальше, тем больше, тем быстрее и глубже начинает изменять растительный ландшафт, преимущественно в направлении истребления лесов и замены их пашнями и лугами. Примеров этому в Омской губернии много и они слишком очевидны, чтобы останавливаться на них подробно. Достаточно упомянуть о передвижении южной границы березовых колков в пределах нашей губернии на памяти одного поколения к северу на десятки верст (см. карту), и об отступании тайги в северной половине губернии также к северу, чему имеются многочисленные свидетели в виде остатков таежной растительности (хвойные деревья, моховые болота и т. п.) во многих местах северной части теперешней лесо-степи, особенно в Тюкалинском и северной части Калачинского у. у. (см. Варенцов, Молотилов, Баранов).

III.

Растительные области Омской губернии и их зональные подразделения.

Выше было указано, что отправными путями научного исследования растительности Омской губернии являются работы М. М. Сиязова, давшего в своей „Postgoldeana“ (Сиязова, 7) полный список видов флоры для центральной части губернии, А. Я. Гордягина, нарисовавшего в „Материалах“ (Гордягин, 2) широкими штрихами общую картину Западно-Сибирских растительных и почвенных областей и краем этой картины охватившего западную часть нашей губернии, и наконец, работы П. Н. Крылова (Крылов, 7, 8 и др.), весьма подробно изучившего с фито-географической стороны восточную часть современной Омской губернии, когда эта часть еще входила в состав бывшей Томской губернии. Работами этих корифеев Западно-Сибирской ботанической литературы заложена прочная основа, поставлены руководящие вехи для дальнейшего детального изучения флоры Омской губернии. По этим вехам, главным образом по восточным вехам П. Н. Крылова, утвержденным на основе массовых флористических записей и статистического метода (Крылов, 8), в различных районах нашей губернии уже проложены грани между растительными зональными группировками Барановым в Калачинском у., Варенцовым в некоторых частях Тарского и Тюкалинского у.у. Опираясь на все эти и многие другие работы, а также и на личные наблюдения, мы и даем ниже описание, а в конце очерка схеметическую карту растительности Омской губернии.

По вопросу о классификации степей России вообще и Западной Сибири в частности высказывались многие ботаники; в последнее время наиболее яркими были выступления П. Н. Крылова и Б. А. Келлера и, наконец, В. И. Баранова (3). Их разногласия касались главным образом н а и м е н о в а н и й различных фито-социальных явлений степи и проистекали из различных отправных точек Келлера, как эколога, и Крылова, как геоботаника по преимуществу. Не имея возможности без достаточного материала и тщательной критики углубляться в детали этого вопроса и увеличивать разногласие и запутанность его терминологии, мы останавливаемся на предложенной П. Н. Крыловым „Схеме ботанико-географических областей с их подразделениями“ (Крылов, 8, стр. II) как наиболее основанной, охваты-

вающей значительную часть Омской губ. и принятой за основу в других работах по флоре нашей губ. (Баранов, Варенцов.) Мы вводим в нее только два незначительных изменения: 1) болотно-березовую зону Крылова называем лиственно-болотной и ставим в наименование зон, как и во всех других подразделениях растительного покрова, на первое место признак флористический; 2) „безлесную лугово-степную" зону Крылова называем безлесно-степной, чтобы сохранить единство в построении термина по общему признаку с другой зоной той же степной области—лесо-степной; в безлесно-степной зоне название безлесная лугово-степная может быть присвоено ее северной подзоне (если признать возможным подразделение ее на подзоны), которая одна и занимает юг Славгородского уезда.

Таким образом для Омской губернии у нас получается следующая схема фито-географических единиц:

ОБЛАСТЬ ЛЕСНАЯ.

Зона хвойно-болотная.
„ лиственно-болотная.

ОБЛАСТЬ СТЕПНАЯ.

Зона лесо-степная, подзона дернисто-луговая.
„ „ „ разнотравно-луговая.
„ „ „ ковыльно-кипцовая.
Зона безлесно-степная.

I. Лесная область.

Северная треть губернии до широты верховьев р. Ош (почти до 56^0 сев. ш.) лежит в лесной области, которая представлена здесь своими двумя южными зонами—широкой хвойно-болотной и более узкой лиственно-болотной.

I) Хвойно-болотная зона, пересекающая полосой верст в 500 всю Западную Сибирь от Урала через низовье р. Иртыша до средней Оби, простирается в нашей губернии с севера до р. Тары и переходит на левобережье р. Иртыша, где занимает небольшую площадь на водоразделе его с р. Ишимом. Север этой зоны в Тарском уезде, примыкающий к р. Демьяну, совершенно не обследован, вследствие крайней трудности проникнуть в него по обширным непроходимым болотам. При общей заболоченности края и всевозможных разностях болотистых и подзолистых почв, растительный ландшафт в этой зоне определяется рельефом и обусловленным им дренажем. Сильно всхолмленные и хорошо дренированные пространства вблизи многочисленных крупных рек зоны (Иртыш, Тара, Уй, Шиш, Туй и др.) покрыты урманом, то есть густым смешанным хвойным лесом из пихты, ели, кедра и небольшого количества лиственницы, с можжевельником в подлеске; во втором ярусе, а также в подлеске здесь не редки и лиственные древесные и кустарные породы—бузина (Sambucus racemosa L.), рябина (Sorbus Aucuparia L.) волчье лыко (Daphne Mezereum L.) шиповники, ломонос (Atragene sibirica L.), ивы (Salix mirtilloides L., S.lapponum L.), изредка черемуха, калина и т. п.. Сюда же вклинивается восточный конец евпропейского ареала липы, проникающей по при-Иртышью с притоками до г. Тары. В травяном покрове урмана мы находим типичные лесные виды—кислицу

(Oxalis Acetosella L.), линнею (Linnea borealis L.), плауны, майник, вороний глаз, бруснику, чернику, княжнику, грушанки и много других растений. Почва почти сплошь покрыта разнообразными мхами (Hypnum Schreberi Will., Hylocomium proliferum Lind., Polytrichum commune L). На вырубках, гарях, ветровалах в первое время поселяются березово-осиновые леса, позднее вытесняемые хвойными породами; при вмешательстве же человека на таких участках истребленного урмана появляются лесные луга то чистые, то с редкими лиственными деревьями (елани). В наиболее осушаемых близостью водостоков местах урмана среди хвойных пород появляется сосна, которая на песках и супесях образует иногда совершенно чистые боры различных типов—лишайниковые, моховые, травянистые. Вкрапленная единично или значительными борами в урмане, нетребовательная сосна (особая форма—v. nana) начинает преобладать в некоторых сообществах среди обширных водораздельных сфагновых болот.

Эти переходные от урмана к совершенно безлесному болоту сообщества весьма разнообразны: заболоченный, кочковатый от осок (Carex paradoxa Willd., C. caespitosa L.) край урмана—рямовая согра, болото с редкой корявой сосной—рям, более сырой рям с очень редкой низкорослой сосной и озерками—галья, и т. п. В моховом покрове этих сообществ ютятся немногие, но типичные для них цветковые растения: клюква, два вида росянки, вахта, пушица, осоки (Carex limosa L., C. rostrata St.), андромеда (Andromeda polifolia L.) и некоторые другие.

Открытые болотные пространства рассматриваемой зоны обширны и занимают все бессточные водораздельные плато, главные массивы которых в Тарском уезде представляют западные ответвления знаменитого Васьюганского болота Обь-Иртышского водораздела. На севере зоны безраздельно господствуют сфагновые болота, на юге к ним присоединяются гипновые и разного типа травяные.

Хвойно-болотная зона в хозяйственном отношении представляет большой интерес, пока только как неизсякаемый источник древесины; сельско-хозяйственной колонизации поддается с трудом.

2) Лиственно-болотная зона лесной области занимает южную треть последней. От предыдущей зоны отличается прежде всего полным отсутствием хвойных лесов, если не считать сосновых боров на непригодных для сельско-хозяйственной культуры песках, да редких к югу от Иртыша единичных деревьев ели и кедра. На оподзоленных почвах северной половины этой зоны и на измененных (деградированных) черноземах южной, в настоящее время преобладают леса из березы и осины с густым травянистым покровом. Они теперь в значительной части истреблены и заменены или пашнями, лугами, но еще в недавнее прошлое покрывали всю эту зону, за исключением ее обширных болот. Эта переходная от хвойно-болотной зоны к лесо-степи растительная полоса на севере еще имеет все сообщества первой, кроме типичного лесистого урмана: как и там, здесь количественно преобладают болота—на севере сфагновые с рямами, с зарослями из багульника (Ledum paluste L.), Lyonia calyculata Rchb., андромеды, морошки, брусники, кустарной или карликовой березки (Betula nana L.), низкорослых ив (Salix repens L., S. sibirica Pall.) и т. п.; южнее—главный тип болот этой зоны—гипновые моховые болота, топкие, нередко с теми же кустарниками, с травянистым покровом из многочисленных осок, вахты и других болотных форм; ближе к южному краю все обширнее и многочисленнее становятся

болота осоковые и травянистые, то с редкой березой (согра), то с тростником (займища).

Приближение другой, южной зоны—лесо-степной—сказывается в этой переходной зоне появлением жестких вод и засоленностью, но последняя здесь никогда не достигает типа солонцов и всегда связана с заболоченностью, что и обусловливает появление в южной части зоны на водоразделах обширных заболоченных и засоленных лугов.

Относительно простирания лиственно-болотной зоны в пределах Омской губ., а также в существенных чертах ее характеристики авторы главнейших работ по этому району значительно расходятся между собою. Так, П. Н. Крылов (8, карта), на востоке Омской губ. в лесной области намечает только одну зону болотно-хвойную; южная же часть лесной области под именем зоны болотно-березовой, пройдя Каинский и Татарский уезды, выклинивается в самом начале Омской губ. в верховьи р. Тары и дальше на запад не идет. Варенцов (4 и др.), следующий в наименованиях зон за П. Н. Крыловым, описывает и указывает на карте для западной части Омской губ. в пределах лесной области те-же две зоны—хвойно-болотную в северной прииртышской части района своих исследований (Ишим-Иртышское междуречье) и березово-болотную зону южнее. Между указанными Крыловым и Варенцовым участками этой зоны получается разрыв в пределах среднего и нижнего течения р. Тары. Этот разрыв на прилагаемой к настоящему очерку карте заполнен одной лиственно-болотной зоной, (тожественной с березово-болотной Крылова и Варенцова), следуя Городкову (2, карта), Молотилову и др.

Но Б. Н. Городков, разделяя северную часть Омской губ. на две сплошные подзоны—„урманно-болотную" (=нашей зоне хвойно-болотной) и „лиственных лесов" (=зоне лиственно-болотной), вводит в характеристику последней указание на засоленность почв, на засоленные луга с солончаками. Крылов же считает, что появление засоленности в виде солончаков требует перечисление подзоны в следующую к югу зону лесо-степную. (Крылов, 10 стр. 7).

Отсутствие в литературе договоренности по этому вопросу, отсутствие у нас других материалов, достаточных для разрешения этих разногласий, заставляют нас ограничиться приведенными сведениями о положении вопроса, отказаться пока от мысли примирить разногласие в характеристике лиственно-болотной зоны подразделением ее на две подзоны—березово-болотную и березово-солончаковую и нанести на карту лесной области в пределах Омской губ. только две зоны, предоставив дальнейшим исследованиям детализировать районирование растительности в этой части губернии.

II. Степная область.

Степная область покрывает всю остальную часть Омской губернии, начиная с 56° с. ш. и только на самом южном конце оставляет небольшие пятна под полупустынную растительность, зашедшую сюда в виде крайнего северо-восточного аванпоста из соседней с юго-запада пустынной области Туркестана и Киркрая. Характерные особенности лесной области—сплошные смешанно-хвойные и лиственные леса, открытые пространства обширных болот, полное задернение подзолистых и болотных почв мхами и лесными растениями, и полное отсутствие засоления почв сменяются в степной области обширными, все увеличивающимися к югу, открытыми пространствами степи на

черноземах различной засоленности; степь покрыта непрерывным ковром травянистой растительности, которая на севере зоны густа, содержит значительную примесь лесных и широколиственных видов и испещрена разъединенными сочными пятнами березовых колков, на юге—сильно изреживается, состоит главным образом из узколистных злаков, и пятна колков на ней редеют и, наконец, сменяются почти голыми, безотрадными пятнами солонцов.

Степная область к востоку от Иртыша изучена довольно полно и детально, особенно в упомянутых выше работах П. Н. Крылова и в работе В. И. Баранова о растительности Калачинского уезда. В этих работах область подразделена на ряд зон и подзон, границы которых мы, на основании личного знакомства с растительностью Омского уезда и на основании литературных данных, продолжаем за Иртыш до западной границы губернии. Вот краткая характеристика этих подразделений, подробное описание которых можно найти у вышеназванных авторов. Степная область делится на две зоны—лесостепную и безлесно-степную, отличающихся друг от друга прежде всего наличием в первой березовых колков и отсутствием их во второй.

3) Лесо-степная зона охватывает почти все уезды Омской губернии за исключением Тарского на севере и небольшой юго-западной части Славгородского на юге. Она может быть подразделена на три подзоны.

а) дернисто-луговая подзона на севере; наиболее распространенные здесь деградированные и тучные выщелоченные черноземы плакорных мест сплошь задернованы густым, разнообразным травянистым покровом, в котором преобладает лесная флора как по количеству видов (до 60—70%), так и по роли их в образовании внешнего вида степи, обусловленного наиболее частыми и крупными видами: Anemone sylvestris L., Trifolium Lupinaster L., Astragalus hypoglottis L., Lathyrus tuberosus L., L. pisiformis L., Filipendula Ulmaria Max., Sanquisorba officinalis L., Epilobium anqustifolium L., Heracleum Sibiricum L., Galium boreale L., G. verum L., Achillea Millefolium L., Serratula coronata L., Hieracium umbellatum L., Phlomis tuberosa L. и мн. др. Среди этих лесных растений появляются и крупные степные травы—Libanotis montana All., Peucedanum officinale L., Filipendula hexapetala Gil.

б) Разнотравно-луговая подзона, средняя, в районе Омска, Татарска и оз. Чанов, за которым уклоняется на юго-восток. Основные почвы этой зоны—обыкновенно черноземы—покрыты на 90—80% разнообразным „разнотравьем“ из лесных и степных растений приблизительно в равном количестве; фон степи создают широколиственные двудольные, преимущественно степные Filipendula hexapetala Gib., Libanotis montana All., Peucedanum officinale L., полыни (Artemisia glauca Pall., A. campestris L. и др.) и более мелкие формы —Onobrichis sativa Lam., Galatella punctata Lind., Veronica spicata L., Salvia dumetorum Andr. и мн. др. Под покровом этих двудольных начинает формироваться дерновидный покров из узколистных злаков кипца, ковылей и некоторых других, получающих преобладание над разнотравьем в следующей подзоне.

в) Ковыльно-кипцовая подзона занимает юг трех соседних уездов губернии Омского, Калачинского и Татарского, и в юго-восточном направлении переходит к Славгородскому у. Почвы обширных плато и невысоких грив из черноземов южных разностей покрыты здесь уже далеко не сплошным дерном, а только на 80—60%,

и покров этот состоит преимущественно из узколистных злаков: кипца (Festuca ovina L., subsp. sulcata), келерии (Koeleria gracilis Per.), ковылей (Stipa pennata L., S. capillata L.), а также степного овса (Avena desertorum Les.), тимофеевки (Phleum Boehmeri Wib.), оставляющих между своими плотными, мелкими (у кипца) и крупными (у ковылей) кочками просветы почвы с редко-разбросанными степняками, составляющими здесь уже 3/4 всех видов: Medicago falcata L., Seseli Hippomarathrum L., Achillea nobilis L., Iurinea linearifolia D. C., Onosma simplicissimum L., Thymus Marschallianus Willd., Carex supina Wahl., Potentilla rubens Zim. и некот. др.; полыни здесь начинают играть значительную роль в образовании внешнего вида степи и местами, особенно на старых залежах и выгонах, сменяют зеленый, со средины лета серо-желтый фон злакового покрова на голубоватый светло-серый тон своих пушистых представителей—Artemisia glauca Pall., Artemisia austriaca Jacg., Artemisia frigida Willd., Artemisia sericea Web., а по солонцам местами изредка и Artemisia maritima L.

Березовые колки составляют наиболее типичное и резко бросающееся в глаза фито-социальное явление рассматриваемой зоны во всех ее трех подзонах. По Крылову, к востоку от Иртыша в северной из этих подзон березовые колки занимают около 60—45% всей поверхности, в средней 45—20% и в южной от 20 до 1%; такое же постепенное падение облесенности от 50% на севере до 0% близ южной границы лесо-степной зоны наблюдается и в западной от Иртыша ее части. При таком количественном распределении колков естественно, что на севере они велики и многочисленны, со всех сторон замыкают поляны и располагаются не только в степных низинах, но встречаются и на гривах и других повышенных местах, еще не занятых пашнями; на юге размеры их и количество сильно уменьшаются, остаются они только во влажных низинах и мелких западинах, поляны между колками раздвигаются и нередко открытыми уходят за горизонт. Понижения под колками в общем незначительной глубины (около 1 арш.), иногда посредине заняты открытыми осоковыми болотами или даже открытыми водоемами; почвы в них подзолистые, подзолы и болотные. В зависимости от увлажнения занятого колком места находится и состав его растительности. Основное растение в колках—береза бородавчатая (Betula verrucosa Ehrh), а на севере изредка и пушистая (Betula pubescens Ehrh); всюду, на севере чаще, к березе присоединяется в небольшом количестве осина (Populus tremula L.), весьма редко встречающаяся и самостоятельно в виде чистых групповых насаждений. Оба дерева колков вследствие вырубок редко встречаются полновозрастными, а на юге очень часто и сами колки представляют редкую кустарную поросль корневого происхождения. Из кустарников в колках очень часто можно встретить шиповник (Rosa acicularis Lindl. и Rosa cinnamomea L.), несколько ив с ивой козьей (Salix Caprea L.) на первом плане, а на севере в сырых колках и черную смородину (Ribes nigrum L.) и малину (Rubus idaeus L.). Травянистый покров в колках зависит от их влажности и густоты и варьирует от разнотравных степных лугов в сухих и редких колках („дубравы") до кочковатых осоковых болот. В средних типах этих травянистых колочных сообществ следует отметить, во первых, буйное развитие трав в рост человека и выше (Heracleum sibiricum L., Angelica silvestris L., Filipendula Ulmaria Max.) в колках дернисто луговой и частью равнотравно-луговой подзон, и во вторых, почти постоянное присутствие в колках южной половины зоны костяники Rubus saxatilis L.

Березовые колки в лесо-степи представляют единственные запасы древесины, как строевой, так и топливной, а потому они беспощадно истребляются, особенно в последние годы усиленной колонизации края; если сюда прибавить еще издавна идущее истребление леса ради получения посевной площади, то станет понятным и перемещение южной границы березовых колков к северу (см. карту), и отступание тайги перед лесо-степью также к северу, и бедность колков полновозрастной березой. Влияние неоспоримого факта все растущего обезлесения края на его сельско-хозяйственную культуру может прежде всего обнаружиться в уменьшении осадков и повышении летней температуры: с отступанием к северу лесной площади туда же перемещается и главный местный конденсатор приносимых юго-западными ветрами паров, и зимний снегозадерживающий аппарат, и летний умеритель жаров. В связи с огромным, первенствующим в экономической жизни края, сельско-хозяйственным значением степей этой зоны, угрожающий факт иссушения должен обратить на себя внимание и научных исследователей и практических деятелей.

4) Безлесно-степная зона занимает в нашей губернии небольшую юго-западную часть Славгородского уезда. Растительность представлена здесь двумя резко отличными друг от друга фитосоциальными группировками—безлесной редкотравной степью и сосновыми борами, из которых, однако, только первая представляет зональное явление, бора же приурочены в этой зоне к островам дюнных песков.

Эта степь, раскинувшаяся на обширных равнинных и слабо повышенных местах с светло-каштановыми почвами, характеризуется, в отличие от лесо-степной зоны, полным отсутствием березовых колков и слабой задернованностью (только до 60—40%) почвы редким и бедным по составу травянистым сообществом из степных по преимуществу форм. Из этих отличий только отсутствие колков резко бросается в глаза; в остальном же зона безлесной степи и соседняя с севера ковыльно-кипцовая подзона лесо-степи по внешнему виду весьма сходны: как здесь, так и там, основу травяного покрова составляют узколистные злаки—Festuca ovina L., subsp. sulcata Hack., Koeleria gracilis Pers., ковыли—Stipa pennata L., S. Lessingiana Trin., S. capillata L. и может быть еще и другие их формы. Но ближайшее изучение покрова обнаруживает, что кочки ковылей, овсяницы и келерии оставляют между собой значительные, до 1/2 кв. арш., голые участки почвы; что число видов других растений и обилие их индивидов сильно сократилось; что северные лугово-лесные формы проникли сюда в незначительном количестве (Thalictrum minus L., Pulsatilla patens Mill., Dianthus Sequieri Vill., Galium verum L., Senecio Jacobaea L., Centaurea Scabiosa L., Veronica spicata L., Phleum Boehmeri Wib., Bromus inermis Leyss. и др.); что на 90 и более % покров состоит из типичных степняков, как указанные выше основные злаки степи, или как многие двудольные, из которых чаще других встречаются: Gypsophila paniculata L., Silene Otites Sm., Medicago falcata L., Astragalus Onobrychis L., Seseli Hippomarathrum L., Peucedanum officinale L., Scabiosa ochroleuca L., полыни Artemisia Dracunculus L., A. campestris L., и целый ряд седых полыней (Artemisia glauca Pall., A. austriaca Jacq., A. frigida Willd.), Jurinea linearifolia D. C., Verbascum phoeniceum L., Veronica incana L., Phlomis agraria Bge. и многие другие; что, наконец, среди этих обычных наших степняков в небольшом числе вкраплены новые пустынно-степные виды, проникшие сюда из соседней с юго-запада полупустыни: Astragalus physocarpus Ledb., Tri-

nia Kitaibellii M. B., Cirsium igniarium Spr., Rindera tetraspis Pall., Dodartia orientalis L. и нек. др.

Оставшиеся далеко на севере влаголюбивые и теневыносливые леса тайги, и прошедшие через степь по сырым низинкам и западинкам березовые колки средней части Омской губернии, здесь, в безлесной степи, как бы заменились зарослями степных кустарников—таволги Spiraea hypericifolia Lam. и S. crenifolia C. A. M., караганы Caragana frutescens DC. и жимолости Lonicera tatarica L., но экологические условия жизни этих зарослей и присутствие в них вместе с обычными степняками таких полу-пустынных представителей, как Ferula soongorica Pall., Eremurus altaicus Stev., Tulipa silvestris L., говорит за принадлежность этого сообщества к совершенно иной растительной области, чем наша степь и особенно далекая тайга: это уже один из фито-социальных показателей близости новой, родной для него растительной области—пустынной, крайние северо-восточные пятна которой в Коростелевской и Бельагачской степях подходят с юга к самой границе Славгородского уезда.

Сосновые леса на юге Славгородского уезда резко выделяются среди окружающего безлесья. Они составляют части боров Сростинского, Северного, Большого и Малого Гатского, выходящих другими своими частями из пределов Омской губернии, и находятся частью в крестьянском владении, частью включены в 6 казенных лесных дач с общей лесной площадью около 260 тыс. десятин, из которых половина—сосна, и четверть—пустыри и гари. Еще больше порубок и гарей в крестьянских лесах. Оголенные окраины боров и одинокие сосны вдали от них в степи также говорят об истреблении леса. Только в немногих местах бора сохранились и представляют густые, высоко очищенные насаждения из крупных деревьев, с сухим лишайниковым покровом на повышенных местах, с моховым в сырых низинах. Сосна в этих борах заняла дюнные пески, хорошо перемытые и отвеянные в верхних слоях и подостланные плотными глинами, которые представляют днища понижений (речных и озерных) и поддерживают в засыпавших их песках грунтовые воды на высоком уровне, так что в борах, в понижениях между песчаными холмами, нередки озера, иногда соленые, болота, солончаки, засоленые луга и пр. В силу разнообразия условий увлажнения, затенения и рельефа, а также благодаря южному положению Славгородских боров и близкому соседству степей, растительность в них представляет большое разнообразие видового состава (более 300 видов) из глубоко лесных форм, которых здесь однако не очень много, и степных, составляющих $^3/_4$ видов всей растительности боров. Благодаря разнообразию рельефа и увлажнения, растительность в этих борах слагается в небольшие типичные сообщества: разреженный бор с массой степняков (Syrenia siliculosa Andr., Medicago falcata L., таволга, Umbilicus spinosus D. C. Scabiosa ochroleuca L., Helichrysum arenarium D. C., Achillea Gerberi M. a Bieb., степные полыни, Onosma echioides L., Veronica incana L., богородская трава, шалфей, степные осоки, ковыли, овсяница и т. п.); понижения в бору с березой, осиной, ивами, шиповником и разнотравной луговой растительностью; озера и болота, солончаки и солонцеватые луга со свойственной им растительностью.

Сосна, как указывалось выше, в большом количестве встречается еще в другом конце Омской губернии—в таежной части Тарского уезда по прилегающим к рекам холмистым частям совместно с другими хвойными и лиственными деревьями, и на песчаных местах внутри урмана, почти в виде чистых насаждений. Южнее, в лесо-

степной части губернии, сосна встречается только в немногих пунктах, то единичными экземплярами (близ Тюкалинска, у села Серебрянского и пос. Исаково на р. Иртыше), то в виде небольшого леска у с. с. Чернолучья и Красноярского. Последний бор, находящийся в 40—45 вер. к северу от Омска по Иртышу, неоднократно посещен и описан ботаниками (Гордягин 2, Сиязов 2, 14, 19) и дважды был осмотрен нами. Более чистые сосновые насаждения сосредоточены здесь вблизи Иртыша; вглубь же от реки к сосне все чаще и обильнее примешивается береза, которая затем преобладает и сосна в ней встречается в виде одиночных небольших экземпляров.

Рельеф занятой этим лесом площади, с песчаной почвой, по характеру всхолмленности отчасти напоминает моренный ландшафт. Это особенно хорошо заметно в районе между с. Кулачинским и Чернолучьим и в Краснокрке, где в разных пунктах обезлесенной местности возвышаются холмы, напоминающие неправильно разбросанные курганы различной величины. Наблюдалась мною подобная же всхолмленность сильно песчаной местности и к востоку от села Кулачьего по дороге из с. Бородинского. По словам местных жителей в березовых лесах этого района имеется несколько сосен, представляющих остатки сгоревшего бора. Эти наблюдения и сведения, а также характер кустарно-травянистого покрова на песчанистых холмах—гривах среди березняков к востоку от с. Кулачинского (много шиповника, ив, Polygonatum officinale All., Pyrola, Gentiana Amarella L.) приводит к мысли, что Чернолуцкий бор когда то занимал площадь во много раз превышающую его современные размеры.

Огромное хозяйственное значение для безлесного степного района сосновых лесов на юге Славгородского уезда и последних южных березовых колков, дошедших до безлесной зоны с севера, вполне понятно и лучше всего отмечено самой жизнью в природе: бора редеют внутри и исчезают с окраины от огня и топора, „работа“ которых, особенно за последнее время, значительно опережает естественное лесовозобновление; пески обнажаются и начинают уже угрожать селениям и пашням; березовые колки окончательно вытеснены из всей безлесной зоны, хотя они еще на памяти людей заходили в нее на десятки верст. Говорят, что 10 лет тому назад обозначенный П. Н. Крыловым южный выступ березовых колков к Славгороду (см. карту) теперь уже не существует. Последствия такого лесоистребления для местного хозяйства ясны, как ясны и вытекающие отсюда задачи для руководящих хозяйством органов—охранять, насаждать, пропагандировать.

Растительность засоленных почв. Кроме описанных выше растительных сообществ, имеющих в Омской губернии широкое распространение, во всех зонах среди этих сообществ наблюдаются многочисленные, весьма разнообразные по фито-социальному составу и небольшие по площади включения. Среди них растительность солонцов и других видов засоленных почв заслуживает особого внимания, как по своему своеобразному составу, так и по значительному распространению в наиболее пригодных для сельско-хозяйственной культуры лесо-и безлесно-степной зонах, где подобные места весьма сильно увеличивают площадь разного „неудобья“. На севере в лесной области им соответствуют многочисленные и разнообразные болотные ассоциации. К югу, по мере уменьшения количества осадков до 300 м. м. в год в средней и ниже 200 в южной части Омской губернии, болота мало-по-малу уменьщаются в количестве, засоляются, и засоленность почв, в конце концов, представляет в средней и южной час-

тях губернии широко распространенное явление, правда очень редко достигающее крайних проявлений—поверхностного вскипания и наружных выцветов солей, как это имеет место в более южных и сухих полупустынных степях.

Как разнообразны солонцеватые почвы по степени и химическому составу засоления, по увлажнению, по структуре и, наконец, по залеганию то в понижениях, то (реже) по склонам и вершинам повышений, так разнообразен и их растительный покров, сходный во всех случаях только наличием в его составе солевыносливых, галофитных растений.

Остановимся на немногих главнейших формациях засоленных почв Омской губернии, начиная с наиболее далеко на север заходящих и увлажненных.

Засоленные луга (подсолонки) в составе густой и разнообразной растительности из болотных, лесных и степных форм имеют основу из злаков—Alopecurus ventricosus Pers., Hordeum secalinum Schr., Atropis distans L. var. convoluta Gries, Elymus angustus Trin., и нек. др., среди которых нередки: Saussurea amara D. C., S. crassifolia D. C., Primula longiscapa Ledb., Glaux maritima L., Atriplex pedunculatum L., Salicornia herbacea L., Suaeda maritima L., изредка даже Artemisia maritima L., Statice Gmelini Willd. и др.

Солончаки или бесструктурные мокрые солонцы, занимающие понижения с высоким уровнем и даже с выходами соленых грунтовых вод, покрыты уже чисто солончаковыми растениями, среди которых количественно преобладают и по своеобразному внешнему виду выделяются солянки—Salicornia herbacea L., Suaeda maritima L., Atriplex littorale L., A. pedunculatum L., а также Atropis distans Gr. var. convoluta Gr., Artemisia maritima L., Elymus angustus Trin., Galatella punctata Lindl., Saussurea amara D. C., Statice Gmelini Willd., Plantago Cornuti G., P. maritima L., Triglochin maritimum L.; встречаются на солончаках и Glycyrrhiza uralensis Tisch, Cirsium acaule All. var. sibiricum Led. и некоторые другие солевыносливые растения. На солончаках растительность не образует сплошного и однородного покрова, а оставляет голые участки почвы, иногда с выцветами солей, и образует красные пятна из солероса и шведки, заросли лебеды и Atropis.

Структурные солонцы более сухи, чем бесструктурные, залегают чаще не на днищах понижений, а на их склонах, иногда весьма пологих, и распространены только в лесо- и безлесостепной зонах. Состав растительности на них колеблется в зависимости от выщелоченности—от типично солончаковых ассоциаций на корковых солонцах, близких в этом отношении к солончакам, до вполне луговой или степной растительности на глубоко-столбчатых солонцах, где иногда только солодка да кермек Гмелина свидетельствуют о засоленности почвы.

Как в господствующих степных ассоциациях, так и в ассоциациях засоленных почв в южной половине Омской губернии изредка появляются растения полупустынной области—Lotus corniculatus L., Sophora alopecuroides L., Artemisia pauciflora Stech., Statice caspia Willd. и St. suffruticosa L., Frankenia hispida D. C., Petrosimonia brachiata Bge., P. Litvinovi Korsh., Iris Güldenstaedtiana Lep. и нек. др.

Как бы резко не выделялись среди господствующего растительного покрова пятна квази-галофитов на солончаках, существуют постепенные переходы от них к ассоциациям все менее и менее засо-

ленных почв до типичных степных, лугово-степных и дернисто-луговых, на всевозможных разностях черноземов, все возрастающих по величине площади и по сельско-хозяйственной ценности. Следовательно, спускаясь обратно по лестнице плодородия к неудобным землям, мы встречаем все возрастающее засоление и его угнетающее действие на сельско-хозяйственные культуры. Необходимость расширения сельско-хозяйственных угодий вынуждает обратить внимание на борьбу с засоленностью почв и уже привела к созданию особой отрасли опытной агрономии по культуре солонцов, как в заболоченных и лесистых районах севера возникла уже культура болот. Практически в пределах Омской губернии последнее дело находится в самом начале опытов и хозяйственной организации, а первое почти еще и не начиналось.

Сорная растительность в Омской губернии, при низком культурном уровне сельского хозяйства, при засушливом климате, при повторяющихся каждое десятилетие неурожаях и частом передвижении масс посевного материала по губернии, является одним из опасных и тяжелых бедствий местного земледелия. Из наших наблюдений над засоренностью полей Омского уезда к востоку от р. Иртыша в 1920 г. (Семенов, 2) мы пришли к ряду заключений, которые вследствие центрального положения в губернии обследованного района можно распространить и за его пределы. Вот два главнейших из этих выводов:

1) из отмеченных в конце лета 1920 г. сорняков на полях Омского уезда наиболее тягостными для западно-сибирского земледелия являются следующие 15, расположенные здесь по степени частоты их встречаемости: осот полевой, (Sonchus arvensis L.), щетинник (мышей), (Setaria viridis (L.) P. B.), татарник полевой, (Cirsium arvense Scop.), марь белая, (Chenopodium album L.), пырей ползучий, (Agropyrum repens (L.) P. B.), сурепица, (Brassica rapa L. v. campestris Koch.), пикульник колючий, (Galeopsis Tetrahit L.), полынь Сиверса, (Artemisia Sieversiana Willd.), конопля, (Cannabis sativa L.), щирица, (Amarantus retroflexus L.), верблюжник, (Corispermum nitidum Kit.), вьюнок полевой, (Convolvulus arvensis L.), Иванчай, (Epilobium angustifolium L.), овсюг, (Avena fatua L.), и куколь (Agrostemma Githago L.).

2) одни из этих опасных сорняков распространены равномерно по всему району (пырей, осот, татарник, мышей), другие господствуют в южной части его (полыни), а некоторые явно образуют более или менее резко ограниченные пятна, которые постепенно растут и являются таким образом угрожающими очагами заразы (овсюг, конопля).

30/VI. 1923 Омск.

Приложение 1.

СПИСОК

главнейших материалов по флоре Омской губернии.

Литература.

Балакшин М. И. Казенные лесные дачи Тарского у. Тобольской губ. Материалы по изучению колонизационных районов Азиатской России. СПБ. 1911.

Баранов В. И. (1) К изучению ковылей окрестностей г. Омска. Научн. Сборник Сибир. с.-х. Акад.

(2) Еще по поводу вопроса о классификации степей Сиб. Природа № 2, Омск, 1922.

(3) Из зоны лесостепи Западной Сибири. Очерк растительности Калачинского у. Омской губ. С картой. Труды Сиб. с.-х. Академии, № 2, 1923.

(4) Очерк растительности Омской губ. (в изд. губплана Омск. губ.).

Барышевцев В. В. Казенные лесничества Акмолинской и Семипалатинской областей. В сборнике „Из казенных лесов Акмолинской и Семипалатинской областей", вып. 1. 1911.

Берг, Л. С. Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфолог. области. Сборник в честь Д. Н. Анучина, Моск. 1913.

Бородин И. П. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПБ. 1908.

Буш Н. А. О делении Сибири на ботан.-географ. области. Изв. Ак. Н., VII. 1913, № 1.

Варенцов В. А. (1) Предварительный отчет о произведенных работах в западной части Рыбино-Каргалинского района, Тарского у. летом 1913 г. (Рукопись).

2) К южной границе хвойного леса Тобольской губ. Известия Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О-ва т. II, вып. 1—2, 1914 г.

(3) Предварительный отчет об исследованиях 1914 г. в юз. части Тюкалинского у. (Рукопись).

(4) Предварительный отчет о геоботанических изысканиях 1915 г. в Ишимском у. Тобол. губ. (Рукопись с ботанико-географической картой Рыбино-Каргалинского пространства по данным геоботанических изысканий 1913, 1914 и 1915 г. г.).

Гордягин А. Я. (1) Геоботанические исследования в южной части Тобол. губ., произведенные в 1896 г. Предварительный отчет в Ежегоднике Тобол. Губ. Музея. Вып. VII, 1897.

(2) Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири. Труды О-ва Естеств. при Казанском Университете. XXXIV и XXXV, 1900—1901.

Городков Б. И. (1) Подзона лиственных лесов в пределах Ишимского у. Тобол. г. Труды почвен.-ботанич. экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ботанич. исследов. 1912 г., III, изд. 1915 г.

(2) Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботанико-географические области. С картой ботанико-географических областей. Ежегодник Тобол. Губ. Музея, XXVII, 1916.

Григоровский Н. П. Описание Васюганской тундры. Записки Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О-ва, VI, 1884.

Драницын Дм. Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела. Известия Докучаевского Почвенного Комитета, 1914, № 2.

Искюль В. И. Тарско-Тюкалинский район Тобол. губ. Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1912 году СПБ. 1913.

Кадочников С. О геоботан. работах в Тюк. и Ишимск у. Известия Зап.-Сиб. О. Р. Г. О. т. II. в 1—2, 1914.

Касторский. Изменения в составе воды оз. Ачу-Тебис (Карачи) в зависимости от времен года. Томск, 1907.

Келлер Б. А. К вопросу о классификации русских степей. Русский почвовед. № 16—18. Петроград 1917.

Комаров, В. Л. Краткий очерк растительности Сибири. Издание К. Е. П. С., 1922.

Коржинский С. И. Растительность России. Статья в Энциклопедическом словаре Брокг. и Эфр., т. 54, 1899.

Корш В. П. Краткий очерк типов насаждений Екатерининской лесной дачи. Труды Сиб. с.-х. Академии № 1, 1923.

Костров. Каинская Бараба. Томск. Губ. Ведомости 1874 г. № № 25—45.

Крылов П. Н. (1) Липа в предгорьях Кузнецкого Алатау. Известия Томск. Универ., кн. 3, 1891.

(2) Тайга с естественно-исторической точки зрения. В сборнике „Научные очерки Томского края“, 1898.

(3) Очерк растений Томской губ. Томск 1898.

(4) Краткий очерк флоры Томской губ. Известия И. Бот. Сада, т. II, СПБ. 1902.

(5) Эндемизм Алтайской флоры. „Сибир. жизнь“, 1904 г. № 47.

(6) Ботанико-географический очерк. В „Отчете о научно-образоват. экскурсии в Барабинскую степь“ в 1909 г. Томск, 1912.

Крылов П. Н. (7) Растительность в Барабинской степи и смежных с ней местах. Предварительный отчет Переселенческого Упр. о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1912 г., ст. 41; изд. 1913 г.

(8) Степи западной части Томской губернии. Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. III. Ботанические исследования 1913 г., вып. I.

(9) Флора Алтая и Томской губернии. Томск 1901—1914.

(10) По поводу вопроса о классификации русских степей. В ответ Б. А. Келлеру. Томск, 1918.

(11) К вопросу о колебании границ между лесной и степной областями. Петроград, 1915.

Кузнецов Н. И. (*проф*) Опыт деления Сибири на ботанико-географические провинции.—Известия Акад. Наук, VI сер. (1912), VI, № 14.

Кузнецов, Н. И. (1) Очерк растительности Нарымского края Томской губ.—Предв. отч. бот. иссл. Сиб. и Турк. в 1911.

(2) Очерк растительности Барнаульского уезда.—Предварительный Отчет о ботан. исслед. Сиб. и Турк., 1913.

Кучеровская С. Е. Растительность Павлодарского уезда. Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1913 г.

Лебединский В. А. Ботанический очерк Тарского округа, Тобольской губ.—Записки Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О-ва, кн. VI, 1884.

Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири. СПБ. 1909 г.

Middendorff, A. v., Die Baraba, Mémor. Acad. Sc. St. P. B. XI, № 9, 1870

Молотилов А. Очерк природы северо-западной Барабы. Томск, 1912.

Орлов. Краткий естественно-исторический очерк лесов Омской губернии. „В помощь земледельцу“, № 5, 1923.

Отрыганьев А. В. Краткое описание западной части Нарымского края.—Материалы к изучению колонизационных районов Азиатской России. СПБ. 1910.

Павлов Н. В. Тарско-Логиновская казенная лесная дача и правобережье р. Иртыша до водораздела с р. Демьяном. Предварительный отчет о почвенно-ботанических исследованиях в 1916 г. в Тарском у. (Рукопись).

Петров Г. Г. Очерк растительности окрестностей г. Омска.—Сибирская Природа, № 1, 1922.

Пташицкий М. И. (1) Растительность Ишимо-Иртышского водораздела в пределах Тюкалинского и Тарского уездов. Предварительный отчет Переселенческого Управления о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1912 г., стр. 24; изд. 1913 г.

(2) Опыт методологического изучения растительности Акмолинской степи.—Предварительный отчет Переселенч. Управления о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1914 г.

Седельников А. Н. (1) Растительный и животный мир Западной Сибири. III. гл. 16-го тома „Россия“ изд. Девриена, СПБ. 1907.

(2) Тоже. Киргизский край. Т. XVIII.

Седов С. Ф. О введении в народном хозяйстве новых пищевых продуктов, вырабатываемых из плодов Сибирского кедра. 1917. С приложением карты границы распространения кедра.

Семенов В. Ф. (1) Ботанические работы в Акмолинской области в 1912 и 1913 г. г. (Предварительный отчет), Томск, 1914. Оттиск из Известий Томского Технологического Института, т. XXXII.

(2) Сорная растительность полей с.-в. части Омского у. в 1920 г. Печатается в Трудах Сиб. с.-х. Акад. т. 3, 1924.

(3) Растительность Омского у. к востоку от р. Иртыша. С картой в 10 вер. масштабе. (Рукопись).

(4) Несколько слов о гербариях из Акмолинской обл.—„Сибирская Природа“ № 3, 1922.

(5) От Омска до Перовска через Акмолинскую обл.—Труды Сиб. с.-х. Академии, т. I, Омск 1922.

(6) Растительность Акмолинской области. Часть I. Список растений. (Рукопись с различными приложениями, находится в гербарии Главного Ботанич. Сада в Ленинграде).

Сиязов М. М. (1) Итоги исследования Омской флоры.—Записки Зап. Сиб. Отдела Р. Р. О-ва, кн. X, 1888.

(2) Заметки о Trifolium arvense, Medicago sativa и Anthemis tinctoria. Там же, кн. X, 1888.

(3) Статистика Омской и Тюменской флоры. Там же кн. XIII, 1892.

(4) На краю урмана. Там же, кн. XVII, 1895.

(5) Флора долины р. Оми около устья. Там же, кн. XVIII, в. I, 1895.

(6) Материалы для фитогеографии южных частей Западной Сибири. Там же, кн. XXIV, 1898. (Здесь имеется список растений из Барабинской степи).

(7) Postgoldeana. Новый список видов Омской флоры. Там же, кн. XXXI, 1904.

(8) К флоре правой стороны р. Иртыша между Омском и Усть-каменогорском. Там же, кн. XXXIII, 1907.

(9) Дополнения и поправки к Postgoldeana и другим работам М. Сиязова. Там же, кн. XXXIII, 1907.

(10) К флоре восточной половины Омского у. Там же, книга XXXIV, 1908).

(11) От Омска до Акмолов.—Журнал „Естествов. и геогр.“ №№ 4 и 5, 1908.

(12) К характеристике Красноярско-Чернолуцкого бора на р. Иртыше.—„Ботаническ. журнал“. СПБ. Общ. Ест. № 8, 1908.

(13) Таблицы распределения цветковых и высших споровых растений в Западной Сибири. Омск 1911.

(14) Остатки лесной флоры вблизи Омска. Записки Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О., кн. XXXVI, в. I, 1912.

Сиязов М. М. (15) К флоре окрестностей Омска. Там же, кн. XXXVI, в. I.

(16) К вопросу о распространении липы в Тарском у.—Извес. З.-Сиб. Отд. Р. Г. О. т. I, в. 1, 1913.

(17) Ботанические экскурсии в Черлак и Ачаир. Там же, т. I, в. 2, 1913.

(18) Ботанические экскурсии 1913 г. под Омском. Там же, т. I, в. 2, 1913.

(19) Новые данные о растительности у Чернолучья и с. Красноярского. Там же, т. 2, 1—2 в., 1914.

(20) Флора левобережья Иртыша вблизи г. Тары.—Ежегодник Тобольск. Губ. Музея, XXII т., 1914.

Скалозубов Н. Опыт естественно-исторического описания Тобольской губ. Тобольск, 1899.

Словцов И. Я. (1) Материалы по фитогеографии Тобольской губернии.—Записки Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О., кн. XII, 1891.

(2) О распространении и урожаях Сибирского кедра. Записки Зап. Сиб. О. Р. Г. О., кн. XIII, 1892.

Спиридонов М. Д. (1) Схема ест.-истор. образований зап. половины Омской губ. Изд. Ом. ГЗУ, Омск 1923.

(2) Лекарственные, технические и кормовые растения Омской губ.—„В помощь земледельцу“ № 2, 1923.

Танфильев Г. И. Бараба и Кулунда в пределах Алтайского округа СПБ. 1902.

Федченко Б. А. Предв. отчет о ботанич. исслед. в Сиб. и Турк. в 1911, 1912, 1913 и 1914 г. г. Четыре т., предис. и редак.

Филимонов. Экономический быт государст. крестьян и инородцев Сев.-Зап. Барабы. СПБ 1891 г.—В материал. для изучения быта гос. крестьян и инородцев Зап. Сибири, вып. XVII.

Хаинский А. Н. Почвы Барабы и Алтайского округа вдоль левого берега р. Оби.—Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колониз. районов Азиатской России. Почв. исслед. 1912 и 1913 г. СПБ. 1915.

Хребтов А. А. (1) О медоносной флоре.—„В помощь земледельцу“ № 2, 1922.

(2) Сорные растения—колонисты в посевах и на полях вблизи г. Омска.—Труды Сиб. с.-х. Академии т. I, 1923.

Чермак Л. К. Общий очерк Омского уезда.—Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. XI, 1902.

Щелудякова В. А. Карта маршрутов ботаников по Омской губ. (Рукопись составлена в 1923 г. для с.-х. выставки).

II. Гербарии.

1) В книге И. П. Бородина (см. литературу) для района современной Омской губернии приводятся следующие сборы:

Баранов. Ф. П. Омск. Упомянут Сиязовым в „Записках Зап.-Сибирского отдела Р. Г. О.“, XXIV по поводу нахождения Fritillaria minor Led.

Берг Л. С. Растения собраны большей частью по соленым озерам Омского уезда.—В Омском Музее.

Богомолов. Окр. Омска. 1882—СПБ. Универ.
Болоткин. По р. Ишиму, 1880-х г. г.—СПБ. Универ.
Борзов А. П. Сбор в Барабинской степи в 190? г.—Наход. у. коллек.
Векман. Тобольская губ. и окр. Омска 187? г.—Гельсинг. Унив.
Ветохин. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Выдрин А. П. Из Барабинск. и Кулундин. степей, 190?—У коллек.
Гольде К. Л. Окр. Омска, 1884—1886 г. г.—Ак. Наук, Омск. Муз., Бот. Сад, Лесн. Инст.
Гордеев. Окр. Омска, 1882—СПБ. Унив.
Гордягин А. Я. Южная часть Тобольск. губ. и Акмолинск. обл.—Казан. Унив.
Залесский С. И. Окр. оз. Карачинского и р. Солоновки, 1892—Томск. Унив.
Збруев Н. Е. Окр. Омска, 1901—Юр. обм.
Зверев. Окр. Омска, 1883—СПБ. Универ.
Земляницын. Тарский у., в 188? г.—Томский Универ.
Иванов П. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Исаков Я. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Килломан Ю. И. вместе с Колоколовым. Окр. Омска, 188?—Юрьев. Унив.
Колоколов М. См. выше Килломан.
Коржинский С. И. Кулундинское оз., оз. Чаны, Каргатская дубрава, 1890—Ак. Наук.
Крылов П. Н. Томская губ.—Томск. Универ.
Лебединский В. Тарский у., 1882—Омск. Муз.
Леский М. Л. Бараба, 1897—Омский Муз.
Лоскутов П. Н. Окр. Омска. Упоминается Сиязовым в „Записках Зап. Сиб. Отдела Р. Г. Общеста, XXIV, 1898.
Матвеев Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Паллас Омск, Тара, 1771—1774 г.—Бот. Сад.
Потетин Тарский у., 1880-х г. г.—СПБ. Универ.
Секретарев А. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универс.
Серебренников Близ Тюкалинска, в 1880-х г.—СПБ. Универс.
Сиязов М. М. Окр. Омска и другие пункты Омской губ. с 1889 г. —Омск. Муз.
Скалозубов Н. Л. Тюкалинский у., с 1894 г. Том. Ун., Тоб. Муз.
Словцов И. Я. Окр. Омска, 1878—Томск. Универс.
Танфильев Г. И. Барабинская степь, 1901—1902 г.—Бот. Сад.
Толстых Окр. Омска, в 1880-х г.—СПБ. Универ.
Фальк Омск, Тара, Бараба, 1768—Растения не сохранились.
Фирсов Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Цитович Тюкалинск, 1854—Ак. Наук.
Чибисов А. И. Близ г. Тары (для проф. Гордягина).
Шабанов М. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Щеглов Д. Окр. Омска, 1882—СПБ. Универ.
Щербаков И. С. Екатерининское, Тарск. у., 1905—Ак. Наук.

2) Кроме того нам известны следующие коллекции из Омской губернии, собранные преимущественно за последние годы.

Баранов В. И. Окр. Омска, в 1920—1923 г., Калачинск. у. в 1920 г. Большой гербарий в Сибирской с.-х. Академии.

Берников В. (*почвовед*) Из западной части Омского уезда, до 100 видов, в 1922 г.—Сибирск. с.-х. Академ.

Варенцов В. А. Тарский и Тюкалинск. у. у., 1913—1915 г. Омск. Губ. Зем. Управл.

Винокуров М. А. (*почвовед*) В сев.-зап. части Омского у. в 1922 г., около 50 раст.—В почвенн. лабор. Ом. Губ. Зем. Управл.

Горшенин К. П. Калачинск. у., 1920—Почв. лаборатория Сибирской с.-х. Академии.

Кнорринг О. Э. Омск. у., к западу от Иртыша, 1920 г., обширный еще не обработанный гербарий, хранится в Ботаническом Кабинете Сибирск. с.-х. Академии.

Крылов П. Н. и его сотрудники. Обширные гербарии по Славгородскому, Калачинскому и Татарскому у. у., 1912 и др. г. г.—в Томск. Универ.

Михеев, агроном. Тобольск. губ., в частности из Тюкалинск. у., до 80 видов, 1909—1912 г. г.—в Ботаническом Кабинете Зап. Сиб. Мед. Института.

Пташицкий М. И. Тюкалинский у., 1912 и Омск. у. 1913 г., огромные сборы. В 1915 г. хранились в Бот. Саду в Ленинграде.

Сердюков П. Ф. Работавший в 1922 г. по сбору лекарственных растений, вывез гербарий около 300 видов из волостей Ново-Ягодинской, Атирской и Екатерининской Тарского у.; гербарий хранится у коллектора в Омске. В 1923 г. собрал большой гербарий в Калачинск. у.

Спиридонов М. Д. Тоже работал по сбору лекарственных растений: в Западной части Омского у. в 1920—1921 г., в Тюкалинск. и южной части Тарского у. у. в 1922 г.; огромный гербарий хранится у коллектора в Омске.

Семенов В. Ф. Быв. Акмолинской обл., 1909—1914 г. (до 8 тыс. листов, в Томск. Техн. Инст.)
Правобережье Омского у., 1920 г.
Екатерининская лесная дача Тарск. у. 1921 г.
Окр. Омска, 1922—1923 г.
} В Ботан. Каб. Сиб. с.-х. Акад.

Скворцов Н. Н., Шелудякова В. А. и другие сотрудники болотного опорного пункта Омск. Губ. Зем. Упр. близ с. Котовщикова, Тарского у., большие ботанические коллекции, собранные с 1913 г., хранятся частью в Омске в Мелиоративном подъотделе Омской Губ. Зем. Упр., частью в Москве в Тимирязев. (б. Петровской) с.-х. Академии у проф. В. Р. Вильямса.

Приложение II.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

русских и латинских названий, наиболее часто упоминаемых в очерке растений.

(Цифры при названиях обозначают №№ этих же растений в другом списке).

1. Андромеда 6.
2. Багульник 43.
3. Батлачек 4.
4. Бессмертник 81.
5. Береза белая 16.
6. Береза бородавчатая 17.
7. Береза карликовая 18.
8. Богородская трава 83.
9. Брусника 88.
10. Бузина 74.
11. Вахта 49.
12. Верблюжник 27.
13. Вейник 20.
14. Волчье лыко 28.
15. Вороний глаз 52.
16. Вьюнок полевой 26.
17. Голубика 87.
18. Грушанка 59.
19. Деряба 46.
20. Ель 56.
21. Жимолость 45.
22. Земляника 36.
23. Ива-бредина 72.
24. Ива сибирская 73.
25. Иван-чай 30.
26. Кедр 57.
27. Кермек 81.
28. Кипец 32.
29. Кислица 51.
30. Клевер 85.
31. Клубника 35.
32. Клюква 50.
33. Княженика 67.
34. Ковыль 82.
35. Конопля 21.
36. Костяника 70.
37. Крушина 63.
38. Куколь 3.
39. Лабазник 34.
40. Лебеда 13.
41. Линнея 44.
42. Липа 84.
43. Лиственница 42.
44. Ломонос 25.
45. Люцерна 48.
46. Малина 69.
47. Майник 47.
48. Марь белая 23.
49. Можжевельник 41.
50. Морковник 53.
51. Морошка 68.
52. Овес степной 14.
53. Овсюг 15.
54. Овсяница 33.
55. Орляк 62.
56. Осина 60.
57. Осоки 22.
58. Осот 76.
59. Пикульник 37.
60. Пихта 1.
61. Плаун (деряба) 46.
62. Подмаренник желтый 38.
63. Полынь морская 10.
64. Полынь полевая 7.
65. Полынь Сиверса 11.
66. Полынь сизая 9.
67. Полынь холодная 8.
68. Пучки 40.
69. Пушица 31.
70. Пырей ползучий 2.
71. Росянка 29.
72. Рябина 77.
73. Смородина красная 65.
74. „ черная 64.
75. Солерос 71.
76. Солодка 39.
77. Сосна 58.
78. Сурепица 19.
79. Таволга городковая 78.
80. „ средняя 79.
81. Татарник полевой 24.
82. Тимофеевка 54.
83. Тростник 55.
84. Черемуха 61.
85. Чернобыльник 12.
86. Черника 86.
87. Шведка морская 80.
88. Шиповник 66.
89. Щетинник 75.
90. Щирица 5.

1. Abies sibirica Ledb. 60.
2. Agropyrum repens. L. 70.
3. Agrostemma Githago L. 38.
4. Alopecurus fulvus Sm 3.
5. Amarantus retroflexus L. 90.
6. Andromeda polifolia L. 1.
7. Artemisia campestris L. 64.
8. Art. frigida Willd. 67.
9. Art. glauca Pall. 66.
10. Art. maritima L. 63.
11. Art. Sieversiana Willd. 65.
12. Art. vulgaris L. 85.
13. Atriplex (род). 40.
14. Avena desertorum Less. 52.
15. Avena fatua L. 53.
16. Betula alba L. 5.
17. Betula verrucosa L. 6.
18. Betula nana L. 7.
19. Brassica Rapa L., v. campestris 78.
20. Calamagrostis Epigeios (L) Roth. 13.
21. Cannabis sativa L. 35.
22. Carex (род). 57.
23. Chenopodium album L. 48.
24. Cirsium arvense Scop. 81.
25. Clematis sibirica (L) Mill. 44.
26. Convolvulus arvensis L. 16.
27. Corispermum nitidum Kit. 12.
28. Daphne Mezereum L. 14.
29. Drosera rotundifolia L.; Drosera anglica Huds. 71.
30. Epilobium angustifolium L. 25.
31. Eriophorum (род) 69.
32. Festuca ovina L. 28.
33. Festuca elatior L. 54.
34. Filipendula (род) 39.
35. Fragaria collina L. 31.
36. Fragaria vesca L. 22.
37. Galeopsis Tetrahit L. 59.
38. Galium verum L. 62.
39. Glycyrrhiza uralensis Fisch. 76.
40. Heracleum Sibiricum L. 68.
41. Iuniperus (род) 49.
42. Larix Sibirica Ledb. 43.
43. Ledum palustre L. 2.
44. Linnaea borealis L. 41.
45. Lonicera tatarica L. 21.
46. Lycopodium annotinum, Lycopodium clavatum и др. 61 и 19.
47. Majanthemum bifolium D. C. 47.
48. Medicago falcata L. 45.
49. Menyanthes trifoliata L. 11.
50. Oxycoccus palustris Pers. 32.
51. Oxalis Acetosella L. 29.
52. Paris quadrifolia L. 15.
53. Peucedanum officinale L. 50.
54. Phleum Boehmeri Wib. 82.
55. Phragmites communis Trin. 83.
56. Picea excelsa Link. 20.
57. Pinus Cembra L. 26.
58. Pinus silvestris L. 77.
59. Pirola (род) 13.
60. Populus tremula. L. 56.
61. Prunus Padus L. 84.
62. Pteridium aquilinum (L.) Gled. 55.
63. Rhamnus cathartica L. 37.
64. Ribes nigrum L.
65. Ribes rubrum L. 73.
66. Rosa cinnamomea L. u R. acicularis Lindl. 88.
67. Rubus arcticus L. 33.
68. Rubus Chamaemorus L. 51.
69. Rubus idaeus L. 46.
70. Rubus saxatilis L. 36.
71. Salicornia herbacea L. 75.
72. Salix Caprea L. 23.
73. Salix Sibirica L. 24.
74. Sambucus racemosa L. 10.
75. Setaria viridis P. B. 89.
76. Sonchus arvensis L. 58.
77. Sorbus aucuparia L. 72.
78. Spiraea crenifolia C. A. Meg. 79.
79. Spiraea media Schmidt. 80.
80. Suaeda maritima L. 87.
81. Statice Gmelini и др. 4 и 27.
82. Stipa pennata L. и др. 34.
83. Thymus Marschallianus L. 8.
84. Tilia parvifolia Ehrh. 42.
85. Trifolium (род) 30.
86. Vaccinium Myrtillus L. 86.
87. Vaccinium uliginosum L. 17.
88. Vaccinium Vitis idaea L. 9.

К ст. В. Семенова „Крат. Очерк. растител. Омской губернии"

Климатический и растительный пролив Западной Сибири.

Табл. I. Влажность абсолют. за VI и относит. за VII. Сред. темпер. года.

Табл. II. Ареалы растений, прошедших пролив.

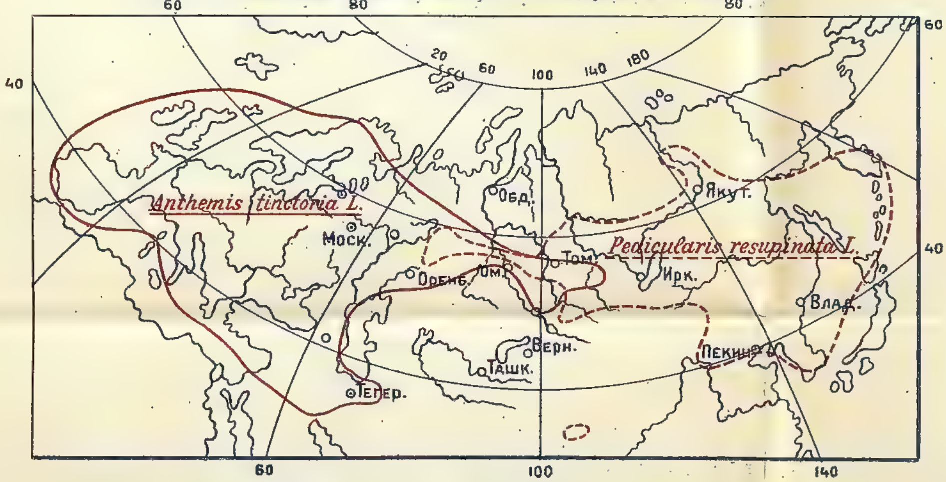
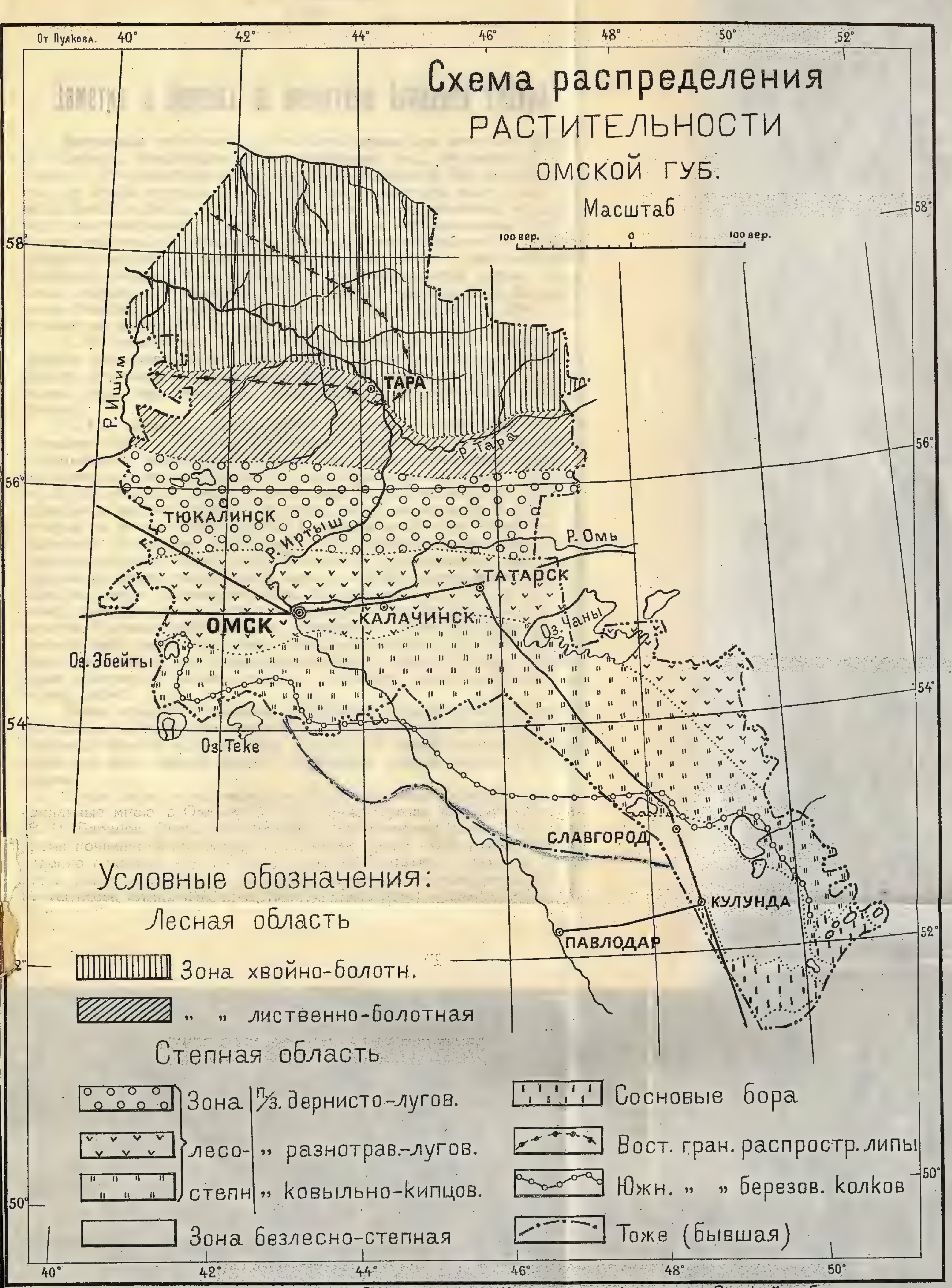

Табл. III. Ареалы растений, проходящих пролив.

г. Омск, Гублит № 2605. Хромо-лит. Воен. Топ. Отдела. Тираж 600 экз. 1924 г.

К статье В. Ф. Семенова « Краткий очерк растит. Омской губ. »

ОМСК. ГУБЛИТ № 2606 ТИРАЖ 600 экз.

ЛИТОГРАФ. В-ТОПОГРАФ. ОТД. 1924 г.

В. И. Баранов.

Заметка о березах из лесостепи Западной Сибири.

Березовые лески-колки, столь характерные для лесостепи Западной Сибири, придающие ей своеобразный вид, заставивший еще Георги и Миддендорфа назвать эту степь березовой (Birkensteppe), до сих пор слабо изучены в отношении форм сборного вида белой березы (Betula alba L.), который в настоящее время расчленен на целый ряд самостоятельных, сравнительно хорощо отграниченных, мелких видов, различных в отношении характера местообитания и ареалов распространения. В „Материалах к изучению почв и растительности Западной Сибири" А. Я. Гордягин в качестве главного дерева березовых колков всей лесостепи называет Betula verrucosa Ehrh. (бородавчатая береза); „встречается ли вместе с ней B. pubescens Ehrh., добавляет он далее, мне не известно."

П. Н. Крылов при описании барабинской лесостепи Томской губернии, указывает исключительно лишь B. verrucosa Ehrh. s. s. latifolia Tausch., упоминая о другом виде березы B. pubescens Ehrh. исключительно лиш при описании растительности на сфагновых болотах (рямах).

Б. Н. Городков в своей работе „Подзона лиственных лесов в пределах Ишимского уезда Тобольской губернии", которая частично захватывает и северную часть лесостепи, дает весьма общие указания относительно распространения и характера местообитания бородавчатой (B. verrucosa Ehrh.) и пушистой (B. pubescens Ehrh.) березы. „Основным деревом лиственных лесов, пишет он, является B. verrucosa, которая по местам заболоченным в значительной мере заменяется B. pubescens. По устному сообщению Н. А. Скалозубова, крестьяне некоторых местностей южной части Тобольской губ. отличают два сорта березы по форме ствола, цвету коры и способу размножения, причем один вид растет преимущественно по увалам, а другой по низинам между ними. Возможно, что эти два вида и есть B. verrucosa и B. pubescens. По моим наблюдениям, продолжает далее Городков, B. pubescens часто растет по краям болот, как гипновых, так и торфяных. Здесь развивается она в виде невысокого, с тонким стволом деревца, своим обликом и тонкими годовыми кольцами соответствующего рямовой сосне".

Таким образом в показании названных авторов пушистая береза (B. pubescens) везде фигурирует на своих типичных местообитаниях— торфяных болотах и, повидимому, в типичной форме мелкого деревца, тогда как единственной формой березовых колков остается B. verrucosa.

Сборы берез и обследование большого числа березовых колков, сделанные мною в Омском и Калачинском уезде Омской губернии (В. И. Баранов. Очерк растительности Калачинского уезда, 1923 г.) во время почвенно-ботанической экспедиции летом 1920 г., вполне определенно показали, что основным деревом березовых колков в лесостепи указанного района является несомненно бородавчатая береза B. verrucosa Ehrh.). Она представлена здесь почти исключительно ши-

роколистной разновидностью с тупым или чаще почти прямолинейным основанием листа—B. verrucosa Ehrh. var. latifolia Rgl; очень редко встречается другая разновидность бородавчатой березы с ромбовидными очертаниями листа на длинных черешках и с более мелкими сережками B. verrucosa Ehrh. var. vulgaris (Rgl) H. Winkl.

Первая разновидность (var. latifolia Rgl) является по преимуществу сибирской формой, неизвестной в средней Европе, почему между многочисленными дикорастущими формами B. verrucosa, описанными немецкими дендрологами, нет ни одной к ней подходящей. Она широко распространена по всей Сибири до Маньчжурии, (Комаров) причем в восточных пунктах своего распространения отличается более крупными листьями (B. platyphylla Suk).

Бородавчатая береза (B. verrucosa Ehrh.) в отмеченных двух разновидностях не является однако единственной насельницей березовых колков на всем протяжении лесостепной полосы Западной Сибири.

В северной половине лесостепи, в колках низинного местоположения, начинает появляться форма березы резко отличная от бородавчатой, а именно: с опушенными веточками молодых побегов, с опушенными слегка черешками листьев даже на взрослых деревьях, с опушенной нижней стороной листа главным образом в углах жилок и, в большинстве случаев, с опушенными ножками сережек—одним словом с характерными признаками берез типа B. pubescens[1]).

На этикетках, собранных мною гербарных экземпляров этого вида, (я отвозил часть сборов в Томск для обработки в Ботаническом музее Университета) имеется надпись, сделанная рукой П. Н. Крылова—B. pubescens Ehrh.

Береза эта легко отличима от соседних экземпляров B. verrucosa даже по цвету коры, имеющей слабый сизоватый оттенок, матовый с поверхности.

Береста с нее сдирается гораздо легче, чем с бородавчатой березы и отличается большей толщиной и эластичностью, почему местные крестьяне и различают эти два сорта берез. По моим наблюдениям ствол ее гораздо позже начинает образовывать корку. По своим размерам она не уступает B. verrucosa, образуя обычное колочное дерево до 15 метров высотой (III бонитет в возрасте до 50 лет). Колки из этой березы чаще всего приурочены к плоским замкнутым понижениям, которые так обычны в центральной части водораздела Омь-Иртыш и носят здесь местное название „алапов". В подобных низинах обычно скапливается весенняя вода, застаиваясь в некоторые годы до середины лета в целом ряде небольших углублений и болотцах. По всему пространству „алапа" разбросаны округлые, точно подстриженные куртинки сибирской кустарной ивы (Salix sibirica Pall.) с примесью Salix cinerea L.

В куртинках и около них развиваются заросли осок и канареечника (Phalaris arundincea L.), а большая часть остального пространства занята солончаковыми лугами с Alopecurus ventricosus Pers., Hordeum secalinum Schreb., Agropyrum repens P. B., Atropis convoluta Gries, Carex diluta M. a Bieb., Artemisia laciniata Willd, между которыми на более повышенных местах имеются пятна структурных солонцов различной мощности с Festuca valesiaca Schleich., Koeleria gracilis Persoon., Atropis convoluta Gries., Statice Gmelini Willd., Artemisa maritima L., Galatella punctata Lindl. var discoidea Lallem.

---

[1]) Повидимому этот именно вид березы указан в списке К. Л. Гольде (1888) под названием B. glutinosa Wallr., к которой она ближе всего подходит по своим признакам.

В центральной части алапа береза встречается лишь одиночными экземплярами по куртинкам ивняка (Salix sibirica), но ближе к периферии она уже образует колки обычно с кустарниковым ярусом из названных ив. Почвы под колками—подзолы с заметным оглеением, с горизонтом вскипания (HCl) на глубине 60—75 сант.

Комплексы структурных солонцов иногда весьма близко подходят к границе колков и во многих случаях часть деревьев оказывается растущей на структурном солонце, в последнем, однако, всегда резко выражены признаки выщелачивания и оподзаливания.

Близкое соседство солонцов и солончаков как будто говорит за то, что мы здесь встречаем пушистую березу в не совсем обычных условиях ее местообитания. На B. pubescens обычно смотрят как на обитательницу торфяных болот (торфяная береза, Moorbirke), так как типичная форма B. pubescens является мелким деревцом, растущим на болотах. Наиболее распространенная в лесной области древовидная форма пушистой березы B. odorata Bechst. в дендрологии (K. Koch. Dendrologie II, 649, 1872) часто называется „северной". Поэтому всегда к B. pubescens из более южных, тем более степных районов, приходится относиться с некоторым предубеждением. Однако нахождение В. М. Савичем (Савич, В. М. Новый вид березы в Киргизских степях. 1912) древовидной формы пушистой березы в Тургайской области, в Нурзум-Карагайском бору, показывает, что она может в некоторых случаях заходить далеко на юг, причем здесь продолжает сохранять все хорошо выраженные черты своего типа. По описанию Савича его береза отличается от обычной B. pubescens, главным образом, присутствием таких, бородавочек на коре ветвей какие свойственны B. verrucosa. Поэтому для Тургайской пушистой березы В. М. Савич дает особое видовое название B. Kirghisorum Sawicz. Летом 1923 года, во время работ по ботаническому обследованию Кустанайской губернии (Тургайской обл.) в Аман-Карагайском бору (130 в. к С. от Нурзум-Карагая) я собрал экземпляры пушистой березы, которые теперь, после знакомства с статьей Савича, считаю возможным определить как B. Kirghisorum, только бородавочки на моих экземплярах выражены, повидимому, более слабо. Осенью текущего года B. Kirghisorum была собрана Ф. Н. Русановым в Ара-Карагайском бору уже совсем не далеко от Кустаная. По указаниям Савича его береза заполняет преимущественно низины в бору, но при этом не ясно отношение ее к солонцам и солончакам, нередким в этих борах. На это именно обстоятельство обращает внимание Д. И. Литвинов (Литвинов. Нечто о Betula Kirghisorum Sawicz.), находивший сходную с B. Kirghisorum форму березы по солоноватым котловинам в песках Донской области. В Аман-Карагае по моим наблюдениям B. Kirghisorum приурочена также к низинным котловинам с небольшими солоноватыми озерцами, высыхающими обычно к концу лета. По крайней мере в конце августа 1923 г., на поверхности подсыхающего озерного ила (баткак), я находил превосходные крупные пустотелые кристаллы глауберовой соли, а в 3—5 саженях от усохшей поверхности росли уже иногда отдельные березы.

Переходя теперь к нашей „алапной" пушистой березе и сличая с Betula Kirghisorum из Аман-Карагая нельзя не отметить, что признаки типа B. pubescens у ней выражены более резко. Бородавочки и смолистые желвачки, выделяющие киргизскую пушистую березу, у наших алапных экземпляров очень редки и иногда отсутствуют. Опушение выражено более сильно и на нижней стороне листа оно не ограничивается углами жилок, а тянется вдоль их, заметно опушен

также и нижний край пластинки близ основания. Листья молодых побегов оказываются сплошь опушенными так же, как и молодые веточки. Я считаю возможным выделить ее в качестве разновидности B. pubescens, аналогичной древовидным формам лесной области, но отличающейся по типу местообитания на солоноватых котловинах или, т. н. „алапах“, назвав ее

Betula pubescens Ehrh., var. alapica (var. nova).

Arbor 13—15 metr. Ramuli novelli dense pubescentes. Folia ovata, v. late ovata, subacuminata, in basi late-cuneata integra, inaequaliter serrada, subtus ad nervos tenuiter puberula, Petiolus plus—minus pubescens. Amenta fructifera cylindrica, apice rotundata, pedunculo plus—minus dense pubescente suffulta errecta v. patentes. Squamae[1]) margine parce ciliatae, basi brevi cuneatae, lobo medio linguiculato valde prominulo, lateralbus ascendentibus rotundatis. Nuculae ovatae, alis nuculis subaequantibus v. paulo latioribus, margine supero nuculis apicem paulo superantibus cinctae.

1) f. typica. Folia 4—5 cm. lg., 3—4 cm. lata, petiolus 1,1—1,5 cm. lg, pedunculus 0,3—0,5 cm., amenta fructifera 2—2,5 cm. lg., 0,8 mm. lata, squamae 3,5—4 mm. lg., 4 mm. lata; nucellae 2 mm. lg.

2) f. grandifolia. Folia 6—9 cm. lg. 4,5—6,4 cm. lata, petiolus 1,2—1,5 cm. lg., amenta fructifera 3,0—3,5 cm. lg.; 0,9 cm. lat., pedunculus 0,6—0,8 cm. lg. nucellae 2,5 mm. lg. Hab. Prov. Omsk. Podgorodnaja dacza.

Эту разновидность в свою очередь необходимо разбить на две формы: 1) f. typica—с небольшой листовой пластинкой и резко выраженным опушениям и 2) f. grandifolia—с крупными листьями и крупными сережками, но с менее резко выраженным опушением. Последняя форма, повидимому, гибридизирует с B. verrucosa var. latifolia, давая крупнолистные особи с ромбоидальной пластинкой, с слабо выраженным опушением и редкими бородавочками на ветвях.

В последнее время (1922—1924 г.г.) главным пунктом моих наблюдений над березами (не считая экскурсионных сборов в других районах) была Подгородная учебно-показательная лесная дача Сибирской Сельско-хозяйственной Академии, расположенная в 20 верстах к С. от г. Омска, представляющая хорошо сохранившийся участок (11,500 десят.) целинной лесостепи. Здесь, помимо указанных двух видов березы с их разновидностями, о которых только что шла речь, мне пришлось встретиться с чрезвычайно любопытными экземплярами *чернокорой* березы. В Подгородней даче имеется четыре местообитания[2]) берез с черной корой, из них особенное внимание привлекает группа в четыре ствола, идущих от одного основания (порослевое возобновление), находящиеся в 2 верстах к С. от главного кардона (кв. №   ). Эта группа (см. фотографию) расположена в березовом

---

[1]) Форм чешуй весьма напоминает рис. 3 табл. XII в статье Литвинова „Туркестанские березы“; а именно B procurva Litw. из группы слабоопушенных форм; сходно также и очертание листьев.

[2]) Лесной ревизор В. П. Церингер первый обратил мое внимание на факт нахождения черных берез в Подгородней даче, а бывший лесничий И. Т. Гаврилов показал лично несколько местонахождений. Уже когда статья была написана заведующий лесным отделом ГЗУ П. Ю. Арндт сообщил мне о материалах 5-го съезда лесного совета, в которых имеются упоминания о других местонахождениях черной березы в Омской губ. На этот источник сделана ссылка ниже.

колке, состоящем по преимуществу из B. pubescens var. alapica. Стволы деревьев темнокорой березы до высоты груди образовали корку. Диаметр стволов 11—19 см., высота 12 метров.

Кора буровато-черного цвета (похожа на кору яблони), гладкая, с поверхности блестящая, с глянцем. На ветвях кора почти черная. Молодые части веточек опушены. Листья 4—5,5 см. длины, 3—4,5 см. ширины с сравнительно коротким черешком (10—17 m/m), опушены в углах жилок и по черешку, в очертании овально яйцевидные, с заостренным, слегка оттянутым, окончанием и слабо намеченным сердцевидным основанием. Нижняя сторона листа несколько светлее верхней и это особенно заметно на высушенных гербарных экземплярах.

За два года наблюдений эта группа берез ни разу не плодоносила, поэтому строение сережек, чешуек и орешка остается неизвестным. При изучении под микроскопом срезов бересты этой чернокорой березы оказывается, что число тонкостенных, содержащих бетулин, клеток здесь сведено до минимума (2—3 ряда), тогда как толстостенные промежуточные слои сильно увеличены (4—7 рядов клеток) и имеют темную, бурую окраску.*) Преобладание буроокрашенных толстостенных клеток и обуславливает черно-бурую окраску ствола.

Остальные три местонахождения темнокорой березы приурочены к колкам с преобладанием B. verrucosa var. latifolia. Форма листа и строение кроющих чешуй у темнокорых экземпляров здесь не отличаются от соседних особей B. verrucosa var. latifolia. Темный цвет коры на стволах не всегда выдержан; сильно шелушащаяся поверхность ее имеет массу пятен различной интенсивности в окраске, некоторые из пятен почти белые. В этом отношении она напоминает B. Raddeana Trautv., у которой, по описанию Е. Буш, окраска ствола также весьма не выдержана, а шелушащаяся кора особенно хорошо заметна на снимке П. П. Попова, приведенном в известном руководстве Н. И. Кузнецова (Введение в систематику цветковых стр. 237). Степень интенсивности окраски сильно варьирует у различных экземпляров, давая целый ряд переходов от темных к бледноокрашенным особям. Всего отмечено 22 подобных темнокорых березы в возрасте от 25 до 50 лет. Микроскопическое исследование поперечных срезов дает ту же картину, как и предыдущая темнокорая разновидность, с той только разницей, что число рядов толстостенных темноокрашенных клеток меняется в различных слоях и при шелушении дает неодинаковый тон окраски поверхности ствола.

Береза с темной корой в Западной Сибири была указана еще Гмелином в Тобольской губернии близь Краснослободского и описана у него (I. G. Gmelin, Flora sibirica T. I. 1777 стр. 187) под № 22: „varietatis arbor prope oppidum Krasnoslobodense Tobolensis provinciae nascitur, cuius epidermis, paucis albis exceptis, tota obscura fusca est. Не так давно там же темнокорая береза была собрана С. Н. Мамеевым, выславшим свои сборы Д. И. Литвинову. Последний, повидимому, (Д. Литвинов „Betula divaricata Led“. примеч. к стр. 1) склонен отожествлять эту темнокорую Тобольскую березу с B. verrucosa var. obscura Kotula (1888), описанной в монографии Винклера (H. Winkler. Betulaceae. 1904) по экземплярам из Силезии: „Cortex trunci inferne niger, supra ut in ramis ramulisque fusco-niger, rarius paulo dilatior nunquam albus“.

---

*) Обычно как у B. verrucosa так и у B. pubescens 2—3 ряда толстостенных клеток чередуются с 6—8 рядами тонкостенных, содержащих бетулин клеток.

Что касается наших омских[1]) темнокорых берез, то они, как видим, делятся на две различных группы.

Первая группа с резко выраженной буровато-черной окраской коры может быть выдвинута в качестве мелкого, еще не описанного вида, сходного в отношении остальных признаков с B. pubescens.

Так как единственное отмеченное местонахождение этой березы находится в Подгородной даче на территории Сибирской сельско-хозяйственной Академии, то это дает повод назвать ее

Betula Sibakademica (sp. nova).

Arbor 12—13 metr. Cortice trunci fusco—nigra, in ramis ramulisque nigra. Folia 4,5 cm. lat. 6,5 cm. lg., a basi late cuneata v. trunctata interdum laeviter cordata, marginibus simpliciter serratis. Petioli plus minus pubescenti v. glabri 1—1,7 cm. longi. Amenta fructifaera ignota. Hab.: Pov. Omsk. Podgorodnaja dacza. Locum unicum.

Вторая темнокорая группа берез с мало выдержанной окраской ствола и более светлыми ветвями должна рассматриваться как флюктуирующая разновидность или форма близкая к B. verrucosa var. latifolia Rgl. Так как B. verrucosa var. latifolia Rgl. не свойственна западной Европе, а представляет чисто сибирскую разновидность, то отожествлять наши березы с B. verrucosa var. obscura Kotula нет никаких оснований. Поэтому целесообразнее отметить их как особую разновидность.

B. verrucosa, var. cinerea (var. nova).

Arbor 14—15 metr, cortice cinereo-nigra v. cinerea foliis subcoriaceis, omnino nudis, basi saepe trunctatis, lateribus rotundatis, acuminatis, amentis fructiferis magnis (3—4 cm. lg, 0,8 cm. lat.), squamis basi sat longe cuneatis. Hab. Prov. Omsk, Podgorodnaja dacza.

Находка темнокорых берез среди необъятных пространств, занятых белоствольными березняками, разумеется представляет большой интерес, но значение этой находки, пока не обнаружены другие возможные местонахождения, в настоящий момент трудно уяснить себе. Имеем ли мы здесь угасающие формы темнокорых берез—родичей, или на наших глазах возникли новые мутации, или флюктуирующие изменения с уверенностью сказать нельзя. Быть может нахождение их связано с прошлой историей края и они являются реликтами прежней флоры, о которой в пределах западносибирской низменности мы еще так мало знаем и только в самое последнее время делаются попытки к освещению некоторых страниц послетретичного периода (Крашенинников).

---

[1]) В журналах 5-ой сессии лесного совета при Акмол.—Семипал. Управл. Земл и Гос. Им. есть упоминание об обрубке и фотографическом снимке черной березы, единично встречающейся в дачах Омского лесничества и переданных в лесной музей. Упоминается еще и другой фотографический снимок такой же березы в даче „Четыре колодца“ Омской губ., сделанный Г. М. Назаренко (см. „Журналы“. Доклад хранителя музея Омского лесничего П. Ф. Попова стр. 66).

Возможность стационарной работы над живым материалом в обстановке учебно-опытной лесной дачи побуждает меня в дальнейшем заняться более внимательным изучением всего цикла форм здесь наблюдающегося с применением вариационно-статистического анализа по примеру Моргенталера (Morgenthaler, H.), с статьей которого, к сожалению, я весьма недавно познакомился.

Сиб. Академия.

Кабинет экологии и географии растений.

Литература.

Баранов, В. И. К изучению берез из лесостепи Зап. Сибири. Реферат доклада. „Сибирская природа". 1922 № 1.

Баранов, В. И. Очерк растительности Калачинского уезда Омской губ. Труды Сибирск. С.-Х. Академии. Том II. Омск. 1923.

Буш, Е. Западная граница Betula Raddeana Trautv. на Кавказе. Труды Ботанич. музея Акад. Наук. Вып. XII. Петр. 1914 г.

Winkler, H. Betulaceae. Engler's Pflanzenreich. IV. 61. 1904.

Georgi. Geographisch-phisikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches. Teill 4. 1799.

Gmelin, Y. G. Flora sibirica. T. I. 1777.

Гордягин, А. Я. Материалы к познанию почв и растительности Западной Сибири. Труды О-ва Естествоиспыт. при Каз. Унив. Т. XXXV, вып. 2. 1901.

Гольде К. Л. Перечень сосуд. растений. Scripta Botanica. Петр. 1888 г.

Городков Б. Н. Подзона лиственных лесов в пределах Ишимского у. Тобольской губ. Труды почв.-бот. эксп. 1915 г.

Грибанов, Н. И. Подгородная лесная дача Сибирской С.-Х. Академии. Труды Сиб. С.-Х. Акад. Т. II. Омск. 1923.

Доппельмайр, Г. К. К экологии пушистой березы (Betula pubescens Ehrh.). Лесной журнал. 1909, вып. 6, стр. 724—752.

Комаров, В. Л. Флора Маньчжурии. Том I—II. 1907 г.

Крашенинников, И. М. Киргизские степи как предмет ботанико-географического анализа и синтеза. Изв. Главн. Бот. Сада. Том XXII. 1924.

Крылов, П. Н. Степи западной части Томской губ. Труды почв. ботан. экспед. 1916.

Кузенова, О. Березы, собранные в Амурской и Якутской областях. Тр. Бот. Муз. Акад. Наук. Вып. XII. 1914.

Koch, K. Dendrologie. I—II. 1872.

Литвинов, Д. И. Туркестанские березы. Тр. Бот. Музея. Вып. XII. 1914.

Литвинов, Д. И. Betula grandifolia sp. n. (с табл.) Тр. Бот. Муз. Вып. II. 1905.

Литвинов, Д. И. Заметки о растен. русской флоры. Тр. Ботан. Музея. Вып. IV. 1916.

Литвинов, Д. И. Нечто о Betula Kirghisorum Sawitz. Труды Бот. Музея. Вып. VIII. 1920.

Литвинов, Д. И. Betula divaricata Led. Ботан. материалы Герб. Главн. Бот. Сада. Вып. 49—50. 1922.

M i d d e n d o r f, A. Die Baraba. Mem. d. l'Acad. Imp. d. sc. St. Pb. VII serie T. XIV. № 9. 1870.

M o r g e n t h a l e r, Hans. Beiträge zur Kenntniss des Formenkreises der Sammelart Betula alba L. mit. variationstatistische Analyse der Phaenotypen. Vierteljarschrift des Naturforschenden Gesellschaf in Zurich. Jahrg. 60. (1915).

Савич, В. М. Новый вид березы из Киргизских степей. Вестн. Тифл. Бот. Сада, вып. 25. 1912.

Сукачев, В. Н. О Betula pubescens Ehrh. в Сибири. Изв. Акад. Наук. № 3. 1914.

Сукачев, В. Н. К систематике сибирских берез. Труды Бот. Музея Акад. Наук. Вып. VIII. 1911.

Скалозубов, Н. Л. Материалы к изучению почв и растительности Тобольской губ. Тобольск. 1906, стр. 7.

Журналы 5-й сессии лесного совета при Акм. Семип. Упр. Земл. и Гос. имущ. Омск. 1918 г., стр. 66.

Объяснение таблицы I.

1. Betula verrucosa var. latifolia.
2. B. pubescens var. alapica f. grandifolia.
3. B. pubescens var. alapica f. typica.
4. B. Sibakademica. Листья и поперечный разрез коры (береста); содержащие бетулин клетки обозначены поперечной штриховкой, а толстостенные буроокрашенные клетки не заштрихованы.

В.И. Баранов. Заметка о березах из лесостепи Западной Сибири.

Омск, Гублит № 2653. Хромо-лит. Воен-Топ. Отд. Тираж 700 экз. 1924 г.

15.III 24. Фотографировал В. И. Баранов.

Betula Sibakademica (sp. nova).

Береза с черной корой в 20-ти верстах от г. Омска (Подгородная лесная дача Сибакадемии).

П. Л. Драверт.

Заметки по географии и минералогии реки Тагула.

I.

1. Литературные сведения о Тагуле (левом притоке Бирюсы) очень скудны и в общем суммируются небольшой заметкой *Н. Латкина* *), которую мы приводим полностью.

„Тагул—р. Иркутской губ., Нижнеудинского у., берет начало в высоких горах Белогорья, расположенного на северной стороне Саянского хребта, на высоте 5000 фут. Тагул в начале течет с Ю.-З. на С.-В., а в конце поворачивает на В. Река имеет вполне горный характер, извилистое, быстрое и порожистое течение, несудоходна, но может быть сплавной. Длина до 180 верст, ширина от 5 до 50 саж., глубина от 1 до 2. Летом почти всюду показываются броды, но в половодье и дождливое время броды опасны или совершенно прекращаются. Долина реки в начале узка и сжата высокими лесистыми горами, до 3500 фут., далее расширяется, горы понижаются до 1500 фут. Берега частью лесисты, частью болотисты и совершенно пустынны и необитаемы. Тагул составляет юго-вост. границу между Енисейской и Иркутской губ.“

Эти данные, так же как и сообщения *Э. Гофмана* („Горн. Журн.“ 1844), относятся главным образом к области верхнего течения Тагула, которая раньше стала доступной для изучения благодаря соседству с золотыми приисками в вершинах Бирюсы. Эту же область несколько освещает и ряд соответствующих указаний в работе *Н. Ф. Катанова* „Поездка к карагасам в 1890 г. **) и в недавнем труде *Соловьева*—Саянская экспедиция Мин. Земл. и Пром. Птг. 1921 г. Краткий очерк *М. Кравкова* ***) относится преимущественно к нижней половине течения Тагула.

Что же касается до изображений Тагула на географических картах, то ни на одной из них он не нанесен с должной правильностью. Так, наприм., на 40-верстной карте Сибири, составленной в Воен.-Топогр. Управл. Главного Штаба и повторяемой в различных изданиях, река Гутар, важнейший приток Тагула, показана впадающей в Бирюсу приблизительно в 38 верстах выше впадения в последнюю Тагула.

Как удалось узнать на месте, инструментальная съемка реки производилась в 1912 г. полковником В.-Топ. отд. Ген. Штаба (фамилия утрачена), при чем было пройдено около 240 верст вверх по Тагулу, считая от его устья; но относящиеся к этой экспедиции материалы, по словам наводившего о них справки завед. Ново-Николаевским Краевым Музеем *М. А. Кравкови*, не сохранились.

*) Энцикл. словарь *Брокгауза* и *Ефрона*, том XXXII, стр. 473 С. П. Б. 1901 г.
**) Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., вып. II, том XVII.
***) В восточном Саяне, „Красная Нива“. 1924 г. № 3, стр. 74—76.

2. Летом 1922 г. мне пришлось совершить кратковременное путешествие по Тагулу. Условия, в которые я был поставлен, оказались чрезвычайно неблагоприятными для наблюдений и коллекционирования. Это путешествие привело меня к решению никогда не принимать участия в таких экскурсиях, где спортивные тенденции организаторов доминируют над запросами и интересами натуралиста.

Принимая во внимание крайнюю недостаточность имеющихся об этом районе данных, я позволяю себе опубликовать нижеприводимые заметки.

Маршрут может быть представлен в следующем виде: 14/VI—1922 г.—от села Тайшета (при жел.-дор. станции того же имени) пешком за подводами по переселенческому тракту до села Шелехова на Бирюсе (с переправой на левый берег этой реки 15/VI); отсюда через дер. Талую (близ устья Тагула) до селения Большая Речка на левом берегу Тагула (приблизит. в 75 верст. от Тайшета). Далее, от Б. Речки (18/VI) пешком за лодками с грузом вверх по обоим берегам Тагула (частично с посадкой на лодку) до острова Айдинова—26/VI (приблизит. в 140 верст от устья Тагула, близ устья Белой). Обратный путь—от остр. Айдинова (4/VII) на лодке до пункта, лежащего между устьем Яги и верхним порогом; потом (6/VII) на плоту до устья Топорка; отсюда на лодке до Большой Речки (7/VIII). От Б. Речки (10/VII) на плоту по Тагулу и далее около 100 верст по Бирюсе до жел.-дор. моста через нее (11/VII), откуда 12 верст на подводе до села Тайшет. В последнем я весьма обязан гостеприимству д-ра *Н. Г. Захвалинского* и его семьи и считаю приятным долгом выразить им здесь мою глубокую признательность.

Сообщаемые далее сведения частью явились в результате личных наблюдений, частью почерпнуты через расспросы тех из местных жителей, которым по образу их жизни район Тагула известен с наибольшей полнотой (*Никиф. Прокоп. Догадаев, Ив. Мирон., Триг. Ив. Айдинов* и др.).

3. В настоящее время область, орошаемая Тагулом с его притоками, входит в административном отношении в состав Канского уезда Енисейской губ.

Собственно Тагул слагается двумя реками, правой—Гутаром и левой—Верхним Тагулом, берущими начало на снежных высотах Белогорья, приблизительно под 54^0 сев. шир. Вершина Гутара отстоит в 80 верстах от истоков Бирюсы; недалеко от последней находятся и истоки Уды.

Верхний Тагул, по своей узости, маловодью и длине (около 50 верст), рассматривается аборигенами низовья края, как приток Тагула; принято говорить: „поехал к устью Тагула,“ разумея под этим место слияния упомянутых рек. Гутар многоводнее и значительно длиннее Верхн. Тагула. Длина его определяется около 200 верст. Что касается общей длины Тагула (Гутар+Тагул), то показания здесь разноречивы, колеблясь в пределах от 300 до 350 верст. Вероятны цифры меньшие. *Н. П. Догадаев* проходил в Белогорье, поднимаясь от Лабутина вверх по Гутару на 80 верст (не доходя, однако, до истоков). В памяти жителей сохранилась цифра 171 (вер.), определяющая расстояние по реке от селения Большая Речка до зимовья Лабутина на Гутаре*). Если к этому числу мы прибавим 15 верст, отделяющих Б.

---

*) Большинство опрошенных определяет расстояние от дер. Талой (при впадении Тагула в Бирюсу) до Лабутина в 180 верст. Это число немногим отличается от 186 (171+15).

Речку от пункта впадения Тагула в Бирюсу, и 80 верст, сделанных Догадаевым выше Лабутина по Гутару, то получим 266 верст. Даже при этом осторожном подсчете разница с числами, даваемыми старинными авторами, довольно значительная.

В полосе верхнего течения Гутара в него впадают справа Морхой (Мёрзлянка)—до 20 верст длиною, а слева—Каменка; далее, слева, между Мамонтовской заимкой и Лабутиным,—Ерма 1-я и 2-я, ниже Лабутина—Огулмей, еще ниже – Зажарма.

В моем распоряжении имеется рукописная „Карта частных золотых промыслов, находящихся в Канском и Нижнеудинском округах“; происхождение ее, по некоторым признакам, можно отнести к начальным годам второй половины XIX века. Карта охватывает область верхнего течения рек Маны, Кана, Агула, Тагула и Бирюсы. На ней показано много притоков Тагула, но наименования имеются далеко не у всех. Лучше всего иллюминованы верховья отмеченных рек, так как в этих районах были расположены золотые прииски и проходила соединяющая их караванно-вьючная дорога*).

Между безымянными притоками Верхнего Тагула неизвестным автором карты нанесены Тодой (впадающий слева, приблизительно на расстоянии 1/3 общей длины В. Таг. от его вершины) и ниже его (на таком же расстоянии), справа—Имжегей. Последняя река у *Н. Катанова* (op. cit.) носит название Инжигей. Катанов в числе притоков Гутары указывает левый Модар, шириной около 20 саж., замечательный своими водопадами, „из которых некоторые падают со скалы в 30 сажен вышиной“. Модара на нашей карте нет, но, быть может, это синоним Каменки с ее притоком Крутой**).

Начиная от пункта слияния Верхнего Тагула и Гутара, в Тагул впадают нижепоименованные притоки в следующем порядке:

Л е в ы е	Длина в верстах	П р а в ы е	Длина
		1) Решет	15
2) Ларинская 2-ая	20		
		3) Самолячья	10
		4) Большая	30
5) Белая	30—50		
		6) Мальцевская	10—12
7) Малиновка	20		
8) Ларинская 1-ая	20		
9) Гряда	10		
		10) Яга Большая	30—50
		11) Яга Малая	10
		12) Топорок	12—20
13) Мироновская	20—25		
		14) Левчиха	20
15) Большая Речка	50—60		
16) Малая речка	12—15		
		17) Тагличиха (Красная речка)	7
18) Максиха	5—8		

*) Золотопромышленность в вершинах Бирюсы возникла с 1838 года.

**) Сообщения *Катанова* находят подтверждения в данных упомянутой карты. Так, Катанов, со слов зимовщика *Щетнева*, передает, что левый приток Кана—

Числа, выражающие длину, безусловно приблизительные; они даются звероловами и рыбаками, которые проникали по задачам своего промысла вверх по той или иной речке, не стремясь достигнуть ее вершины; отсюда—такие колебания, как напр., 30—50 или 12—20. Во всяком случае приведенные здесь размеры притоков Тагула не страдают преувеличением.

Расстояния между устями этих речек по Тагулу чрезвычайно согласно многими аборигенами даются в следующих числах:

между 1) и 2)—8 верст	между 6) и 7)—12 вер.	между 11) и 12)—25 вер.
„ 2) и 3)—3 „	„ 7) и 8)—12 „	„ 12) и 13)— 4 „
„ 3) и 4)—5 „	„ 8) и 9)— 3 „	„ 13) и 15)— 30 „
„ 4) и 5)—5 „	„ 9) и 10)—12 „	„ 15) и 16)—0,5 „
„ 5) и 6)—3 „	„ 10) и 11)—0,5 „	„ 15) и 17)— 2 „

Наконец, между устьем Большой Речки и впадением Тагула в Бирюсу—15 верст. Числа, повидимому, вобщем немного ниже действительных. Помимо этих притоков Тагул принимает в себя множество мелких и крупных ключей.

4. В орографическом отношении местность, по которой протекает Тагул, представляет возвышенное, постепенно понижающееся к северу нагорье, расположенное в области краевых складок Саянского хребта. Тип страны может быть охарактеризован как складчато-сбросовый. Древний рельеф, пройдя стадию пенеплена, еще более усилен эрозионными процессами, в частности боковой эрозией реки и ее притоков. Обилие падей, ущелий, глубоких долин чрезвычайно затрудняет путешествие по этой местности. Отдельные возвышенности, в роде так назыв. хребта Яги, достигают над уровнем реки до 200 саж. Высота прибрежных скал доходит иногда до 100 с. Склоны гор покрыты огромными каменными россыпями.

Горные породы, слагающие берега реки, представлены гранитами, пегматитами, кристаллическим сланцами, известняками и песчаниками. Встречены были также выходы диорита (ниже устья Топорка) и красного полевошпатового порфира (близ Гряды). Кембрийские известняки и песчаники*) трансгрессивно залегают на протерозойских кристаллических сланцах, в свою очередь часто подверженных интенсивной дислокации. Граниты (мусковитовые, биотитовые, роговообманковые) часто дают переходы в гранито-гнейсы и гранито-сиениты. Вероятнее всего, что граниты являются здесь более поздними интрузиями.

Из кристаллических сланцев наибольшим распространением пользуются роговообманковые и слюдяные; последние б. м. принадлежат к контактовой зоне. Известняки чрезвычайно метаморфизованы, без окаменелостей и зажаты в складки крист. сланцев. Песчаники, желтые и красные, несущие иногда характерные волноприбойные знаки (Wellenspuren), в соседстве с массивно-кристаллическими породами подверглись сильной метаморфизации, и часто их пласты стоят на головах. В нижнем течении Тагула, по правому его берегу, в 1½ верст. ниже Большь Речки обнажено левое крыло антиклинальной довольной крутой складки зеленовато-серых мелкозернистых песчанников. Продолжение их мы встречаем в 4 верст. вниз по реке, где под их наклонными пластами залегают древние конгломераты с крупными гальками и валунами, что указывает на перерыв в отложениях.

„Агул берет начало из Агульского озера, не обозначенного на картах. Озеро это имеет в окружности верст 40". На нашей карте указано не только это озеро, но и пять вливающихся в него речек.

*) *Н. Ижицкий* относит известняки и песчаники, развитые по р. Бирюсе, от устья Топорка (прав. прит. Бирюсы) до устья Тагула, к кембросилурийским („Геологические исследования вдоль Сибирской ж. д. в 1894 году").

Отмечу попутно, что по Бирюсе (в 6 вер. от с. Шелехова и в других пунктах) усматриваются весьма эффектные пластовые интурзии траппов в палеозойских серых известняках.

Выходы встреченных по Тагулу пород нанесены мною на прилагаемой карте. Она является уменьшенной в 6 раз копией с карты, составленной *М. А. Кравковым* в 1922 г. (масштаб—512 саж. в 1 дюйме) на основании производившейся им с помощью буссоля маршрутной съемки и дополнена мною некоторыми легендами.

5. Ширина Тагула довольно изменчива; в среднем ее можно считать от 50 до 70 саж. У селения Больш. Речки ширина водной полосы „в малую воду" равна 50 саж., „в большую"—80 саж. Местами ширина реки доходит до 130 саж. (выше Подпорожья). Ширина долины Тагула не велика, в среднем от $^1/_2$ до 1 версты. Особенно узка падь Тагула на пути от Левчихи до группы порогов. Здесь река течет местами буквально в тесном каменном корридоре с высокими обрывающимися в воду стенами. Порою можно видеть на высоте 15 и более сажен остатки каменных уступов древней террасы. От устья Б. Речки долина расширяется от $1^1/_2$ до 2 верст. Высота речной террасы, сложенной алювиальными отложениями (песок и галечник) и прислоненной к коренным породам, колеблется в прибрежной полосе в пределах от 1 до 6 саж. Алювиальная заливная долина наиболее хорошо представлена по обоим берегам лишь в самом низовьи Тагула.

Глубина реки колеблется от $^1/_2$ арш. до 3 саж.; средняя 1—2 аршина. Бродов на описанном пути нет.

Вода отличается высокой прозрачностью и характерным голубовато-зеленым оттенком, присущим многим горным рекам. Температура воды, неоднократно измеряемая во время путешествия, была равна 13° С на глубине 0,15 метра. Вода притоков обыкновенно холоднее (5°—7°).

Благодаря крутому падению русла скорость течения Тагула довольно высока; в среднем от 8 до 12 верст в час; на шиверах и порогах она доходит до 20-ти.

Протекая вкрест простирания горных пород, Тагул отличается извилистостью и образует весьма прихотливые меандры; сложность их увеличивается там, где следует частая смена выходов различных пород, явившаяся в связи с дизъюнктивными дислокациями. Плывя по реке, редко можно видеть прямой плес длиною более, чем в одну версту. Зимой для сокращения лыжного пути промышленники пользуются так называемыми „перелазами" (наиболее узкие места петель течения). Из таких перелазов можно отметить: 1) Холодный, в 9 верстах выше Б. Речки, где кратчайшей дорогой „через хребет"—70 сажен, а рекой 6 верст; 2) Часовенный—хребтом ¾ вер., рекой 4 вер.; 3) у Верхнего порога к Лысым горам—хребтом 6 верст, рекой 20 в. и 4) Догадаев перелаз—около 7 верст ниже Малиновки; через него 14, а водой 38 верст. В общем перелазы сокращают путь от Б. Речки до Лабутинского зимовья на 50 верст. Путешествие на лыжах от дер. Талой до Лабутина совершается в четыре дня; таким образом, проходят в среднем по 45 верст в день.

Река весьма шивериста; опасность для плаванья от этих шивер запечатлелась в выразительных названиях некоторых из них — „Дурная", „Сумасшедшая". Сверх того, между Ягой и Топорком по Тагулу имеются пороги, числом—4. В порогах русло реки суживается до 40 саж., и вода здесь, стремительно сливаясь вниз, бурно несется через огромные выступающие со дна камни, образуя пенистые валы на протяжении до 200 сажен.

Быстрота течения Тагула в связи с его порожистостью заставляет совершать передвижение на лодках вверх по реке с помощью бичевы и шестов. Шест, обычно с железным наконечником, заменяет руль и весло. Отталкиваясь им от каменистого или покрытого галькой дна, лодку прогоняют вперед, равно и поворачивают там, где это вызывается характером течения. „Шестовщик“ должен обладать, помимо знания особенностей пути, недюжинной силой, ловкостью и уменьем быстро ориентироваться в сложной подчас обстановке. В местах с наибольшей быстротой течения, на крупных шиверах и порогах, приобретает не мало значения и бредущий в лямке. Нужно заметить, что на Тагуле удобный бичевник редок; он обычно покрыт галькой и валунами, часто очень крупными. Иногда косой склон намывной террасы усеян округлыми камнями, которые катятся и падают в воду, едва ступит на них нога; тут разумнее сойти в воду, если позволяет незначительная глубина. Не лучше и там, где приходится карабкаться и балансировать на обнаженных выступах поставленных на головы пластов твердых пород. Часто путь идущего прерывается довольно высоким и обрывистым иловато-песчаным берегом, поросщими деревьями и заваленном буреломом, или подступившие к воде и отвесно падающие в нее скалы делают совершенно невозможным движение вперед. В таких случаях идущий в лямке выбирает бичеву, подтягивает лодку и садится в нее. Шестовщик, действуя своим орудием, доставляет его до первого удобного места.

Обратный путь совершается обычно на плотах. Плот сооружается из нескольких длинных сухих, освобожденных от коры бревен, соединенных в параллельном положении, и снабжается двумя большими веслами—правилами, по одному на кормовой и носовой частях. Это—наименее опасный способ пройти через пороги и шиверы. Необходимым условием является крепкая связь отдельных частей плота, ибо когда последний в своем быстром движении по стремнинам то подымается на гребни валов, то падает вниз,—почти невозможно избежать столкновений с камнями, не достигающими поверхности воды. Хорошо сшитый плот в подобных случаях проскользнет благополучно, а небрежно построенный будет разбит. И такие случаи здесь не редкость.

Разделяясь на протоки и рукава там, где долина достаточно выработана, Тагул изобилует островами. От слияния Верхн. Тагула с Гутаром до Больш. Речки насчитывается 22 острова. Самый большой — Айдиновский—лежит между устьем Белой и Мраморным утесом и покрыт высоким хвойным лесом; длина его около 2, ширина до $^{3}/_{4}$ вер. Менее всего островов от Топорка до Б. Речки—7; отсюда до впадения Тагула в Бирюсу их не менее 8-и, последние все заливаемы весенней водой.

Дно реки, отмели, пологие берега и косы покрыты песком, галькой и валунами со сглаженной поверхностью. Галька мелкая и средняя, имеет большею частью элипсоидальное очертание и плоскую форму.

Старец и озер, как и следует ожидать, в долине реки мало, особенно между Б. Речкой и Белой.

6. Климат района континентальный. Лето знойное, но достаточно обильное осадками. Дождевые тучи приносятся северо-западными ветрами. В середине июля Тагул разливается от таяния снегов на Саянах; тогда он быстро вздувается, подымаясь на 3—4 аршина и скрывая под собой бичевник и низкие места. Разрушительная сила реки увеличивается, берега намывного происхождения обваливаются вместе с деревьями; последние несутся по мутной воде, представляя опасность

для лодок и образуя местами заломы. Затяжные дожди также вызывают выступление реки из берегов.

Начало зимы жители приурачивают к „Покрову“ (14 октября). Около этого же числа (немного раньше или позже) по Тагулу показывается шуга. Замерзает он в области нижнего течения 28 октября; местами, выше—в последних числах декабря. Толщина речного льда от 3/4 до 1 арш.; на Гутаре лед тоньше—5 вершков. Морозы доходят до 40°. Снега выпадает до 6 четвертей; на Гутаре снежной покров отличается меньшей мощностью. Вскрывается Тагул около „Егорьева дня“ (5—7 мая).

7. Растительность описываемого района несет в себе черты как таежной, так и горной области. На пути к югу от сибирской магистрали до слияния Тагула с Бирюсой и немного далее, в нижней части Тагула, мы наблюдаем смешанный хвойный лес с вкрапленными в него березой (Betula alba) и осиной (Populus tremula). В долинах рек и речек, кроме хвойных, обычны тополь (Populus suaveolens), Salix Gmelini, S. pyrolaefolia, S. caprea, S. viminalis и др. виды ив.

Далее, вверх по Тагулу, соответственно увеличивающейся высоте нагорья, распространены густые и темные леса, состоящие из ели (Picea obovata), пихты (Abies sibirica) и кедра (Pinus cembra sibirica), к ним—иногда в изобилии—примешивается лиственница (Larix sibirica). Осина и береза предпочтительнее располагаются на горелых местах. В полосах развития красных песчаников преобладает сосна (Pinus silvestris). Здесь это настолько типичное явление, что, плывя по Тагулу и увидав на береговых возвышенностях сосновые рощи, можно с уверенностью ожидать встречи с выходами кембрийских песчаников. К сосне и здесь примешивается лиственница, выбирая более затененные пункты. В трещинах песчаников и амфиболитовосланцевых скал укрепляются своими корнямн Sedum quadrifidum с золотисто-желтыми цветами и Bergenia crassifolia (бадан). Внушительные россыпи щебня и отторженцев массивных кристаллических пород порою совершенно замаскированы плащем лишайников (гл. обр. из родов Cladonia и Alectoria) и мхов. Как по берегам Тагула, так и на многих его островах в тени хвойной растительности сильно развит гипновый или сфагновый моховой покров, а пышные ярко-зеленые вайи папоротников, достигающих в высоту человеческого роста, смягчают в общем мрачный характер этих лесов.

Леса Тагула, несмотря на то, что и среди них проходил пал, поражают своей мощью и первобытностью. Весьма часто встречаются деревья в возрасте до 300 лет, как это можно судить то по обхватам еще живущих великанов, то по свежим пням. Есть прекрасные рощи так наз. корабельного леса.

Среди представителей местной флоры, составляющих различного типа подлески, можно указать на ольху (Alnus incana), акацию—карагану (Caragana arborescens), черемуху (Prunus padus), бузину (Sambucus racemosa), шиповник обыкновенный (Rosa cinnamomea) и колючий (R. acicularis), можжевельник (Iuniperus communis), златоцветный багульник (Rhododendron chrysantum), Ledum palustre, различные ивы, жимолость и др.

Отметим растения, ягоды которых собираются жителями: смородина красная (Ribes pubescens), смородина черная (R. nigrum), голубица (Vaccinium ulginosum), брусника (Vaccinia vitis idaee), малина (Rubus idaeus), костеника (R. saxatilis), морожка (R. hamaemorus), клюква (Oxycoccus palustris). Из других съедобных растений используются черемша (Allium victoriale)—прекрасное противоцынготное средство, и

др. виды дикого лука, луковицы лилии-сараны (Lilium Martagon), мясистые стебли борщевника (Heracleum dissectum) и старые отмершие листья бадана, которые собираются в качестве суррогата чая.

8. Животный мир достаточно разнообразен. Благодаря незначительной населенности и малодоступности края тут в большом количестве сохранились представители таких позвоночных, которые в других, сходственных с данным, естественно-исторических районах уже перевелись или близки к исчезновению.

Из хищных отметим медведя (Ursus arctos) и рысь (Lynx lynx).

Семейство хорьковых представлено выдрой (Lutra vulgaris), соболем (Mustella zibellina), который водится в полосе между Лывиной и устьем Верхн. Тагула, колонком (Putoruis sibiricus), горностаем (Put. ermineus). Из семейств куничных—россамаха (Gulo borealis).

Из отряда копытных здесь водятся лось (Alces palmatus), марал или изюбрь (Cervus canadensis asiaticus), северный олень (Rangifer tarandus), кабарга (Moschus moschiferus) и косуля (Capreolus pygargus), которая указывается в окрестностях Лабутинского зимовья. Кабан (Sus scrofa) около 40 лет тому назад еще попадался в низовьи Тагула, близ д. Талой; теперь его уже нет.

Грызуны представлены белкой (Sciurus vulgaris), летягой (Pteromys vulgaris), бурундуком (Tamias asiaticus), каменной пищухой (Lagomys alpinus), мышами и некот. друг. Из насекомоядных обычны землеройки (Sorex).

Из птиц я отмечу лишь немногих, встретившихся на пути. Это будут: орел, ястреб, коршун, кобчик, филин, сова, дятел-желна (Picoides martius), ореховка (Nucifraga caryocatactes), глухарь (Tetrao urogallus), рябчик (Bonasa silvestris), гагара (Colymbus arcticus), журавль (Grus monachus), крахаль (Mergus merganser), несколько видов уток и куликов, гоголь (Fulingula clangula), гусь серый (Anser cinereus), черный аист (Ciconia nigra) и друг.

Из пресмыкающихся встретились уж (Tropidonotus natrix), гадюка (Vipera berus) и ящерица (Lacerta vivipara); из земноводных—лягушка (Rana) и жаба (Bufo vulgaris).

Рыбы здесь представлены тайменем (Salmo fluviatilis), ленком (Salmo lenoc), хариусом (Thymallus vulgaris), щукой (Esox lucius) и миногой (Pteromyzon fluviatilis?). *Катанов* (op. cit., стр. 20) указывает еще налима, сига и широколобку (подкаменник).

Достаточно богат мир насекомых.

9. Человек, повидимому, давно проник в долину Тагула. *Н. П. Догадаев* рассказывал мне, что несколько десятков лет тому назад им было найдено на р. Топорке медное орудие, по имени которого и получил свое название данный приток Тагула. Судя по описанию, это—двусторонний кельт со втулкой в нижней части, открытой до верху, где имеется два ушка. „Топорок" до сих пор служит Догадаеву паяльником. Таким образом, уже в бронзовом веке данной части Сибири человек посещал эти места.

В Егорьевском участке (Большая Речка) радушные хозяева крайней избы в селении Борис и Евдоким Антоновичи передали мне предмет, найденный ими при расчистке леса под пашню и служивший долгое время подставкой для сковороды. Это была железная крестовина—рукоять шаманского бубна, стилизованно изображающая распростертую крестом в полете гагару. Расстояние от конца клюва до хвоста 35,8 сантим., между концами крыльев—30,5 с., по средине имеется вырезка в виде ромба с вогнутыми сторонами; длина диагонали ромба 4,0 сант. Голова гагары, на слегка приподнятой шее,

снабжена полуоткрытым клювом; глаза намечены круглыми небольшими приклепками из красной меди. От основания клюва (с поперечной двойной надсечкой) к затылочной части головы углублена тонкая линия. Две надсечки (каждая из двух параллельных линий) имеются на шее. Голова с шеей выкованы из одного пластинчатого куска, надлежащим образом затем согнутого и приклепанного к крестовине, которая в этой части несколько расширена и снабжена двумя небольшими отверстиями—справа и слева. С нижней стороны крестовины на каждом из ее концов (под уширенной грудной частью, у основания хвоста и у немного отогнутых назад окончаний крыльев), имеется по приклепанному кольцу—всего четыре; каждое диаметром около 2 сант. Тип описанного предмета более всего подходит к тунгусским.

Я осмотрел место находки, которое лежит в долине Тагула между ним и небольшим притоком Малой Речкой (в 1/2 версты от берега Тагула и в 100 саж. от М. Речки). Здесь в конце пашни, на краю смешанного леса (ель, пихта, береза) возрастом не старше 100 лет, стоят по близости друг от друга четыре уже давно подсеченных и высохших лиственницы; одна из них в 5 обхватов, другая в 3, две остальных по 2 обхвата. До расчистки было здесь бурелома и валежника более, чем на сажень высоты. Крестовина обнаружена на земле под полусгнившим стволом. Вне всякого сомнения, что тут было место погребения шамана „на столбах“, а бубен был подвешен на одном из деревьев. Очевидно долина Тагула входила в район кочевий тунгусов.

Впоследствии здесь кочевали со своими оленями роды тюркского племени Карагасов, спускавшихся для сношений с русскими до впадения Тагула в Бирюсу и далее до Тайшета. Память о них сохранилась в названии „Карагасского перелаза“. В рассказах некоторых жителей, общавшихся с ними, карагасы рисуются, как деликатные в обращении, благородные в поступках, верные своему слову люди, которые покинули этот край, будучи не в силах ужиться с русскими промышленниками—грубыми, жадными, презирающими чужие обычаи и часто вероломными. Последний раз карагасов видели у Большой Речки 14 лет тому назад. Вместо Тайшета они стали для товарообмена выходить горными тропами к Нижнеудинску. Большинство из них во время революции ушло в пределы Монголии.

10. В настоящее время на Тагуле имеется два русских селения, расположенных в нижнем течении реки, где она отличается достаточно широкой длиной. Это—деревня Талая в устье Тагула и Егорьевский участок в 15 вер. выше; оба на левом берегу и принадлежат в Шелеховской волости. Талая основана „более 80 лет тому назад“ и заключает в себе теперь 122 дома.

Егорьевский участок (называемый также Большой Речкой по имени ближайшего притока Тагула) насчитывает только 15 лет своего существования и имеет 23 дома; жители его являются выходцами большею частью из Рязанской губернии. Главное занятие их хлебопашество. Сеют пшеницу, рожь, также гречиху, овес и лен. Рожь при мне (8/VII—1922 г.) была выше человеческого роста. В огородах разводятся обычные овощи, а за последние годы и табак. Из домашних животных имеются лошади, коровы, овцы и свиньи. Прекрасные луга низовья Тагула обеспечивают кормовые запасы сельскому скоту на весь год. Один из старожилов участка, *Никита Егорович Архипенко* (урожд. Могилевской губ.) недавно устроил пчельник. Большой Речке, повидимому, предстоит хорошая будущность. Жители закалились в борьбе с непривычными для них и первоначально очень тяжелыми естественными условиями края. Площадь, занимаемая под пашни, все

увеличивается; каждый год выжигают лес и поднимают целину. Невыносимое прежде обилие комаров и мошкары уменьшается специальной вырубкой некоторых лесных зарослей и осушением болотистых мест. Селение производит хорошее впечатление относительной чистотой и обилием сознательно оставленных на улицах и вдоль дорог деревьев, главным образом, берез. Начато постройкой здание школы. На Малой Речке устроена водяная мельница, куда возят молоть зерно из Талой, не имеющей своей. К сожалению, отсутствует медицинская помощь.

Далее от Большой Речки вверх по Тагулу нет постоянных селений вследствие узости долины реки и трудной проходимости местности. Попытка к колонизации в области верхнего течения была сделана около 30 лет тому назад. Предприимчивый крестьянин *Вас. Ив. Лабутин* основал на Гутаре, в 45—50 верстах выше устья Белой, зимовье, известное под именем Лабутина. Здесь было два дома, два амбара и ряд надворных построек, огород, пашня и небольшой маральник (с шестью животными). Это хорошое поставленное хозяйство во время германской войны было ликвидировано; в последнее время как будто делаются попытки к его возрождению. Другая, небольшая по размерам заимка *Мамонтова* расположена на прав. берегу Гутара, выше его притока Ермы; тут имеется лишь один дом и амбар.

Важнейшим из промыслов некоторых из жителей Шелеховской волости в селениях, тяготеющих к району Тагула, являются охота и рыбная ловля. Бьют главным образом сохатого (лося), марала, медведя. На мелкого зверя (колонок, соболь, горностай, белка) ставят зимой плашки—примитивые ловушки зажимного типа. Приманку в них составляют для белки грибы, вареные в масле, для колонка—мясо белки, горностая. Промышленник ставит по тропам от 600 до 1000 таких приспособлений и периодически совершает их обход для сбора добычи. Соболя ловят зимой еще и сетью—„обметом", осенью его промышляют с собаками. В 1921 г. здесь убито 30 штук соболей. Развитию охоты препятствует бедность населения огнестрельным оружиям, отобранным в последние годы.

Путешественник может встретить кое-где по Тагулу временные жилья—избушки промышленников с лабазами для хранения провизии и продуктов промысла, а также простые балаганы, крытые корой, для кратких остановок. Лабаз представляет утвержденную на столбах небольшую клеть, к которой поднимаются по приставной лестнице; без последней лабаз недоступен для медведя. Лабазы обыкновенно не запираются на замок, так что охотник, оказавшийся почему либо без пищи, может взять из такого хранилища рыбы, сухарей или муки, отдавая потом хозяину взятое. Впрочем этот прекрасный старинный обычай близок к исчезновению с растущей порчей нравов; уже появляются на диких берегах Тагула „озорники" с определенной целью —поживиться чужим трудом.

Промысловыми рыбами считаются на Тагуле таймень, ленок и хариус; щука обычно съедается на месте. Орудиями лова служат сети и невода (каждые до 20 саж. длины), затем морды, крючья и остроги для багренья. Сетями преграждаются устья проток. Ежегодно добывается до 1000 пудов рыбы. Хотя еще не вполне изжиты многие хищнические стороны в охоте на зверя и рыбу, все же замечается упорядочение приемов промысла. Напр., теперь уже не загораживают заездками речек, как делалось прежде, когда одна Яга давала до 100 пуд. рыбы. Это постановление вынесено недавно на волостном сходе и строго соблюдается. Равным образом у промышленников заметно

бережное отношение к лесу. Никто не оставит непотушенного костра. Пожар тайги—здесь бедствие, так как уничтожает и выгоняет зверя и птицу, и в огне гибнут орудия лова. Нам показывали человека, сжегшего в 1921 г. на десятки верст тайгу по Тагулу (как говорили, он обокрал лабаз и потом поджег росший по близости лес для сокрытия преступления). Он обречен на смерть, знает это—и один на промысел уже не ходит.

Всего в районе Тагула занимаются охотой двадцать, а рыбной ловлей тридцать человек. Рынком для сбыта продуктов промысла является большое село Тайшет.

II.

1. Ниже приводится список минералов, встреченных в описанном районе, с указанием мест их нахождения.

Сорока перечисленными видами не исчерпываются, конечно, все минералы Тагульского побережья. Как уже упомянуто, условия наблюдений и сбора были крайне затруднены, а большею частью невозможны. Таким образом приходится оперировать с материалом далеко не полным.

Около 70% из констатированных минералов приурочено к массивным кристаллическим породам. Самородных элементов в коренном залегании не обнаружено. Нахождение золота в россыпях связано, повидимому, с разрушением Au—содержащих сульфидов (гл. обр. пирита) в многочисленных кварцевых жилах. Месторождения окисной зоны или замаскированы растительным покровом, или разрушены в результате эрозионных процессов. Необходимо отметить бросающуюся в глаза свежесть кристаллических пород района, благодаря чему мы видим здесь небольшое число минералов вторичного происхождения. Незначителен % сульфидов. Подавляющее число составляют окислы; из них около 50% падает на соединения кремния, а из последних больший % принадлежит силикатам. Карбонаты представлены всего двумя видами. Все три сульфата являются периодическими минералами. К периодическим же минералам относится и органический продукт урит, появление которого связано с сезонным пребыванием здесь птиц из рода Mergus.

Для геохимической характеристики района нам могут послужить пока лишь эмпирические формулы найденных минералов. На основании их получается следующая диаграмма по способу, предложенному академиком *А. Е. Ферсманом:* *)

	I	II	III	IV	V	VI	VII	0	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1	**H**	—	—	—	—	—	—	..	.	.	B	C	.	**O**	F	.	2
3	**Na**	**Mg**	**Al**	**Si**	P	S	Cl	.	**K**	**Ca**	.	Ti	.	.	Mn	**Fe**	4
5	Cu	.	.	.	.	.	.	.	.	.	..	Zr	.	.	?	.	6
7	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	TR	.	.	W	?	.	8
9	Au	.	.	.	.	.	?	.	?	.	.	.	.	.	—	—	10

*) *А. Е. Ферсман.* Геохимия России, Вып. I. Птг. 1922 г. *Его же.* Химические элементы земли и космоса. Птг. 1923 г.

Здесь крупным шрифтом обозначены элементы, распространение которых не выходит за пределы обычного. Петитом выделены пользующиеся меньшим распространением в данном районе. Точка указывает отсутствие соответствующего элемента в периодической таблице *Менделеева*. Знак вопроса—неоткрытый элемент.

Как видно, наиболее развито обычное поле, где преобладают элементы основных магм. Жильное (металлическое) поле содержит лишь два элемента, кислое не менеее трех. Совершенно отсутствуют элементы V-ой группы правой половины таблицы. Углерод почти всецело надо отнести за счет известняков, если не считаться с микроскопическими включениями CO_2 в кварце гранитов.

Без сомнения, в будущем эта диаграмма должна пополниться еще некоторыми элементами; из них можно предполагать Li, Sn и Ba.

2. Список найденных минералов.

Золото самородное.

1) В мелких неправильных зернах обнаружено при промывке песчано-галечных наносов по р. Топорку близ его впадения в Тагул. *Н. П. Догадаев* сообщал о старинных шурфах, сохранившихся по Топорку (верстах в 8 выше его устья), где прежде работали вольные старатели; золото было крупнее.

2) В россыпях по М. Яге.

3) В россыпях на Решете; „зерна величиной с дробику“ (сообщение *Г. И. Айдинова*).

4) Золотые россыпи указаны на вышеупомянутой рукописной карте (стр. 57) по левой вершине Гутара и его притокам Улогою и Саржиге.

Пирит (серный колчадан).

1) Мелкие кристаллы, преимущественно кубы, в многочисленных кварцевых жилах в роговообманковых сланцах по обоим берегам Тагула.

2) То же по левому берегу Белой близ ее устья.

3) Мелкие кристаллы в известняках Мраморного утеса по лев. бер. Тагула, в 1½ вер. ниже впадения Белой.

Борнит (пестрая медная руда).

Вкрапления в кварцевых жилах, проходящих в крист. сланцах. Встречен в гальках жильного кварца на косах Тагула ниже устья Малиновки.

Плавиковый шпат (флюорит).

Темно-фиолетового цвета выделения в жильном граните Горелых Гор, в 2-х верстах выше Гряды, по прав. бер. Тагула.

Лед.

1) Обнаружен 18/VI в заднем углу так назыв. Пещеры на прав. бер. Тагула, в 12 верстах выше Большой Речки. „Пещера“ представляет трещину в красных песчаниках длиною 5 саж., шириной около 1 саж., высотой до 3 саж. Температура воздуха в средней части трещины$=2{,}5^0$ (при внешней $t^0=13^0$).

2) Под моховым покровом у скалы Часовни на Тагуле.

Пунктов с „вечной мерзлотой“ в долине Тагула (от места слияния В. Тагула с Гутаром) лица, к которым я обращался с расспро-

сами, указать не могли. Но, без сомнения, в данном районе местами имеется непротаивающая за лето почва. Некоторые ключи по берегам Тагула имеют $t^0=0{,}5^0$.

Упомяну попутно о граде, выпавшем в пределах Благодатского участка Шелеховской волости 6 июля 1922 г. и причинившего большие опустошения в полях и селениях. Градины доходили до величины голубиного яйца и, по словам свидетеля, имели кристаллическую форму—„как горный хрусталь“ (свидетель добывал этот минерал в горах по Бирюсе). Из дальнейших расспросов можно было заключить, что упомянутые полиэдры льда имели строение $Л^3$ 3Р.

Кварц с его разновидностями:

Горный хрусталь.

1) Мелкие кристаллы в жилах гранито-гнейсов на склоне Ягинского хребта по прав. берегу Тагула.

2) Кристаллы с мелкими чешуйками хлорита в кварцевых жилах среди гранито-гнейсов по лев. берегу Тагула, в 5 верстах выше Гряды.

3) Мелкие кристаллы по трещинам розовых песчаников близ Гряды и в песчаниках Плешивых (Лысых) гор.

Кварц обыкновенный.

1) Кристаллы по трещинам красных песчаников в $^1/_2$ вер. выше устья Яги на левом берегу Тагула.

2) Сплошной—в многочисленных жилах, рассекающих кристаллические сланцы и песчаники по Тагулу и его притокам.

Празем.

1) В кварцевых линзах, заключенных в слюдяных сланцах, по правому берегу Тагула, в 6 верстах ниже Мальцевской речки.

2) В Плешивых горах, в $1^1/_2$—2 вер. ниже Гряды, по левому берегу Тагула.

Яшма.

1) Красно-бурого цвета. Как продукт окремнения палеозойских глин, местами переслаивающих красные песчаники (в крутых складках) —по левому берегу Тагула в $^1/_2$ верст. выше устья Яги.

3) Красная, „кофейная“ и зеленая—гальками в разных местах по берегам Тагула.

Кремень.

Прожилки и гнезда в песчаниках, слагающих увалы по дороге в селение Серафимовское из Тайшета, в 4 вер. от последнего.

Халцедон.

В виде окрашенных в тона красного цвета окатышей, как редкость, встречался иногда в песчано-галечных наносах Тагула несколько ниже устья Топорка.

Пиролюзит.

Сюда можно отчасти отнести пленки, налеты и дендриты марганцевых окислов, встречающихся по трещинам некоторых пород по Тагулу.

Гематит.

В виде красного железняка с зеркалами скольжения в дислоцированных слюдяных сланцах по левому берегу Тагула, в 3/4 вер. ниже устья Белой.

Циркон.

Мелкие зерна в шлихах с береговых кос Тагула.

Лимонит (бурый железняк).

1) Псевдоморфозы по пириту в кварцевых жилах среди кристаллических сланцев в 1/2 вер. от Гряды по берегу Тагула и во многих других пунктах.

2) То же—в известняках Мраморного утеса.

3) Намазки, пленки и корочки на жильном кварце, как продукт разложения Fe—содержащих минералов.

4) В форме ручейной руды по Большой и Малой Яге.

5) В виде охристых стяжений трубчатой и сферической формы в алювиальных отложениях по Тагулу (например, близ Большой Речки).

Каолин.

Небольшие выделения среди участков разрушенного гранита близ 3-го порога по левому берегу Тагула.

Серпентин (змеевик).

1) По трещинам кристаллических сланцев в 250 саж. от Гряды на берегу Тагула.

2) То же—в 10 верстах ниже устья Топорка.

3) Обыкновенный и благородный—по трещинам красных песчаников на левом берегу Тагула, в 1½ - 2 верстах ниже Гряды (Лысые Горы).

Диопсид.

Совместно с эпидотом по трещинам роговообманковых сланцев по левому берегу Тагула, приблизительно в 15 верстах ниже устья Топорка.

Амфибол (роговая обманка).

1) В слюдяном сланце по правому берегу Тагула, в 6-ти верстах ниже Мальцевской речки.

2) В граните, диорите, кристаллических сланцах во многих пунктах по Тагулу.

Асбест роговобманковый.

1) Небольшие выделения в амфибол. сланцах по правому берегу Тагула близ устья Топорка.

2) Ниже его—с серпентином.

3) По левому берегу Тагула, в 15 верстах ниже Топорка.

Ортоклаз (полевой шпат).

1) Крупные кристаллы телесного цвета совместно с мусковитом и черным шерлом в порфировидном граните, выходящем на берегу Тагула близ 2-го порога.

2) По Гутару и во многих пунктах по Тагулу.*)

---

*) *П. Драверт.* Определитель важнейш. минералов Сибири с указателем их месторождений (стр. 68). Омск 1922.

Пегматит (еврейский камень).

1) Жилы в граните по левому берегу Тагула, близ 3-го порога.
2) Горелые Горы, в 2-х верстах выше Гряды.

Альбит.

Полупрозрачные кристаллы до 1 сантим. в жилах амфибол. сланца по левому берегу Тагула, близ устья Малиновки.

Эпидот (фистацит).

1) В слюдяном сланце близ устья Белой, против острова Айдинова.
2) На берегу Тагула близ 1-го порога.
3) В роговообманковых сланцах близ Подпорожья.
4) То же—близ устья Топорка.
5) Кристаллы (обильно), по трещинам роговообманковых сланцев по левому берегу Тагула в 15 верстах ниже Топорка.

Гранат.

1) Мелкие красно-бурые кристаллы в слюдяных сланцах близ устья Белой.
2) Альмандин—мелкие кристаллы в слюдян. сланце по правому берегу Тагула, в 6 верстах ниже Мальцевской речки.
3) Большие красно-бурые кристаллы в кварцево-слюдяном сланце по правому берегу Тагула, в 3-х верстах ниже устья Малиновки.
4) То же—в слюдян. сланцах по Тагулу близ Догадаева перелаза.
5) Альмандин—небольшие кристаллы в пегматитовых жилах близ 3-го порога на Тагуле.
6) Те же в амфиболите—там же.

Ставролит (?).

Призматические черные кристаллы в темных слюдяных сланцах по левому берегу Тагула близ 1-го порога.

Мусковит (калиевая слюда).

1) В жилах гранита в довольно крупных (до 20 сан. в поперечнике) пластинах—на Гутаре в окрестностях Лабутинского зимовья (сообщение *М. Кравкова*)
2) Серебристо-белые кристаллы (до 5 сант.) в крупнозернистом граните близ 2-го порога на Тагуле.
3) Во многих других пунктах по Тагулу—в гранитах.
4) Весьма крупные выделения мусковита усматриваются по берегам речки Большая Тегря—25 верст вверх по ней и в 70 верстах от устья Туманшета. Большая Тегря впадает справа в Туманшет*)—левый приток Бирюсы (сообщение *Ив. Тимакова*).

Серицит.

Листочки в кристал. сланцах, выходящих на берегу Тагула близ 2-го порога.

Биотит (магнезиальная слюда).

1) Довольно крупные образования в жильном граните Горелых Гор, в 2 верстах выше Гряды, на правом берегу Тагула.

---

*) Название левого притока Туманшета „Слюдянка" подает надежду на возможность нахождения и там крупных выделений слюды.

2) Пластинки и чешуйки в гранитах некоторых других пунктов по Тагулу.

Главконит.

Зерна в песчаниках прав. бер. Тагула в $1^{1}/_{2}$ вер. ниже Большой Речки.

Хлорит.

1) Мелкие скорлупки и чешуйки в кристаллических сланцах близ устья Белой.

2) В 6-ти верстах ниже Мальцевской речки и во многих других местах по Тагулу.

Турмалин (шерл).

1) Мелкие кристаллы черного шерла в тонко—слоистых слюдяных сланцах, выходящих по правому берегу Тагула в 6-ти верстах ниже Мальцевской речки.

2) Кристаллы черного шерла в крупнозернистом граните близ 2-го порога.

3) В слюд. сланцах и гранитах—в других пунктах по Тагулу.

Ортит (?).

К этому виду я предположительно отношу в значительной степени разложившийся минерал (буровато-черного цвета со смоляным блеском), встреченный в гальках жильного гранита в песчано-галечных отложениях Тагула.

Магнетит (магнитный железняк).

1) Очень мелкие октаэдрические кристаллы в аплитовой жиле среди роговообманковых сланцев близ устья Белой.

2) В шлихах по Тагулу, М. Яге и Топорку.

Вольфрамит.

Небольшие аггрегаты в кварцево-полевошпатовой жиле близ устья Белой и в шлихах по Тагулу*).

Кальцит (известковый шпат).

1) Жила непрозрачного известкового шпата в слюдяном сланце (4 сант. толщины) по левому берегу Тагула, в 3/4 вер. ниже устья Белой.

2) Гнезда кристаллов в полостях мраморовидного известняка по левому берегу Тагула, в 1-й вер. ниже устья Малиновки.

3) Бесцветные и белые мелкие кристаллы в кембр. известняках—в 5 верстах от дер. Талой, в горах, окаймляющих долину Тагула.

Малахит.

1) Обильные выделения медной зелени по трещинам роговообманковой породы в 4 верстах ниже устья Топорка на правом берегу Тагула.

2) Примазки и мелкие лучистые группы по трещинам в гальках жильного кварца, находимых по Тагулу от Подпорожья до Мраморного утеса.

---

*) Заметка *П. Драверт* Месторождение вольфрама в Канском уезде Енисейской губернии. „Сибирская Природа" № 3, Омск, 1922 г.

Апатит.

Желтовато-белые призматические (0,7×2,0) кристаллы в слюдяном сланце по правому берегу Тагула в 6 верстах ниже Мальцевской речки.

Вивианит.

Как новообразование в виде примазок на рогах лося, найденных членом экспедиции, литератором *В. П. Правдухиным*, в иловато-песчаных наносах Тагула выше устья Белой.

Мирабилит (глауберова соль).

В виде выцветов на солонцеватой болотно-луговой почве заливной долины Тагула в окрестностях дер. Талой и в некоторых других пунктах выше.

Мелантерит (железный купорос).

Выцветы на прибрежных скалах Тагула в 3—4 вер. выше Филатычевой речки (дост. *В. П. Правдухиным*).

Эпсомит (горькая соль).

1) Обильные выцветы на поверхности слюдян. сланцев по праму берегу Тагула, в 6-ти верстах ниже Мальцевской речки (минерал по испытанию оказался содержащим небольшой % K_2O).

2) Тоже—Малиновская гора на левом берегу Тагула.

Урит (мочевая кислота).

1) Как продукт разложения экскретов крахалей—в углублениях надводных камней по Тагулу (Подпорожье и другие пункты.)

2) На скалах близ орлиных гнезд в том же районе.

3. К полезным ископаемым рассмотренного района, кроме россыпного золота, кварца и слюды, следует отнести известняки, песчаники, некоторые кристаллические сланцы и граниты.

Известняки, подходящие для обжига на известь, в большем количестве представлены в окрестностях дер. Талой, в нижнем течении Тагула о них упоминает в своей работе *Н. Ижицкий**). Обращают на себя внимание сильно метаморфизованные известняки Мраморного утеса на Тагуле, весьма тонкозернистые, а часто и плотного сложения. Цвет их преимущественно белый, то палево-желтый, синевато-серый и розовый в различных оттенках; кроме того обычны цветные жилки и пятна. Это—превосходный материал для столешниц, ваз, облицовок каминов, различных подставок и проч. Природные запасы исчисляются многими миллионами пудов. Укажу еще на толщу синевато-серого крупно-зернистого мрамора в 1 версте ниже устья Малиновки. Известняки из последних двух пунктов я склонен отнести к докембрийским.

Некоторые разности песчаников и слюдяных сланцев Тагула дают прекрасный материал для точильных камней и брусков и уже давно используются в этом отношении жителями Шелеховской волости. Кроме того, слюдяные сланцы, по причине их большого распространения, следует иметь в виду, как возможный фонд для получения калийного удобрения.

---

*) Op. cit., стр. 79; они отмечены и на карте, приложенной к отчету *Ижицкого*.

Гранит ломается в берегах Тагула в качестве жернового камня. Грубо обтесанные заготовки жерновов транспортируются отсюда на плотах по Тагулу и далее по Бирюсе.

Укажем, наконец, на соляной ключ, находящийся на правом берегу Бирюсы, близ устья Тагула, где идет кустарная выварка поваренной соли. Концентрация рассола не высока, подобно Туманшетским ключам, но столь частые в этом крае соляные кризисы все же разрешаются для окрестного населения этим источником.

Омск, 1923 г.

Омск. Гублит. №2604. Лит. Воен. Топ. Отд. Тираж. 600 экз. 1924 г.

К. Е. Мурашкинский.

Головня хлебов в Сибири в 1923 г.

(Предварительные данные о результатах обследования).

4-ый Всероссийский Энтомо-Фитопатологический с'езд (Москва, 1922 г.) признал неотложно необходимым организацию борьбы с головней в ряде районов С. С. С. Р. Признана была необходимой борьба и в Сибири с мокрой головней пшеницы, головней овса и головней проса. Народный Комиссариат Земледелия в лице Отдела Защиты Растений всемерно содействовал осуществлению решения С'езда, и 1923 г. был первым годом широко организованной „головневой" кампании, по проектированному масштабу не имеющей равных в прошлом в России и заграницей. Некоторую аналогию можно провести лишь с кампанией по истреблению барбариса в целях борьбы с ржавчиной хлебов в Соединенных Штатах Северной Америки.

Ряд общих условий переживаемого времени лишил местные организации по защите растений возможности широко развернуть работу в первый год кампании. В частности, в Сибири было протравлено посевного матерьяла (пшеница) немного более одного миллиона пудов.

Одним из слабых мест организации борьбы в 1923 г. в Сибири было отсутствие совершенно надежных и достаточно точных сведений о распространенности головни хлебов в крае и степени ущерба наносимого головней урожаю. Как выше здесь указано, из обнаруженных в крае видов головни были выделены и намечены для массовой борьбы три. Основанием для выдела этих болезней послужило гл. обр. сообщение о распространении головни в Сибири составителя настоящего обзора. Матерьялом для сообщения послужили литературные данные и сведения, собранные в 1920—22 г. г. Фитопатологической Лабораторией Сибирской Сельско-хозяйственной Академии.

Небольшое количество литературных данных **) (работы **Дубенского, Карзина, Кауфмана, Колосова, Разумова, Скалозубова, Фаминцына,**

---

*) См. К. Мурашкинский. Из Американской фитопатологической литературы. Журнал „В помощь земледельцу". № 1. 1922. Стр. 52. Омск.

**) Дубенский. Матерьялы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ. Том IV, вып. 4. Иркутск. 1893. Стр. 89—99.

Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губ.

„Матерьялы по изучению экономического быта государственных крестьян и инородцев Зап. Сибири". Вып. IX Петр. 1890. Стр. 294.

Разумов, Н. И. Забайкалье Петр. 1899. Стр. 245.

Скалозубов, Н. Л Отчет о работах по борьбе с кобылкой в 1895 г. в Тобольской губ. Тобольск. 1895.

„ „ Некоторые сведения о состоянии сельского хозяйства в Тобольской губ. в 1896 и 1897 г. г. Тобольск. 1898.

Ячевского и др.) свидетельствует лишь о значительном развитии головни хлебов в отдельные годы и о большом хозяйственном значении головни, причем зачастую не удается установить какую именно болезнь имели ввиду авторы, и только в немногих случаях ущерб, наносимый болезнями, определен цифровыми данными. По литературным данным можно установить лишь, что в некоторых районах пшеница значительно страдает от мокрой головни и что сила развития болезни колеблется по отдельным годам.

Матерьялы, собранные Фитопатологической Лабораторией Сибакадемии, также страдают многими недочетами, нося по существу случайный характер: одни районы являются относительно освещенными, о некоторых нет никаких данных. Подсчеты % поражения, если и производились, то на полях, типичность которых в смысле пораженности не определена. Только район ближайших окрестностей Омска (радиус около 10 верст) можно признать достаточно обследованным, но, учитывая величину территории Сибири и резкое различие естественно-исторических районов, эти данные не представляется возможным распространить далеко за пределы обследованной местности.

Имеются кое какие матерьялы еще не вполне обследованные: напр., сведения губернских статистических бюро, отчеты местного агрономического персонала, с. х. обществ. Выборочное изучение подобных матерьялов обнаружило, что ценность их невелика. Примером может служить следующее. По сведениям Омского Губстатбюро в 1921 г. из 321 корреспондента только 49 (около 15%) отметили, что наблюдались болезни растений (все вообще), а 174 (52%), что болезней не было*). Между тем мы знаем, что поля хлебов с отсутствием головни исключительное явление.

По данным Семенной Контрольно—Испытательной Станции Омского Центрального Сельскохоз. Общества засоренность посевной пшеницы в Омской губ. выражается такими цифрами**):

Годы	% образцов с головней	Степень засоренности спорами			Количество образцов
		До 0,1% спор	0,1—1% спор	>1% спор	
1916—17	48%	60,4	37,5	2,1	154
1917—18	51,4%	59,9	38,9	1,2	315
1921—22	76,8%	20,8	69,8	9,4	138
1922—23	74,4%	61,3	38,7	0	—

Учитывая, что кампания борьбы с головней, начатая в 1923 г., будет в последующие годы продолжена, перед краевым энтомо-фитопатологическим учреждением естественно встал вопрос обследования в Сибири головни хлебов. Основным заданием обследования являлось выделение районов, где головня наносит большой ущерб. Необходимым представлялось также выявление размеров ущерба, чтобы установить в какой мере окупается организованная борьба с головней.

Из существующих доступных в настоящее время методов обследования наибольшее значение имеют два—статистический—анкетный и статистический—экспедиционный. Первый—наиболее доступный по

*) См. К. Е. Мурашкинский. К вопросу о головне хлебов. Журнал „В помощь земледельцу", № 4. 1923. Омск., Стр. 28

**) И. Н. Скорняков. Динамика полеводства в связи с его эволюцией. Сборник—„Омская губерния". Омск, 1923. Стр. 157.

дешевизне применения и привлекательный по возможности широкого участия местных сил, неоднократно применялся в России при фитопатологических обследованиях. Некоторые материалы опубликованы, и на основании их можно сделать определенно отрицательную оценку метода в смысле возможности применения исключительно его в настоящее время. Малый % ответов на запросы, неполнота сведений, нередко несомненная недостоверность ответов дают в результате материал не удовлетворяющий поставленным задачам. Это имеет место особенно в тех случаях, когда задачей обследования является нечто большее чем констатирование той или иной болезни. В подтверждение приведем результаты анкеты по обследованию болезней и вредителей культурных растений Урала, произведенного в 1914 г. Уральским О-вом Любителей Естествознания*). Было разослано 5320 экз. анкеты по 5 губерниям. Возвращено заполненных анкет 97 (т. е.1,8%). Мокрую головню пшеницы из 97 наблюдателей отмечают 6. Больше указаний на пыльную головню, но они обесцениваются значительным количеством явно недостоверных показаний: напр., ущерб от пыльной головни пшеницы исчислен в 50 пудов с десятины и т. п. В 1920 г. Сибземотдел издал и распространил по Сибири 1000 экз. „Программы по обследованию болезней культурных растений" с призывом присылать сведения и образцы. Ответов поступило около 50, из которых по существу лишь 10—15 имели значение. В том же 1920 г. Фитопатологической и Энтомологической Лабораториями Сибакадемии было разослано 1500 открытых писем—обращений с просьбой присылать образцы повреждений и вредителей и сообщать о них сведения. За два года 1920 и 21 получено около 80 ответов, причем эта относительно большая цифра об'ясняется тем, что поступали по преимуществу запросы о мерах борьбы и реже сведения о болезнях. Необходимо отметить, что известны и удачные анкетные обследования, произведенные или среди более культурного населения (анкета **Ферлэ** о ржавчине хлебов в Прибалтике**) или касающиеся особо распространенных болезней и ограниченные немногими вопросами (анкета **Наумова** о „пьяном хлебе" на Дальнем Востоке***).

Все же при существующих условиях анкетный метод уместно применять лишь как подсобный, не ограничиваясь им одним. Учитывая это, Управление Уполномоченного ОЗРА НКЗ по Сибири издало и разослало 2000 экз. „статистической карточки о развитии головни хлебных растений".

Основным же был избран метод экспедиционно—статистический, каковой и был применен в истекшем году. Важнейшим недостатком этого метода является дороговизна его использования: необходимы многочисленные обследователи, достаточно подготовленные к специальной работе, продолжительные раз'езды обследователей.

Достоинства этого метода по сравнению с анкетным вполне очевидны.

В качестве обследователей был использован инструкторский персонал, причем в общем на каждый уезд выделено по одному обследователю.

Успех обследования главным образом зависит от добросовестного отношения к своей работе и достаточной подготовки обследовательского персонала. В какой мере эти условия были соблюдены в 1923 г?

*) Колосов, Ю. М. Очерк о вредителях полей и лесов Урала. Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Том XXXIV. Екатеринбург. 1914.

**) Ferle. Die erste Rostenquete in Curland. Baltische Wochenschrift. 1907.

***) Н. А. Наумов. Пьяный хлеб. Наблюдения над несколькими видами p. Fusarium

Уже в начале кампании можно было расчитывать на добросовестность и энергию персонала. Что же касается наличия соответствующей подготовки, то здесь имелись недочеты. Специально к обследованию персонал не подготовлялся. Об'яснение этому приходится искать в общей обстановке в период подготовки инструкторского персонала еще весной. Не было уверенности, что обследовательская работа состоится; были даже опасения, что долговременная задержка в высылке центром кредитов сорвет всю кампанию борьбы. В результате этой неопределенности персонал имел лишь общее знакомство с обследовательской работой, что в результате не могло не отразиться на обследовании. Посильно недочет был исправлен детальной „инструкцией для уездных обследователей пораженности хлебов головней“. Эта инструкция определяла существо обследовательской работы очень несложными моментами. Задания были выбраны так, чтобы содержание и об'ем их были доступны рядовому обследователю, а с другой стороны, чтобы они отвечали основным вопросам обследования. Как не было соблазнительно расширить программу целым рядом дополнительных вопросов, пришлось отказаться от этого из боязни затенения вопросов основных.

Обследованию подлежали все хлеба, но на первом месте должна была стоять пшеница и пораженность ее мокрой головней. Перед началом полевой работы уездный обследователь составлял список волостей и селений подлежащих обследованию. Список составлялся так, чтобы охватить важнейшие полеводственные районы. По приезде в село или поселок обследователем выделялись посевы наиболее типичные для данного села в отношении посевного материала, обработки почвы, времени сева. В разных местах выбранного поля накладывались рамы в 1 кв. аршин и производился подсчет колосьев. Отдельно на каждой площадке сосчитывались здоровые колосья и пораженные. По инструкции предлагалось частично пораженные колосья заносить в дневник с особой отметкой. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев этого не делалось и частично пораженные колосья сосчитывались наряду с содержавшими только „головневые“ зерна. Рамы накладывались на выбранном однородном поле в шахматном порядке, 40—60 сажен одна от другой и несколько отступя от краев поля. По понятным причинам не всегда удавалось производить подсчеты значительно отступая в глубь посевов. Количество подсчетов для каждого однородного поля—5, только для проса эта цифра была увеличена до 6. Произведенные подсчеты сопровождались подробными записями.

Помимо производства подсчетов выяснялись путем опроса населения сила развития головни за последние годы (1920—23) и некоторые другие вопросы.

Кроме всего этого обследователи собирали образцы колосьев. Это делалось в целях получения данных о систематическом составе местных хлебов. (До настоящего времени под руководством преподавателя Сибакадемии В. Р. Берга произведен ботанический анализ 852 образцов).

Все материалы от уездных обследователей поступили в Управление Уполномоченного ОЗРА НКЗ по Сибири, где и подверглись обработке.

Обработка материала совпала с ликвидацией института уполномоченных и реорганизацией дела массовой борьбы с вредителями и болезнями культурных растений. Связанная с сокращением штатов реорганизация не могла не отразиться на выполняемой работе. До

настоящего времени удалось обработать лишь относительно малую часть всех материалов. В первую очередь обработке подлежали материалы по тем уездам, где было собрано больше цифровых данных, причем при выборе уездов учитывалась также необходимость получить выводы для всей обследованной территории.

ТАБЛИЦА II.

Мокрая головня пшеницы.

Губерния и уезд	Число подсчетов	Средний % поражения	Губерния и уезд	Число подсчетов	Средний % поражения
Акмолинская губ.			Кузнецкий у.	250	4,2
Кокчетавский у.	369	2,4	Мариинский у.	154	2.9
Омская губ			**Енисейская губ.**		
Тюкалинский у.	263	3,3	Минусинский у.	98	4,0
Тарский у.	330	1,3			
Калачинский у.	113	1.7	**Иркутская губ.**		
Татарский	39	2,1			
Славгородский у.	260	2,7	Верхоленский у.	44	18,1
Ново-Николаевская губ.			Аларский-аймак	45	29,8
			Тулуновский у.	174	27,3
			Иркутский у.	76	27,8
Каргатский у.	75	9,1			
Черепановский	119	6,5	**Прибайкальская губ.**		
Ново-Николаевский	184	2,7			
Томская губ.			Верхнеудинский у.	122	12,3
			Троицко-Савский у.	60	30,8
Щегловский у.	86	10,8	Хоринский у.	25	15,9

Цифры приведенной таблицы наглядно свидетельствуют, что поражение пшеницы мокрой головней в 1923 г. в большей части обследованной территории было очень слабым. Если учесть, что засоренность посевного материала была высокой, то об'яснение слабого развития болезни следует искать в условиях температуры и влажности почвы в период прорастания семян *). Хозяйственное значение высокого % поражения пшеницы по восточной части обследованной области до некоторой степени парализуется тем, что здесь посевы пшеницы имеют второстепенное значение. Так, в то время как в Омской губ. на тысячу десятин посева под пшеницей занято 640 десятин, в Иркутской губ. всего 154; общая площадь посева пшеница в Иркутской губ. в 20 раз меньше чем в Омской **). Но с другой стороны, не исключена возможность, что малая площадь посевов пшеницы в

*) Данные незаконченных еще исследований Фитопатологической Лаборатории Сибирской Сельско-хоз. Академии определенно говорят за то, что время сева яровой пшеницы в условиях Омской губ. главным образом определяет силу развития мокрой головни. В опытах 1922 г. в условиях однообразного искусственного заражения семян „чистой линии“ получены такие цифры:

Время сева:	% поражения мокрой головней: Trit. vulgare, var. milturum.	Tr. vulg., lutescens.
8 мая	46,0	32,1
18 мая	17,9	6,0
28 мая	3,6	1,5

**) См. В. Н. Соколов. Задачи сельского хозяйства в Сибири. Москва. 1921.

восточных губерниях в известной мере обусловлена значительным развитием головни *.)

Наряду с цифровыми данными и показания земледельцев говорят за то, что 1923 г. был „благополучным“ в смысле головни.

Омская губ. Тюкалинский у. Указываются 1911, 1913 и 1918, как годы „головневые“. Некоторые земледельцы добавляют еще 1917 и 1919 гг..

Тарский у. Общее мнение, что в 1923 г. головни мало, в 1922 г. было значительно больше. Есть указания на значительное развитие головни в 1918 и 1920 гг.

Калачинский у. Все указывают, что последние 3 года развитие головни слабое. „Головневыми“ годами считают 1919 и 1920 г. Есть только одно указание (пос. Ермаковский) на сильное развитие головни в 1922 г.

Татарский уезд. Опрошенные земледельцы признают, что в 1920—23 г. г. головня развивалась слабо. Отмечают 1920 (и немногие 1921 г.) как „головневый“.

Томская губ. Щегловский у. Общий ответ опрошенных, что „головня идет на прибыль“ за последние 4 года. Только одно показание (Вагановская вол.) отмечает, что количество „головни“ по годам не изменяется. Кузнецкий у. За исключением двух показаний, остальные сводятся к тому, что за последние 4—5 лет количество „головни“ уменьшается.

Енисейская губ. Показания очень пестры и противоречивы. Годами сильного развития головни считают 1919 (Ачинский у.), 1914, 1915 (Минусинский у.), 1915, 1916 (Красноярский у).

Иркутская губ. Большинство земледельцев отмечает усиленное развитие головни за последние 4 года и особенно в 1923 г. (Верхоленский у). Есть указания (Ангинская вол. Верхоленского у.) на 1922 г., как „головневый“.

Земледельцами Сибири давно осознан ущерб, наносимый хлебам головней, и постепенно укореняется сознание необходимости борьбы с ней. Протравливание семян растворами формалина и медного купороса не являются здесь новинкой, причем симпатии населения склоняются в сторону формалина. По данным Фитопатологической Лаборатории Сиб. С.-Х. Академии, медный купорос („синий камень“) предпочтительней применяется в южном районе и, в частности, киргизами. Об‘яснение этому может быть двоякое. С одной стороны, медный купорос более удобен для перевозки на большие расстояния по грунтовым дорогам и на местах реже фальсифицируется. Известны случаи получения формалина сильно разбавленного водой („почти без запаха“). Это имело место в последние годы (1920—22), когда минимальная потребность в формалине (500—1000 пудов ежегодно) не могла быть удовлетворена. Другое, вполне допустимое об‘яснение сводится к особенностям культуры пшеницы в южном районе: бессменная культура пшеницы в течение ряда лет, что связано с заражением прорастающих семян спорами, сохранившимися в почве **).

На ряду с протравливанием семян растворами формалина и медного купороса распространены и применяются повсеместно в значительно большем масштабе многочисленные „примитивные“ способы. Перечислим здесь некоторые.

---

*) Ср Дубенский. L. с.

**) См. К. Мурашкинский. Из американской фитопатологической литературы. Журнал „В помощь земледельцу“ № 1 1922 Омск. Стр. 53.

Посев „вылежавшимися“ семенами. Смена местных семян привозными, чистыми от „головни“, что практикуется, напр., в Щегловском уезде, Томской губ., где многие меняют семена через несколько лет, привозя „чистые“ из Алтайской губ. Изредка применяется промывка семян в воде—способ, рекомендуемый в последнее время некоторыми германскими фитопатологами. Окуривание дымом (при овинной сушке)—одно указание из Иркутской губ. По всей территории Сибири наиболее распространенным по сравнению с другими способами является несомненно протравливание семян „известковым молоком“. Существует много вариантов этого способа, разнящихся дозировкой извести и продолжительностью погружения семян. Протравливание производится чаще так. Известь гасится и заливается большим количеством воды (напр., в колоде); семена выдерживаются в известковом молоке 1—2 дня или до появления ростков, затем высеваются сырыми. Извести (негашеной) расходуется 10 ф. на 10 п. семян. (Томская вол. Щегловского у). Иногда расходуются иные количества: наименьшее извести 6 ф. на 10 пудов, наибольшее 20 ф. на 10—12 пудов. В общем, население признает этот способ действительным в смысле уменьшения головни. Интересен такой вариант: „семена моют в светлой жидкости слитой с осадка извести“, (Бирюльская вол. Верхоленского у.), причем негашеной извести бралось 1 ведро на 10 ведер воды. Сравнивая с протравливанием раствором медного купороса, указывают, (Манзурская вол. Верхоленского у.), что „промывка купоросом действительна на 2 года, а известью на один год“.

Наконец, повсеместно распространено в Сибири перемешивание с осени посевного матерьяла с золой (на 100 пудов семян—10 и более пудов древесной золы). Способ менее распространенный, чем протравливание известковым молоком и по отзывам дающий, повидимому, худшие результаты. Эффект от обработки семян золой об'ясняется или механической очисткой от спор *) или ядовитым действием золы на споры. Последнее очень вероятно, так как, напр., зола осины содержит до 70% Ca O. В Бирюльской вол. Верхоленского уезда записана следующая „запука“ (поверье). „Чтобы избавиться от головни с чистого понедельника великого поста и до четверга седьмой недели весь пепел копится в загнётах и высыпается в засек. Сверху насыплешь а потом вытопчешь ногами, каждое семя выпачкается в пепле, а потом так вместе с пеплом и сеять“.

Своеобразный вариант „зольного“ способа!

В 1922 г. на опытном участке Фитопатологической Лаборатории Сиб. С.-Х. Академии были поставлены опыты применения золы. Пересыпанные всхожими спорами Tilletia tritici семена пшеницы (1 гр. порошка спор на 100 гр. семян) были затем пересыпаны золой осиновых дров в марте месяце. Золы было взято по 25 гр. на 100 гр. семян. Посев (без отделения золы) произведен 9 V. При уборке урожая произведено определение пораженности (по колосьям) и получены следующие цифры:

	контроль:	обработан. золой.
Triticum vulgare, var graecum (б. к. № 8) . .	9,1	1,0
„ „ fuliginosum (б. к. № 24) . .	7,3	1,2
Triticum durum hordeiforme laxiusculum (№ 35)	0	0
Triticum compactum, albiceps (№ 30)	1,5	0
Triticum vulgare, var. milturum	18,6	3,6
„ „ var. lutescens	13,2	3,0

*) См. Ячевский, А. А. Болезни растений (фитопатология) Том I. 1910 г. Стр. 245

Очень эффектные результаты от обработки семян золой нам известны из работы **К. Малкова** (Изслѣдвания върху, разни болести на растениата. Трудове на Държавната Земледѣлска Опитна Станция въ Садово. № 2. Пловдивъ (Болгария) 1907, р. 10.) Здесь при поражении (Tilletia levis) контроля в 45,6%, обработанные золой дали лишь 3,5%.

По данным Фитопатологического Отдела Харьковской Обл. С.-Х. Опытной Станции (плакат на Всероссийской С.-Х Выставке, Москва, 1923 г.) обработка золой не дает положительных результатов: при поражении контроля в 24%, делянки, засеянные семенами обработанными золой, дали 23% поражения.

Как известно, возбудителями мокрой головни пшеницы являются Tilletia tritici Wint. и T. levis Kühn (Syn.: T. foetans). Помимо морфологического различия этих грибов установлено различие в характере вызываемых ими поражений*). Новейшие американские исследования позволяют судить о различной восприимчивости сортов по отношению к названным грибам**).

При обследовании головни в 1923 г. было собрано, помимо образцов здоровых колосьев, большое количество колосьев пораженных. Последние подверглись микроскопическому анализу в целях установления возбудителя болезни. В каждом образце просматривались споры (1—2 зерна) из 5—7 колосьев. Колосья с зернами содержавшими споры T. levis и T. tritici, отнесены к пораженным первым видом.

ТАБЛИЦА III. ***)

Губерния и уезд	Число образцов	Число образцов с T. levis	Губерния и уезд	Число образцов	Число образцов с T. levis
Акмолинская губ.			**Томская губ.**		
Кокчетавский у.	96	4	Каинский у.	12	0
Семипалатинская губ.			**Алтайская губ.**		
Черлаковский у.	2	0	Рубцовский у.	21	21
Павлодарский у.	48	18	Бийский у.	19	0
Тюменская губ.			Ойратская область	7	0
Ишимский у.	22	0	**Енисейская губ.**	64	0
Омская губ.			**Иркутская губ.**		
Тюкалинский у.	37	3	Верхоленский уезд и Аларский аймак	83	0
Тарский у.	32	1	Тулуновский у.	37	0
Калачинский у.	75	0			
Славгородский у.	14	0			
Ново-Николаевская губ.			**Прибайкальская губ**		
Ново-Николаевский уезд	8	0	Верхнеудинский у.	41	0
			Троицкосавский у.	17	0

*) См. К. Е. Мурашкинский. Обзор новой иностранной литературы о головне хлебов. Омск, 1923, стр. 2.

**) Johnston, C. O Wheat bunt investigations in Kansas Abstract in „Phytopathology". 1924, № 1, p. 37.

***) Микроскопический анализ выполнен лаборанткой Сибстазра Валентиной Сергеевной Донченко; ею же произведены подсчеты при обработке собранных обследователями цифровых данных.

Как видно из этих цифр, T. levis была распространена значительно меньше, чем T. tritici. Это совпадает с данными Фитопатол. Лабор. Сибакадемии: произведенное здесь определение засоренности посевного материала спорами Tilletia обнаружило присутствие T. levis только в 5 образцах (более чем из 200) из Славгородского и Павлодарского у. (урожай 1922 г.).

Выше было указано, что при обследовании на первом месте стояла пшеница и пораженность ее мокрой головней. Но и по другим видам головни был собран обширный материал, опять таки обработанный лишь частично.

ТАБЛИЦА IV.

Губерния и уезд	Пыльная головня пшеницы	Пыльная головня ячменя	Каменная головня ячменя	Головня овса	Головня проса
Омская губ.					
Тюкалинский у. .	—	4,1 / 30	—	4,8 / 75	9,7 / 50
Калачинский у. .	2,5 / 129	5,8 / 60	—	3,5 / 68	6,5 / 108
Татарский у. . . .	2,6 / 225	1,9 / 38	6,2 / 66	6,0 / 166	5,3 / 212
Н.-Николаевская губ.					
Каргатский у. . .	13,2 / 80	9,8 / 65	6,1 / 15	9,8 / 75	20,3 / 75
Черепановский у.	3,7 / 118	2,2 / 29	3,5 / 60	8,1 / 108	15,7 / 108
Н-Николаевск у. .	1,3 / 75	—	—	1,7 / 152	10,3 / 234
Енисейская губ.					
Минусинский у. .	4,4 / 45	—	—	7,8 / 89	15,9 / 132

Губерния и уезд	Пыльная головня пшеницы	Пыльная головня ячменя	Каменная головня ячменя	Головня овса	Головня проса
Томская губ.					
Щегловский у. .	2,7 / 13	—	1,0 / 8	2,6 / 49	—
Кузнецкий у. . .	4,2	—	—	1,1 / 124	11,8 / 104
Мариинский у. . .	1,2 / 10	—	—	—	12,1 / 15
Иркутская губ.					
Верхоленский у.	—	1,9 / 28	—	3,4 / 21	—
Иркутский у . . .	—	4,7 / 20	—	—	—
Прибайкальская губ.					
Верхнеудинский у	—	4,6 / 46	—	4 / 35	—
Троицкосавский у	—	—	—	23,6 / 15	—

(Возбудители болезней: пыльная головня пшеницы—Ustilago tritisi Jens., пыльная головня ячменя—Ustilago hordei Bref., каменная головня ячменя—Ustilago Jensenii Bref., головня овса—Ustilago avenae Rostr. и Ust. levis Magn., головня проса—Ustilago panici miliacei Wint. Цифры над чертой—% поражения колосьев или метелок, под чертой—число подсчетов. При подсчете % поражения ячменя головней во многих уездах не различались два возбудителя головни. Пустые строки свидетельствуют, что подсчеты не производились).

Бросается в глаза высокий, почти повсюду, % поражения проса. Имеются сведения, что головня проса значительно развивалась и в

предыдущие годы. Пыльная головня пшеницы и оба вида головни ячменя были распространены в 1923 г. примерно в той же мере, что и в предыдущие годы. Головня овса была развита слабее, судя по имеющимся данным за 1920—22 г. г.

Помимо перечисленных здесь болезней, обследователями указываются еще стеблевая и мокрая головня ржи. Первая (возбудитель Urocystis occulta (Wallr.) Rbh., повидимому, издавна известная в Сибири, в 1923 г. указывается из ряда мест. Значительное развитие этой болезни отмечает **П. Н. Давыдов** для Тарского и Тюкалинского уездов Омской губ., причем по его наблюдениям плотность поражения местами (Тарский у.) доходила до 40 больных растений на 1 кв. аршин*). По Ново-Николаевской губ. 12 подсчетов из Черепановского уезда дают средний % поражения—6,4.

Мокрая головня ржи (возбудитель— Tilletia secalis Kühn) широко распространенная в последние годы в губерниях Европ. России**), в Сибири большого развития не получила ***). В 1923 г. она отмечена только в Черепановском уезде Ново-Николаевской губ. Подсчеты дали здесь такие цифры: Ботковская волость—4 подсчета, ср. 6,4%, Боровленская—8 подсч.— 6,2%, Залесовская—4 подсч.—3,6%., Маслянская—4 подсч. 3,3%. Фитопатол. Лабораторией Сибакадемии получены непроверенные еще сведения о распространении мокрой головни ржи в Тулуновском у. Иркутской губ.

---

*) П. Н. Давыдов. Фитопатологическая работа при Уполномоченном ОЗРА НКЗ в Сибири в 1923 г. Известия Сибэнтобюро. № 3. Ленинград. 1924 г. Стр 47.

**) Jaczewski, A. A. Sur le developpement menagant du Tilletia secalis Kühn en Russie pendant les dernières annees. 1923 г.

***) К. Е. Мурашкинский. О мокрой головне ржи. Журнал „В помощь земледельцу" № 4. 1923 г. Омск.

Г. В. Круссер.

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО по данным следственой комиссии 1865 года.

Показания Г. Н. Потанина.

От автора

Печатаемые в настоящей книге материалы по сибирскому сепаратизму впервые делаются достоянием гласности. *Ядринцев*, *Шашков*, *Потанин* —широко известны всякому, кто интересуется жизнью Сибири.

Своеобразное экономическое положение этой окраины создало сибирский сепаратизм, создало целое общественное течение среди сибирской интеллигенции. Зародившись во второй половине XIX века, сибирский сепаратизм дожил до второго десятилетия XX века. Обективный ход исторического процесса показал всю нежизненность сибирского патриотизма, его экономическую и политическую несостоятельность. Время возможности пропаганды сибирского патриотизма, (тоже областничества) ушло безвозвратно.

Он интересен в настоящий момент, как исторический факт, как материал для историко-социологического изучения. Публикуемые документы случайно найдены и так же случайно попали ко мне. Имея в своем распоряжении немного свободного времени, я снял копии с наиболее для меня интересных протоколов следственной комиссии.

В настоящий момент я не знаю, где находятся эти документы (это должно быть известно тов. *Вегману*).

Важно одно—они не разрабатываются, и широкая читающая публика их не знает. Между тем, по существу дела, то, что долго скрывалось под жандармским замком, о чем умалчивали сами сепаратисты—теперь может быть достоянием каждого, изучающего историческую жизнь Сибири. Остающиеся у меня документы (в копиях) и подробный суммарный анализ содержания всех документов будут опубликованы в следующих книгах этого журнала.

Возникновение и развитие идеи сепаратизма у Потанина по его личным показаниям Следственной Комиссии

Идеи, возникающие в обществе и у отдельной личности, всегда являются результатом воздействия на них внешней, об'ективной обстановки, в которой они живут и действуют. Идеи сепаратизма и казачьего патриотизма у *Потанина* также явились результатом тех общественных и хозяйственных условий, в которых тогда жила Сибирь.

В последней части работы, где мы будем рассматривать нужды Сибири в понимании *Г. Н. Потанина*, изложенном в подробной записке Следственной Комиссии, выяснится экономическая подкладка сибирского сепаратистского движения. Здесь же мы остановимся исключительно на рассказе самого *Потанина*, на его об'яснениях Комиссии, как и почему он стал поборником местного патриотизма.

Войсковое училище, находившееся в г. Омске, в сороковых годах было преобразовано в кадетский корпус. Пехотинцы и казаки, прежде смешанные, с учреждением кадетского корпуса были размещены в разных этажах. Пехотинцы составили роты, казаки—эскадрон. На пехотинцев было обращено особое внимание, и из Петербурга прибыли офицеры, принесшие с собой традиции столичных военных учебных заведений, у казаков же были оставлены офицеры казачьего происхождения.

„Первые", говорит *Потанин* в своих показаниях, „стали вводить в пехоте обычаи и правила петербургских кадетских, корпусов; казакам приказано было подражать пехоте. Это было в 1846 году. Таким образом на пути нововведений казаки очутились назади пехоты. Пехотные офицеры, чтобы усилить в пехотинцах любовь к новому порядку, указывали на разницу между приличностью пехотинцев и неотесанностью казаков. Так стали кадеты смотреть на пехоту, как на Европу, на казаков, как на Азию, на варваров; на пехоту, как привилегированное дворянское сословие, на казаков, как на низший класс. Создавшееся положение не могло не вызвать обостренных отношений казаков к военному элементу центральной России.

Считая себя признанными хозяевами Сибири и исконным служилым элементом, казачье офицерство и кадеты, конечно, должны были реагировать на создающиеся привилегии приезжих, как действием, так и построением соответствующей идеологии.

Казаки обратились к изучению истории различных казачьих войск и там стремились найти идейное оправдание своему сословию, этим бывших „землепроходцам" Сибирской земли. *Потанин* так же, как и другие обратился к истории: „затем я, как более других серьезный, обратился к историческим сочинениям и перечитал в кадетской библиотеки все, что было о казачестве донском, запорожском и яицком. Таким образом от поисков в старине оправдания своему сословию во мне образовался местный казачий патриотизм; он еще более усиливался тогдашним положением казачьих офицеров из туземцев: сравнительно с офицерами, переведенными в войско из армии. Последние получали большое содержание сравнительно с туземцами и пользовались всегда протекцией".

И далее: „Разница в положении офицеров еще увеличивалась правом свободы выхода из войска, существовавшим для армейцев, и отсутствием такого права для туземцев. Знание всех этих обстоятельств усиливало местный патриотизм, породило в нас еще во время кадетской жизни ненависть к армейцам; мы стали смотреть на них, как на чуждое племя, пришедшее поработить нас; кажется, корпусный штаб стремился

тогда наполнить все места полковых командиров армейцами; по крайней мере, в течение некоторого времени, числополковых командиров из армейцев сильно возрастало на счет уменьшения числа командиров из туземцев. Взгляд на армейцев, как на чуждых поработителей, укреплялся.

Это привело нас к отречению от русского имени, и кто-то предложил писать казак через большую букву, как собственное имя. С таким направлением я вышел из корпуса".

С оставлением войска, ненависть к армейцам у *Потанина*, по его собственному признанию, прошла, но затем возродилась „под видом неприязни к так называемому навозному чиновничеству". „Это случилось", говорит он, „уже в Петербурге, когда я прочел в „Колоколе" чьи-то корреспонденции из Иркутска по поводу дуэли *Беклемишева* и *Неклюдова*. В корреспонденции, написанной за *Неклюдова* возведено было обвинение на *Беклемишева* в растлении деревенских девиц; корреспондент, оправдывавший *Беклемишева* об'яснил эту клевету красотой типа навозных чиновников, вследствие чего, будто, туземные женщины отдают свое сердце навозным предпочтительно перед туземцами. Я уже был тогда сибирским патриотом; такая неловкая защита возбудила во мне ненависть к навозу, которая в последствии, укрепилась разными ошибками сибирского начальства, как, например, неблагоприятным отзывом генерал-губернатора ***Муравьева*** о туземном чиновничестве, который был, кажется, напечатан также в „Колоколе". Корреспонденция в „Колоколе," больно ударившая *Потанина*, очевидно, принадлежала *Бакунину*, принимавшему деятельное участие в этой истории. В 1859 году *Бакунин* прибыл в Иркутск, в распоряжение своего дяди—графа *Муравьева*, тогдашнего иркутского генерал-губернатора. *Бакунин* сразу примкнул к Муравьевской свите и сделался горячим поклонником властного диктатора. На Пасхе 1859 года произошла ссора *Беклемишева*, члена Совета Главного Управления, с чиновником *Неклюдовым*, *Неклюдов* был убит. Грязная интрига, предшествовавшая дуэли, дала повод *Петрашевскому* назвать ее „изменническим убийством". *Петрашевский* выступил против муравьевских приближенных—*Беклемишева* и других, требуя суда. *Бакунин* был в противоположном лагере.

Корреспонденция *Бакунина* в „Колоколе" была апологией дуэли, *Муравьева* и опорочением *Петрашевского*, выражавшего общественное мнение иркутян. *Бакунин* следующими чертами характеризует деятельность *Петрашевского* и других, осуждавших убийство *Неклюдова*: „Таким расположением умов *Петрашевский* воспользовался с великим искусством и показал при этом случае замечательный талант к агитаторству. Полчаса после дуэли, при которой, ни он, ни его приятели не могли присутствовать, он уже кричал по домам и по улицам об изменническом убиении *Неклюдова*. К нему присоединились товарищ его *Львов*, побуждаемый одинаковыми причинами, несколько надорванных учителей—недоучек, несколько мелких чиновников, все поклонники его политического величия, да еще несколько мещан, товарищей по биллиарду. Эта шайка занялась собственной демократической пропагандой". Так оффициально ставил на голову события *Бакунин*, защищая сибирского сатрапа и его клиентов. Неудивительно, что подобная информация взорвала *Потанина*, хорошо знавшего нравы тогдашней администрации и общественные настроения сибирской интеллигенции. Постоянный произвол, взятки и грабежи, злейшие поборы с населения, вызывающее поведение „навозных" создавали оппозиционное настроение при обсуждении самых незначи-

тельных вопросов. „Защита сибирского крестьянина от клеветы в излишнем гублении кедрового леса во время сбора орехов", говорит *Потанин*, „уже вызывала патриотическое настроении мысли".

В 1858 году „в одном из столичных журналов" *Потанин* прочел статью о колониях, составленную, как говорит он, „кажется по *Рошеру*". Эта статья не была для него исключительной новостью: „об историческом законе земледельческих колоний, по которому они должны впоследствии отпасть от своей метрополии, я знал раньше". Интерес этой статьи, по признанию *Потанина*, заключался в том, что в ней определенно было указано на Сибирь, как на земледельческую колонию. „Больше о Сибири ничего не было, но этого уже было для меня достаточно сделать вывод". Толчок был дан. Суммируя все показания *Потанина*, мы должны признать, что действительно дело было только за выводами, которые образованный казачий офицер и сделал в дальнейшем.

Потанин поделился мыслями со своими друзьями „с полной уверенностью" говорит он„ что я единственный патриот Сибири". *Потанин* отмечает, что эта идея, к его удивлению, не была исключительно его достоянием, его образом мысли, и что с ней он встретился в Томске. „Здесь идея эта была в ходу, хотя и в нелепых формах; говорили, например, что генерал—губернатор Восточной Сибири когда-нибудь об'явит себя независимым. Впрочем я не встречал ни одного лица, который был бы душевно предан общественным интересам Сибири. В этом отношении я чувствовал себя одиноким. Таким я уехал в Петербург".

В Петербурге *Потанин* усиленно занимался. „Знакомство с историей колоний и вообще политической наукой—пропаганду об отделении Сибири и о сибирском патриотизме поставило мне в нравственную обязанность". *Потанин* пытается организовать сибирский кружок. Заседания кружка „должны быть непременно посвящаемы рассуждениям о Сибири". Результатов желательных для *Потанина* кружок не дал: во-первых, не было, по его собственному признанию, материала для бесед, а во вторых—члены кружка не обнаруживали ни патриотических тенденций, ни охоты к обсуждению сибирских тем. „*Березовского* нельзя было уговорить, чтобы он поехал на место учителя в Сибирь; во время студенческих историй он был уже на 4-м курсе и вот теперь уехал за границу; *Перфильев*, посетивший раз или два наши сходки, остался служить под петербургской протекцией; *Миротворцев* также не возвращался на родину. *Павлинов*, который теперь секретарем Статистического Комитета в Иркутске, бывал на сходках и всегда спорил со мною, доказывая, что Сибири нужно только свое уложение, своя финансовая система, но что отделение Сибири поведет только к вреду ей. На сходках бывали еще братья *Лосевы*; но сочувствовали ли они или нет, не могу сказать. Бывал еще художник *Песков*. Последний и младший брат *Лосева* умерли. *Сидоров* принимал также участие в сходках, но чтоб он был искренний патриот, я очень сомневаюсь—патриот не стал бы сидеть в России 10 лет. Так это предприятие кончилось неудачно. И так тут было мало патриотов, а не то, чтоб сепаратистов". Такими полными меланхолии словами *Потанин* резюмирует деятельность и сущность кружка. Откровенный перечень перед Комиссией лиц, участвовавших в сходках и разговорах с их характеристикой, как общественных работников сибиряков, дает возможность сказать, что здесь *Потанин* не встретил элемента, годного для деятельной работы по отделению Сибири от России.

Прокламация об отделении Сибири, бывшая особенной заботой

Следственной Комиссии, признается *Потаниным*, как итог его взглядов и пропаганды.

„Пред моим от‘ездом из Петербурга“, говорит он, „стало выходить много прокламаций. Эти обстоятельства и меня привели к мысли об областной прокламации. Время от распадения сибирских сходок до от‘езда из Петербурга я проводил очень уединенно; в это время я выработал все свои воззрения на будущее Сибири, на ее настоящее положение и на ее потребности. Если не я положил начало сибирскому сепаратизму, то я значительно развил его, и в прокламациях, предъявленных мне в Комиссии, немного такого, что не было бы мне обязано своим происхождением“. Приехав из Петербурга в Омск, *Потанин* сообщил свои мысли, по его собственному признанию, следующим казачьим офицерам: *Подкорытову*, братьям *Усовым* и *Сапожникову*. Свои отношения к казачьему войску в тот момент *Потанин* характеризует следующим образом: „Агитации в войске я производить не имел намерения: казачьи войска слишком привилегированные области, чтобы их можно было втянуть в чуждое им движение; в казачьих войсках может быть только местное движение, но в таком движении я не имел интереса. Впрочем я употреблял, насколько было возможно, меры, чтоб сделать войско участником общего сибирского движения, не надеясь, впрочем, на большой успех“.

Следственная Комиссия главное ядро сепаратизма, очевидно, видела в войске. В его среде она искала преимущественно корни этого движения, так как в ее руки попало большее число казачьих офицеров. Но едва ли было бы справедливо не верить показанию *Потанина* о том, что он особых надежд на казачьи массы не возлагал, справедливо считая их чрезвычайно консервативными. У *Потанина*, как мы увидим в дальнейшем из рассмотрения его записки о нуждах Сибири, была программа, касающаяся, главным образом, задач купечества и крестьянства. Если он в своих показаниях отрицательно высказывается о революционности войска, то едва ли возможно считать серьезным следующее утверждение. „Если Комиссия ищет только моего обвинения, то я готов согласиться на все ее предположения; если она ищет революционных масс, то она не там их ищет. Войско очень консервативно. Революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных Алтайских заводах. Вот это люди, о которых следует подумать“. Это действительно были люди, о которых нужно было подумать правительству в смысле улучшения их материального положения—но и только. Никакой революционной силы они тогда составить не могли. Забитые, заброшенные, не организованные, называющие сами себя „вольно-каторжными“, они не могли представлять реально-опасной силы для русского правительства.

Выдержка из статьи самого *Потанина* („Русское Слово“ 1861 г. № 6, стр. 6—7) лучше всего будет характеризовать настроение и активность рабочих Сибири.

„Вот какой случай был в Мариинском округе. Один золотопромышленник поручил управление своими промыслами знающему приисковое дело мещанину. Среди рабочих уже давно был ропот против этого управляющаго, деспотически распоряжавшегося, как простым народом, так и мелкими служащими; между тем хозяин полагал, что на прииске существуют самые гуманные порядки. Выражения неудовольствия против управляющаго немедленно подавлялись, а между тем он до 70 человек отвлекал от приисковых работ на свои собственные и вообще с полным произволом распоряжался средствами хозяина; кончилось тем, что золота было намыто менее, чем пред-

полагалось по смете, и недостало денег на расплату с рабочими. Еще за месяц, предвидя это, рабочие оставили разрезы. Пришли толпой к конторе, сложили инструменты и объявили, что более работать не будут. Хозяин и управляющий заперлись и выслали к толпе конторщика, который указывал им на контракт и на обязательство работать до 10 сентября, но толпа не слушала и требовала расчета или выдачи головой управляющего. Офицер, находившийся в это время в гостях у хозяина, зазвал в комнату вожаков рабочих и ударил одного из них; тот пожаловался товарищам и толпа двинулась к дому, требуя выдачи управляющего и грозя раскатать по бревну дом золотопромышленника. Снова вышел офицер и предложил рабочим составить список их претензий на хозяина, обещая отвезти его в город и представить губернатору. Рабочие согласились, отметили в списке против каждого имени сколько считают долгу за хозяином и разошлись. Разрезы опустели, шум промывальных машин затих, и рабочие лежали у своих избушек. Через несколько дней они решили не дожидаться расплаты, махнули рукой на пропажу денег и ушли с прииска, на котором осталось, однако, около 50 рабочих; это были, люди работавшие у хозяина до 10 лет сряду и не желавшие оставить его. Они даже собрали в складчину 100 руб. и принесли золотопромышленнику, полагая в простоте души, что у него нет денег, чтобы выехать в Томск и хлопотать там о поправлении своего дела.

Можно было бы увеличить эти примеры из жизни рабочих 40 и 50-ых годов, которые почти все однородны и ни в коем случае не носят активно-революционного характера. Рабочий золотых приисков в силу объективных условий, как то можно видеть в работах *Сенявского* и других, был пассивным страдающим элементом, способным свернуть голову управляющему, раскатать дом хозяина, потребовать лишние ведра водки, уйти с прииска, чтобы попасть на другой—вот круг, из которого обычно не выходила, да и не могла выйти жизнь рабочих. Указание *Потанина* на то, что центр революционного движения—приисковые рабочие, возбудило интерес Комиссии, и ему было предложено подробно высказаться по этому вопросу. Ответ *Потанина* следующий: „Вопрос о рабочих на приисках и заводах был мало разработан, и я хотел посвятить ему несколько лет, но не успел. До последнего времени моя деятельность по этому делу ограничивалась только указыванием своим знакомым на этот вопрос, как на самый важный, и убеждением, что революционеры должны заняться этим вопросом. Впрочем более надеялся только на самого себя, и сам хотел съездить в тайгу и изучить положение рабочего класса“.

Таковы были взгляды *Потанина* в 1865 г., оффициально изложенные им Следственной Комиссии. Как видно из показаний Потанина, он весьма откровенно выявил основные взгляды и планы своей предполагаемой деятельности. Нельзя не признать, что подробно развивая эволюцию своей идеи, *Потанин* чрезвычайно неосторожно оперировал с фамилиями его соучастников, или по крайней мере лиц, близких к этому вопросу. „После студенческой истории“, говорит *Потанин*, „я в Петербурге приходил к мысли о необходимости областной прокламации, чтобы сделать идею сепаратизма популярной, что не достигалось статьями, помещенными в разброд по столичным журналам. Но по возвращении на родину убедился, что такой поступок послужил бы только к выдаче в руки правительства немногочисленного числа сибирских патриотов“. Казалось бы ясным из данного заявления, что заключенный в Омский тюремный замок руководитель сепаратистского течения отдает себе отчет в той опасности, которой он

может подвергнуть своих единомышленников, если назовет их фамилии следственной комиссии. Однако через несколько строчек в том же показании *Потанин* говорит: „В сибирском кружке были студенты *Сидоров, Ядринцев, Березовский, Лосев.* О степени сочувствия сказать ничего не могу“. В дальнейших показаниях мы находим следующее: „Лучшие поборники этой идеи: я, *Ядринцев* и *Шашков;* известна эта идея очень многим, вероятно; мною же она сделана известною: *Шайтанову, Усовым, Нестерову, Подкорытову* (характерно, что эта фамилия вписана, как пропущенная, поверх строчки) и вообще всем молодым казачьим офицерам в Омске, которые были при мне. В Томске: *Колосову,* редактору *Кузнецову,* в Петербурге—студенту *Лушкину*“. Правда, в дальнейшем *Потанин* говорит, что *Колосов* и *Кузнецов* оспаривали верность этой идеи, но дело по существу не меняется. Перед нами бесспорный факт выдачи Комиссии своих единомышленников. Указаны „лучшие поборники“, указаны также и те, которые только, быть может, принимали косвенное участие в дебатах. Чем вызван этот перечень, устоновить сейчас чрезвычайно трудно. Говорила ли здесь надежда на помилование (вспомните исповедь *Бакунина*), или просто мы встречаемся с известной душевной растерянностью—то и другое предположения, во всяком случае, одинаковы правомерны и возможны.

Остановлюсь еще на двух возможных предположениях, которые по всей вероятности, будут фигурировать в дальнейшей литературе по этому вопросу. Первая версия объяснения данного факта может быть такова: *Потанин,* как человек искренний, не мог скрывать имена своих сообщиков. Этот аргумент не может быть признан состоятельным, так как *Потанину,* жившему в Петербурге, должно было быть известным, как расправляется правительство с политическими противниками, а также живя в Сибири, не мог не знать, за что и как попадают сюда люди разных классов и национальностей. Вторая версия может быть изложена так: сепаратисты сговорились не скрывать друг друга и демонстративно показать правительству наличие своих сил. Подобное толкование также неудачно, как и первое, ибо в ответе *Потанина* мы находим перечисление лиц, о степени сочувствия которых он или не знал, или прямо говорит,что такой-то не соглашался. Зачем же перечислять это фамилии? Зачем давать возможность лишней зацепки Следственной Комиссии там, где этой возможности не было, и она могла возникнуть только предположительно по собственному признанию *Потанина*? Поэтому, с нашей точки зрения, наиболее близкими к действительности могут быть только высказанные нами первые два предположения.

Провокатор Люцинский.

В 1908 году *Г. Н. Потанин* писал: „в 1864 г. правительство открыло существование сепаратистов в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске. Найдены были две рукописные прокламации, в которых говорилось об отделении Сибири от России, и сибирское общество приглашалось даже к вооруженному восстанию. Одна была найдена в Омске, другая в Иркутске. Первою была открыта омская, с нее и сыр бор загорелся. Омский кадет *Г. Усов* нашел в письменном столе своего старшего брата, казачьего офицера *Фед. Ник. Усова* завалявшийся между бумагами листок почтовой бумаги, на котором был набросан проект воззвания к сибирскому населению. Кадет унес прокламацию в кадетский корпус, как любопытную вещицу, ничего

не сказав своему брату. Корпусное начальство случайно нашло прокламацию в кармане кадета и передало ее жандармам. Было назначено следствие, последовал ряд обысков, во-первых — в квартире казачьего офицера *Усова*, во-вторых — у его друзей в Томске; затем ряд арестов лиц, имена которых были найдены в захваченной переписке, а также в Красноярске и Иркутске. При обыске в одной квартире в Иркутске была найдена другая прокламация. Более десятка молодых людей было арестовано и свезено в Омск, где была образована следственная комиссия. Громко пронеслось по сибирским городам известие о деле, которое преувеличенно было озаглавлено: „Дело о злоумышленниках, возымевших намерение отделить Сибирь от России и основать в ней Республику на манер Северо-Американских Штатов". И далее: „Другое обвинение, тяготевшее над сепаратистами, состояло в том, что они распространялись устно, в разговорах со своими знакомыми, о возможном в будущем отделении Сибири от России". Конечно, никаких активных действий, никакого приготовления к этому отделению не предпринималось, кроме разве стараний приобресть шрифт для того, чтобы напечатать прокламации. Разговоры об отделении велись в виде конспираций. а для того, чтобы делать общеизвестной, широко распространенной мысль, что в отдаленном будущем Сибирь может существовать особо от Европейской России, сепаратисты хотели привлечь внимание сибирского общества к местным областным нуждам, хотели пробудить в нем местный патриотизм"*).

Дело сибирских сепаратистов, в числе которых руководящую роль играли *Потанин* и *Ядринцев*, а также целый ряд лиц из различных слоев сибирской интеллигенции, привлекло к себе чрезвычайное внимание правительства.

Следственная комиссия, учрежденная в Омске, напрягала все свои усилия к тому, чтобы найти „корень" преступления. Ей было мало того, что некоторые из участников этого дела „оговорили" целый ряд лиц, выяснили свою программу, некоторые покаялись,—хотелось большего: были сделаны попытки заглянуть в истоки заговора и выявить полностью заговорщиков.

Считая данные, полученные путем допроса, недостаточными, Комиссия решила фиктивно арестовать по этому делу дворянина *Люцинского*, проживающего в Омске, и посадить его в одну камеру с *Потаниным*, *Ядринцевым*, *Усовым* и др.

Помещаемые ниже документы, показывают, как выполнил свою работу *Люцинский*.

П о с т а н о в л е н и е:

1865 года, Июля 6 дня составлено настоящее постановление по ниже изложенному обстоятельству. Прикосновенные к делу, производимому Следственной Комиссией, мещанин Ядринцев и хорунжие Сибирского Казачьего Войска: Шайтанов и Григорий Усов сознались в том участии, которое они принимали в деле образования Сибирской Республики и поименовали других участников.

Вдобавок к этому Следственная Комиссия имеет и другие данные, объясняющие сущность преступного замысла против целости Российской Империи. Но, однакоже, все это далеко недостаточно для положительного и точного раз'яснения, какие именно размеры принял настоящий преступный замысел, где именно образовался и ныне кро-

*) **Сибирь, ее современное состояние и ее нужды, С-Петербург, 1908 г.**

ется корень этого замысла, и не питают ли сочувствия к этому делу такие лица, которые еще не были оговорены к делу — Следственная Комиссия полагает, что в случае, если все вышеизложенные обстоятельства не будут раз'яснены и облечены в законную форму, то через это и самый преступный замысел, касающийся целости Российской Империи, не будет уничтожен с корнем.

Для предупреждения таковых вредных последствий, Следственная Комиссия признала нужным употребить меры ниже сего изложенные.

Приискать в городе такого способного человека, который бы согласился, чтобы его арестовали, как будто за участие по этому же делу. Этот человек должен быть арестован в одной комнате с теми из политических преступников, которые уже сознались в своем преступлении. Этот человек должен стараться заслужить доверенность означенных лиц и выведать от них все те подробности, которые по настоящему делу необходимы Комиссии, о которых было упомянуто выше. Для исполнения таковой обязанности, Комиссия приискала проживающего в гор. Омске дворянина Люцинского, который совершенно согласился принять на себя обязанность, возлагаемую на него Комиссиею. Надзор за Люцинским комиссия возложила на пристава 2-й части г. Омска сотника Васькова.

Ему же, Васькову, Комиссия поручила незаметно для арестованных получать от Люцинского сведения, полученные им от арестованных лиц, каковые Васьков обязан безотлагательно доводить до сведения Комиссии. Когда таким образом Люцинский вполне выполнит возложенное на него поручение, тогда Люцинского освободят, а сведения им собранные облечь в законную форму. Комиссия обязала, как Васькова, так и Люцинского, что они не подавали со своей стороны к арестованным никакого повода заподозрить Люцинского в передаче Комиссии всех их разговоров между собою.

Следственная Комиссия определила: записать все выше изложенное в особый протокол, который и приобщить к делу, с дополнением, что председатель комиссии словесно докладывал Генерал-Губернатору Западной Сибири о всем вышеизложенном, который вполне одобрил все таковые распоряжения Следственной Комиссии.

Того же в июле 1865 года *Люцинский* был отправлен в Омский Тюремный Замок со следующим предписанием:

СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
учрежденной в г. Омске
по секретному делу,
6 июля 1865 г,
№ 49.

Смотрителю Омского Тюремного Замка.

Следственная Комисиия просит Вас принять под арест в Тюремный Замок проживающего в г. Омске дворянина Люцинского и поместить его отдельно в секретную камеру, имея за ним строгий надзор, как за политическим преступником.

(подпись)

Через 6 дней *Люцинский* представил в Комиссию первый письменный донос, зафиксированный в делах Комиссии следующим постановлением:

П о с т а н о в л е н и е:

1865 года Июля 12 дня, дворянин Люцинский, помещенный в Тюремном Замке в одной комнате с сотником Потаниным, хорунжими

Шайтановым, Усовым и мещанином Ядринцевым, для секретных наблюдений за их разговорами, довел до сведения следственной Комиссии, чрез члена ее Штаба капитана Фредерикса:

1. 6-го июля Шайтанов спросил Потанина о книгах, а последний ответил ему, что о том то и дело идет и не знаю как сказать; после чего начали между собой вести какой-то разговор под ухо и

2. что 11 июля: а) Потанин и Шайтанов большею частью говорят между собою шепотом и они осторожны; б) между прочим Люцинский слышал, что Шайтанов говорил Ядринцеву о письме, которое он послал к нему во время переезда своего на пароходе с одною дамою и спрашивал получил-ли он оное и, услышав ответ, „нет" сказал „слава Богу"; в) тот же Шайтанов говорил, что сочинения Бухнера и Сибирская прокламация продаются в Москве, на немецком языке; г) Ядринцев говорил, что он читал прокламацию Подкорытову; д) Григорий Усов говорил, что писал к Ядринцеву письмо, в котором упоминал о Пеленке и Попове, но письма этого Ядринцев не получал и думает, что оно попало в Следственную Комиссию; е) Потанин говорил, что прокламация выслана в Сибирь Кудриным и ж) в общем разговоре, в котором преимущественно Григорий Усов держал речь, упоминалось о каком-то Рябсове и выражалось удовольствие, что он не попался, почему Следственная Комиссия определила: записать о всем вышеизложенном в дело для сведения в дополнение постановления своего, составленного 6-го сего июля.

(Подписи)

Через 9 дней последовало второе и последнее сообщение *Люцинского*, содержание которого видно из следующего документа.

Постановление:

1865 года июля 21 дня, Следственной комиссии дворянин Люцинский предъявил, что содержимые с ним в Тюремном Замке, причастные к настоящему делу, разговаривали между собою следующее:

Шашков: 1. Щапов и Пономарев его друзья, за которых он очень боится. 2. Слава Богу, что Комиссия не заметила в его письме Лазарева, а то сделала бы обыск. Лазарев, кажется, живет в Красноярске.

Ядринцев: 1. Во время пребывания его в г. Омске, он получил прокламацию из Петербурга от студента Сидорова. 2. На сходках бывали: Наумов, Иван Куклин, Худяков и Таль. 3. Ежели они теперь пострадают, то для общего блага, и что рано или поздно идея их осуществится.

Потанин: 1. Нет ли дам в комиссии по делу, а то беда, ежели попадутся—все откроют и разболтают. 2. Щукин молодец, он запрещает своим детям молиться Богу и не мало удивляется, как дошло это до сведения Комиссии. 3. Все вообще упрекают Усова, в особенности Потанин, за то, что он открыл Комиссии лиц, причастных к делу; смеется над ним, говоря: что хотя и признались чистосердечно, но указали восьмую лишь часть своих сообщников, но делали чистосердечное признание собственно для того, что по закону за это уменьшается мера наказания. 4. *Потанин* доказывал Усову, что Бога нет и верить в Бога не следует. 5. Говорили, что Сибирь непременно отделится от России, как только там вспыхнет революция, и что хотя партия их поймана, но найдутся еще люди, которые осуществят эту идею 6. *Потанин* с Ядринцевым говорили: слава Богу, что комиссия

не взялась за Пермыкина, которого они старались закрыть. 7. Потанин читал Усову какое-то письмо, которое Усов взял и спрятал. Люцинский старался отыскать его, но не мог, и не знал, куда письмо исчезло, а судя по выражению лиц читающего и слушающего, оно должно быть очень интересного содержания.

Григорий Усов говорил: что он боялся за Южакова, правителя дел у генерала Черняева, но слава Богу, его не взяли. О всем вышеизложенном Следственная Комиссия определила: записать в дело для сведения.

(Подписи)

Чрезвычайных результатов, как ожидала Комиссия, слежка *Люцинского* не дала и, кроме того, его положение в камере арестованных, до очевидности не связанного с ними делом, не могло не внушить подозрения заключенным сепаратистам.

Показания *Люцинского*, предъявленные Следственной Комиссии, говорят уже об определенной осторожности арестованных и отчужденности их от него.

При таком положении едва ли было возможно, „плодотворно" выполнить взятые на себя обязательства, а настороженность заключенных к *Люцинскому* неизбежно должна была создать атмосферу, враждебную к нему. Этим очевидно и объясняется заявление, поданное им 23 июля 1865 г. о своем освобождении из тюрьмы. Комиссия исполнила желание просителя и вынесла следующее характерное постановление:

Постановление:

1865 г. июля 26 дня составлено настоящее постановление по ниже изложенному обстоятельству. Содержащийся в Омском Тюремном Замке, по постановлению Комиссии, состоявшемуся 6-го сего июля, дворянин Люцинский 23 числа предъявил Комиссии о желании своем освободиться, по случаю одержимой его болезни. Комиссия признала возможным исполнить желание Люцинского и вместе с тем признала необходимым продолжать негласное наблюдение за содержащимися в тюремном замке по настоящему делу. Для этой цели комиссия положила употребить находящегося при означенных лицах для услуг арестанта из поселенцев Лебедева, дозволив ему передавать записки от арестованных друг другу, но с тем только, чтобы эти записки прежде передачи по назначению были передаваемы смотрителю Тюремного Замка и этим последним предъявляемы Следственной Комиссии.

До получения же окончательных результатов по переписке между заключенными, оставить покуда без расследования сведения, доставленные Комиссии дворянином Люцинским и изложенные в постановлениях, состоявшихся 12 и 21 сего июля, так как подобное расследование в настоящее время может обнаружить заключенным, что Комиссия имела все время за ними бдительный секретный надзор, поэтому эти заключенные побоятся завести между собою переписку, из опасения чтобы она не была открыта. Почему определила: записать об этом для сведения в дело.

(Подписи)

Нужды Сибири в освещении Потанина.

Следственная комиссия, допрашивая *Потанина* не могла не заинтересоваться его взглядами на нужды Сибири. Печатаемая ниже записка *Потанина* представляет собой сжатую картину жизни Сибири, со всеми ее дефектами, нуждами и чаяниями тех групп, которые имели основания быть недовольными экономическим положением этой окраины.

В своем ответе на то „чего не достает в Сибири“, *Потанин* указал на целый ряд явлений, требующих того или другого разрешения. Вся записка напоена одной мыслью—необходимо дать Сибири более здоровые условия развития и перестать рассматривать ее, как данницу России.

Нельзя не отметить, что перечисляя отрицательные стороны в жизни Сибири, *Потанин* объясняет это младенческим состоянием в России науки об областном праве. Это объяснение сугубо рационалистическое, совершенно не связывается с общим экономическим контуром записки. Какие-же вопросы затронуты *Потаниным* в его обширной информации следственной комиссии? Все, что тогда интересовало сибирское общество. Рабочий вопрос, крестьянство, промышленность, колонизация, просвещение, администрация, взаимоотношение колонии с метрополией, инородческий вопрос. Разрешение некоторых из этих вопросов не лишено интереса. Так например, *Потанин*, высказывается против раздачи земли в собственность чиновникам для улучшения состояния земледелия и полагает, что это лучше выполнят земские собрания. Вместо частных приисковладельцев выдвигается и обосновывается создание рабочих артелей с самоуправлением и передачей им дела. Крестьянский вопрос *Потанин* разрешает артелизацией крестьянства и т. д.

Читая записку *Потанина*, нельзя не заметить, что автор, анализируя экономическое положение Сибири и ее возможности—идеализирует ее наличные силы и средства. Когда *Потанин* говорит о свеклосахарных заводах, о промышленности Сибири, как бы указывая на чрезвычайную легкость ее возможного возникновения, то, конечно, это необходимо рассматривать, как увлечение своей окраиной местного патриота. Анализ экономической жизни Сибири, данный *Потаниным*, перспективный план ее развития на ближайшее время—не отвечали действительности. Записка *Потанина*—это, скорей всего, для того времени, сибирская утопия, экономический романтизм сибирского патриота. Местный патриотизм вырос на экономическом давлении сибирских купцов „российскими“, на служебных привилегиях навозного элемента в Сибири, на отсутствии возможности для сибирской интеллигенции самодеятельности.

Таким образом, сепаратизм интересовал верхушки сибирской интеллигенции и сибирского купечества, и только в этих слоях он имел тогда успех. *Потанин* интересней и убедительней, когда он говорит только в этой плоскости. Основная идея *Потанина* следующая: крестьяне—к земледелию, купцы—в торговлю и промышленность, интеллигенция—в государственно-общественную работу. Из тех материалов, которые имеются, а также из всего периода, прошлой областнической деятельности в Сибири, другого заключения, как то, что сепаратисты явились выразителями интересов торгово-промышленного класса Сибири и примыкающей к нему сибирской интеллигенции,

сделать нельзя. У широких истоков народных масс ростков этого движения не было, да и быть не могло.

Обратимся к записке *Потанина*, имеющейся в „деле“ следственной комиссии.

Лист. 204. 1865 г. (из дела „о сибирских сепаратистах“).

Вопрос. Так как вы желаете добра и пользы для Сибири и с особенною любовию изучили все ее потребности и нужды, то объясните с полной откровенностью и чистосердечием, чего именно недостает в Сибири в настоящее время для полного ее благоденствия, так как правительство, желая добра и пользы своему народу, никогда не откажет ему в том, что действительно может быть для него полезно.

Ответ. Для блага Сибири желательно разрешение следующих вопросов: об улучшении быта рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на низовьях Оби и Иртыша, об улучшении земледелия и вообще условий промышленного движения, о колонизации и просвещении, наконец об улучшении сибирской администрации и более справедливом установлении финансовых и торговых отношений Сибири и ее метрополии. Для благоденствия областей необходимо, чтоб все они пользовались равенством шансов для приобретения богатства; между тем это условие до настоящего времени не было соблюдено в отношении к Сибири; русское законодательство, покровительствуя мануфактурным провинциям внутренней России, подало повод последним наложить на Сибирь торговое иго; это случилось не вследствие преднамеренной колониальной политики, а вследствие младенческого состояния в России науки об областном праве.

Доказать существование этого ига легко. По мнению Шторха торговое иго англичан над Россией выражается в обычае английских купцов выдавать русским купцам цену пеньки и друг. товаров за год вперед; нарымский купец делает то же самое в отношении остяков, торговый казак на Иртыше—в отношении киргизов; это потому, что остяк или киргиз беден, не имеет собственного капитала, т. е. обеспечения на время производства, и должен занимать его у богатого человека. В таком же отношении, как бедные остяки или киргизы стоят к нарымским купцам или торговцам на Иртышской линии, стоит и Сибирь к русским купцам на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. Мануфактурные товары уступаются сибирским купцам в кредит, с условием уплаты на будущий год.

Какая именно часть из общего количества, идущего в Сибирь— я старался определить в своей статье „Гражданское уложение в Сибири“, помещенной в Томских Губ. Ведомостях за 1865 год. Купцы говорят, что с каждым годом величина этого кредита возрастает; желательно было бы, чтоб правительство распорядилось о собрании чрез своих чиновников точных и полных сведений об этом предмете на ярмарках Ирбитской и Нижегородской. Вследствие такого положения остяки и киргизы впадают в неоплатные долги; и Сибирь очутилась бы в них, если бы не спасали ее от этого злостные банкротства наших сибирских купцов. Как устранить это зло?

Благоразумие требует воздержаться от решения этого вопроса, которое было бы теперь преждевременно; желательно только, чтоб правительство дало полную свободу высказать в литературе мнения по этому предмету как либр-этанжистов, так и протекционистов, хотя бы они и дошли до крайностей в роде внутренней таможенной линии.

Во всяком случае, в каком бы то ни было виде, правительству предстоит учредить покровительство сибирской торговле и заводской промышленности. Сибирь теперь находится в переходном состоянии от промышленности добывающей (земледелие, скотоводство и проч.) к промышленности обрабатывающей продукты. Все существующие роды промышленности переполнены производителями, и повсюду чувствуется излишек в людях и стремление или к разделению труда или к основанию новых родов промышленности. Так выдвигалось недавно из торговых операций—транспортировка товаров; прежде хозяева товаров сами их транспортировали от Ирбита до Иркутска, посылая, для найма возчиков доверенных приказчиков, которые и отвечали за ценность товаров; теперь два купца Хаминов и Родионов почти всю перевозку товаров от восточных русских ярмарок до Иркутска приняли на себя. Прежние возчики обратились с предложением к этим монополистам, и извоз стал в зависимость от этих двух купцов. Излишек производителей в классе земледельцев имел следствием наплыв в классе торговли; и теперь, в одно время, крестьяне жалуются на дешевизну сельских продуктов, а купцы на отсутствие выгоды заниматься торговлей; те и другие желают перемены производства, купцы и удовлетворяют своему желанию при первой возможности. Таким образом, многие теперь купцы, оставив торговлю, устроили сальные и кожевенные заводы, или ремесленные мастерские в городах; другие накинулись на пчеловодство и земледелие; вокруг Томска теперь множество есть фермеров, снявших на аренду казенные или деревенские земли и устроивших на них заимки и пасеки; в особенности размножаются пасеки, как местная реакция русской торговли сахаром; это у нас свои свеклосахарные заводы. Эти фермеры могут принести некоторую пользу Сибири; некоторые из них выписывают из России земледельческие машины и усовершенствованные орудия; но не следует увлекаться этим призраком. Бегство купцов в земледельческий класс все-таки явление болезненное; не следует думать, что это бегство опровергает жалобы крестьян на невыгодность земледелия; жалобы эти остаются в полной своей силе; дело в том, что купцы, как капиталисты, заводят обширное хозяйство, нанимая для того по десяти и более работников, от соединения их, от ассоциации сил прибыль увеличивается и хозяйство при этих условиях оказывается выгодным. И вот в этом то виде земледелие только и остается выгодным. Оставаясь собственником, крестьянин не может расчитывать на те же выгоды. Нормальнее было бы, если-б к новому способу хозяйства переходили сами крестьяне, соединяясь в товарищества и прибегая к усовершенствованию способов обработки земли. А нынешним фермерам приличнее было бы обратиться к заводской промышленности. Появление их в среде земледельцев следует приписать стесненному положению торгового класса Сибири, происходящему от неравенства конкуренции сибирской заводской промышленности с такою же промышленностью внутренней России.

Каждое открытие нового производства встречается сибирскими купцами с живейшим любопытством—такая чувствуется потребность в перемене занятий; при появлении нового заведения сразу набрасывается несколько других антрепренеров на то же предприятие, и часто излишним совместничеством роняют друг друга; так, например, оборвались стеклянные заводы около Томска вследствие излишней конкуренции, тоже случилось там же с крупчатными мельницами.

Некоторый процент торгового класса, ища перемены, нашел себе место в производстве кож, мыла, сальных свеч, но в более сложных

производствах не останавливается по недостатку технических знаний в сибирском населении и вследствие невозможности конкурировать с русской мануфактурой. Вместо стеариновых заводов мы можем только основать заводы сальных свеч, вместо свеклосахарных—можем только заводить пасеки с ульем пчел. Вот это-то отсутствие простора для выхода из торгового класса в заводчики и фабриканты и гонит членов его в фермеры. Чтоб не ввести в заблуждение, спешу оговориться—фермеры появились только около Томска, и сравнительно число их очень невелико, но появление их можно принять за первый штрих того направления, в которое должно вступить сибирское хозяйство, если положение дел не изменится и если правительство каким нибудь образом не устранит причины этого явления—значительный процент крестьян-общинников очутится в батраках у купцов—фермеров. Точно также я не ожидаю больших результатов и от продажи земель в Западной Сибири в частную собственность и от раздачи их в награду чиновникам. Правда до настоящего времени в Сибири не существовало других проводников в народ сельскохозяйственных нововведений, кроме новых колонистов из Европейской России; может быть чиновники, став поземельными собственниками, и сообщат некоторые новости сибирскому хозяйству. Но с большим успехом и без всякого возмездия это дело выполнили бы земские собрания, потому правительству выгоднее было бы последние сделать своим орудием для достижения этой цели.

Кроме того, улучшение нашего земледелия зависит не столько от улучшения проводников, сколько от устранения тех причин, о которых я говорил выше, и которые уменьшают с каждым годом выгоды занятия земледелия. Земледелие может улучшиться только при повышении цен на его продукты, а цены на них в Сибири остаются одни и теже в течении нескольких десятилетий, и повысятся только тогда, когда значительная часть населения, оставив земледелие, поступит на заводы, т. е. когда разовьется заводская промышленность в Сибири. Рассматриваемое с этой стороны земледелие находится в подчинении заводской промышленности, и его можно подвинуть только законодательством о заводской промышленности. А проводники тут не помогут; они и сделают нововведение, да только на своем поле, а в массу эти нововведения не перейдут; да еще вред сделают; сделают невозможной конкуренцию бедного крестьянина с богатым землевладельцем, подорвут его и заставят его искать убежища в батрачестве у землевладельца. В такие же неблагоприятные отношения Сибирь поставлена и финансовой системой России. Присоединяя к количеству доходов, идущих из Сибири на общегосударственные потребности и ту сумму, которая образуется в пользу государства от разности между номинальной и действительной ценностью золота, добываемого на частных промыслах Сибири, можно смело предполагать, что в настоящее время Сибирь уступает государству втрое более, чем тратит на свои местные учреждения. Это было заявлено еще 6 лет назад, в газете „Амур", и после того было заявляемо не раз в сибирской литературе. Это тем более смущало людей, занимавшихся изучением нужд Сибири, что эта провинция стала нуждаться в дорогих учреждениях, в высшем учебном заведении, в хороших дорогах, в канализации, в пособиях для улучшения сельского хозяйства и заводской промышленности. Ни о чем так много не пишут сибирские литераторы, как об университете. Это происходит не столько от того, что действительно чувствуются большие неудобства от неимения своего провинциального университета, сколько от молчания правительства на эти заявления желания. Мол-

чание это пугает их и заставляет приписывать правительству намерение не давать университета провинции; и между тем, они были бы успокоены, если бы правительство рассеяло их опасение, дозволив в провинции организовать всеобщую подписку на университет и приняв на себя сбор денег и инициативу самой подписки. Сибирь, жертвующая ежегодно на разные благотворительные цели до 200,000 рублей сер., быстро бы доставила правительству необходимую сумму на первое обзаведение. Между тем, это показало бы населению, что правительству вовсе не противна идея о местном университете, и население, в хлопотах об увеличении средств своего будущего университета, спокойно и доверчиво прождало бы шесть, семь лет, когда действительно необходимо будет открыть университет в Иркутске. Рабочие на золотых приисках и на оброчных статьях составляют сибирский пролетариат; он немногочислен, но положение его более бедственно, чем положение пролетариата в других странах. Фабричный пролетариат живет в населенных местностях, вблизи полицейской власти; приисковый пролетариат живет в глуши, в тайге, вдали от полицейской власти и попадает неизбежно в полную зависимость от хозяина, физическую и нравственную. Прииски лежат внутри сырых лесов; проложенные дороги болотисты, так что невозможно ездить иначе, как шагом и верхом. Так как прииски скоро вырабатываются, то золотопромышленники не строят прочных и обширных изб для рабочих; от сырого климата и тесноты, и изнурительных работ, рабочие сильно страдают. Так как с истощением прииска, хозяин его всегда банкротится, если не имеет другого, то рабочие часто разделяют горе своих хозяев и, проработав лето, бывают принуждены уйти с прииска, не получив ни гроша. К этому присоединяются злоупотребления золотопромышленников, которые, несмотря ни на какия обличения, продолжают не исполнять правила о договорах, и стремятся закабалить рабочих.

Нет в Сибири массы более недовольной своим положением, как приисковые рабочие. Над этими рабочими стоят приказчики, называемые здесь *служаками*; эти служаки более развиты, чем рабочий народ, но также недовольны своими хозяевами; они также впадают в полную зависимость от хозяев, хотя и пользуются против рабочих привилегией—заключать договор с правом выходить из службы, в какое время захочешь; эта привилегия на деле не имеет никакого значения, ибо желающий воспользоваться ею рискует оставить прииск не только без вознаграждения за службу, но еще оставшись должным хозяину. Так как в тайге нет других поселений, кроме приисков, то ее можно считать областью с плотным или сложным недовольным населением, с недовольными приказчиками во главе. Масса эта, сверх того, развратна, заключает в своей среде много ссыльных преступников, бездомовна и невежественна. Для просвещения и гуманизации ее ничего не делается золотопромышленниками. Некоторые семейства постоянно живут на приисках, но детям их негде получить элементарного воспитания, потому что на приисках не заведено школ. Положение рабочих может быть улучшено не иначе, как вмешательством самого правительства в управление приисками, и допущением к тому самих рабочих. В настоящее время, государство считает себя собственником золотых приисков, само не разрабатывает, а отдает их в аренду золотопромышленникам; последние нанимают рабочих, устраивают машины, и золото, как принадлежащее казне, сдают правительству; следовательно, они и не хозяева своего продукта, как арендаторы рыболовных оброчных статей, а только подрядчики, обязавшиеся за условную плату с пуда добывать из земли золото. От обыкновен-

ных подрядчиков они отличаются тем же самым, чем жиды, нанимавшиеся у Наполеона почистить золотой купол Петра и Павла в Риме, отличались от простых чистильщиков сапогов. Но одно обстоятельство делает их пожизненными и потомственными подрядчиками—это именно право разрабатывать прииск до тех пор, пока сам не бросит его. От этого право правительства на заявленный прииск оказывается номинальным, и золотопромышленники считают себя собственниками приисков; и потому для них всякий другой путь удаления их с приисков, кроме экспроприаций, кажется нарушением права собственности. Между тем, для правительства, выгоднее было бы иметь дело прямо с артелями рабочих,—золотопромышленники очень дорогие подрядчики; кроме того, они для установления между рабочими дисциплины держат большой штат приказчиков; правительство, допустив нечто в роде самоуправления на прииске, сделало бы этот штат лишним и сохранило бы прииску излишний расход; злоупотребления исчезли бы, так как снабжение прииска жизненными продуктами правительство могло бы вверить также лицам, выбранным самими рабочими. Наконец, правительство могло бы тогда принять общие меры для материального улучшения быта рабочих, для народного здравия, улучшения путей сообщения и просвещения рабочих. О положении рабочих на заводах горного Алтайского округа мне мало известно—слышал только жалобы, что горное правление, не будучи заинтересовано учреждать какой бы то ни было посторонний надзор за заводоуправлениями, не заботится об учреждении при заводах горнозаводских товариществ, как это допускается положением 8 марта 1861 года. Желательно, чтоб учреждение этих товариществ, которые могут оживить заводскую жизнь, было поставлено Горному Правлению в обязанность. Кроме того, следовало бы допустить от горнозаводских товариществ депутатов в Горный Совет для заявления нужд рабочих.

Инородцы еще более грубы, невежественны и забиты, чем приисковые рабочие. У северных инородцев мне удалось быть, и я коечто только слышал об нарымских остяках. Вообще северные инородцы, занимающиеся рыболовством, беднее южных, занимающихся скотоводством. Причины обеднения заключаются в характере остяцких промыслов, звероловства и рыболовства. Предметы того и другого быстро исчезают; с каждым годом остяк в состоянии менее добыть мяса на прокормление своей семьи и драгоценных мехов на уплату ясака. От этого остяк, сделавший долг, рискует постоянно не уплатить его. С уменьшением предметов местных промыслов, уменьшается количество чуждых произведений, которые могут приобретать остяки. Переход от этих регрессирующих промыслов к другим, более выгодным, для остяков очень труден; однако-ж, необходимо прежде всего позаботиться именно об этом. По мнению Бэра, приход русских в Сибирь специализировал инородцев в звероловстве и сделал для них этот переход труднее; с этим нельзя не согласиться. Христианство, порох, ясак и торговля совокупно сделали это дело. От христианства остяки бежали в вершины рек, где невозможен другой промысел, кроме звероловства, и где пути сообщения между реками прерваны болотами.

Пушная торговля и сборщики ясака, снабжая остяков порохом, ничего другого от них не требовали, кроме мехов. Чуть ли не с самого основания города Нарыма его чиновничество и купечество спорят, кому из них принадлежит право эксплоатировать остяков; чиновники утверждают, что купцы ввозят к инородцам только предметы роскоши, масло, овчины и проч., продают по дорогим ценам и таким

образом обирают остяков, и что потому им следует воспретить въезд с торгом в волости. Купцы настаивают, что чиновники хотят монополизировать торговлю за собой, и что когда торговля бывает в инородческих волостях запрещена, как это сделано в настоящее время, снабжение инородцев товарами находится в немногочисленных руках священников, вахтеров и чиновников. В этой борьбе то те, то другие одерживают верх; правительство то допускало въезд купцов к инородцам, то запрещало. В настоящее время въезд запрещен, и торговля находится в руках священников и вахтеров. На Кети образовалось нечто в роде Парагвая; священник сделался патроном всех инородцев, живущих по Кети: инородцы не доверяли никому, кроме него. Зимой никому не было возможности проехать по волостям, один священник мог, потому что, по его распоряжению, в условных местах были устроены запасы сена. Один томский купец отправил приказчика в Кеть с товарами на 3000 руб. сер. Приказчик поднялся по Кети, проезжал мимо многих юртъ, показывал свои товары—но у него никто не осмеливался купить, потому что было запрещено священником. Так приказчик и возвратился, ничего не продавши. Для улучшения быта инородцев необходимо дозволить въезд купцам, перевести ясак на деньги, и передать заведывание хлебными магазинами инородческим обществам. На Иртыше, около казачьих станиц, живет множество киргизов, известных под названием джатаков. Джатаки—это войсковой пролетариат; в экономическом отношении они составляют часть войскового народа, хоть оффициально состоят в ведении не войскового ведомства. Почти у каждого казака на дворе стоит киргизское семейство джатаков, которое за ничтожное право доить выдоенных коров должно исполнять тяжелые работы, рубить дрова, ездить за ними за 40 верст и проч. Женщины джатаков ходят по улицам, ища ежедневной пищи, и за кусок хлеба нанимаются принести воды с реки. Зимой джатаки живут в грязных и холодных землянках; горячки беспрестанно опустошают этот народ. По моему мнению, джатаков следовало бы обратить в войсковое сословие, предоставив им право пользоваться казачьими лугами и землями наравне с казаками, а также обязав их казачьей службой, отчего они вероятно не откажутся.

К числу вопросов, сильно интересующих Сибирь, принадлежит вопрос об ее колонизации. Сибирь колонизуется посредством следующих путей: через ссылку преступников на поселение, добровольным переселением по приглашению правительства, переводом по увольнительным и приемным приговорам и выездом в Сибирь чиновников на службу. Зло, происходящее в Сибири от штрафной колонизации, было подробно описано в статьях г. *Шелгунова*, помещенных в Русском Слове: „Сибирь по большой дороге“ и „Гражданские элементы Иркутской губернии“ и в „Письмах о Сибири“ г. *Завалишина*, помещенных в Московских Ведомостях за 1865 г. Она понижает уровень народной нравственности, уменьшает личную безопасность и порождает в Сибири бродяжество и охоту за людьми, особенно развившуюся между бурятами в Забайкалье. Убить бродягу—не считается за грех; богатые крестьяне нанимают бродяг для тяжелых полевых работ за низкую плату и потом убивают. Это подрывает в населении уважение к чужой жизни. Кроме того, бродяги и поселенцы понижают сильно заработную плату на приисках и на крестьянских полях, что также вредно отзывается на местном хозяйстве. Около городов, которые лежат на большой дороге, в тех местах, где дорога примыкает к какому нибудь горному хребту—бродяги образуют шайки воров. Так например, в прошлую зиму Томск был сильно обеспокоен бродягами.

Добровольное переселение по приглашению правительства, при ближайшем рассматривании, также оказывается близким к штрафной колонизации.

Назначение на переселение предоставляется обществам, а общества назначают или тех лиц, которыми недовольны за распутство, мелкое воровство, или лиц ленивых, недомовитых и неисправно платящих подати. Самая полезная колонизация совершается посредством перевода по увольнительным и приемным приговорам. Это, большею частью, ремесленники или приказчики; но размеры этой колонизации невелики, потому что она не сопровождается теми привилегиями, какими сопровождается колонизация по приглашению правительства—освобождением на несколько лет от податей и пособием от правительства. В политико-экономическом комитете, некогда существовавшем при Географическом Обществе в Петербурге, г. барон *Мейндорф* высказал опасение, чтобы Сибирь не отделилась, если правительство будет ее колонизовать и умножать народом. Это несправедливо. Прекращение колонизации повлечет за собой обособление сибирского населения и скорее приведет к сепаратизму.

Напротив, по мнению путешествнников по Новой Голландии, сепаратистические стремления этой колонии только и ослабляются постоянным и значительным притоком новых колонистов из Англии. По уверению тех же путешественников, Новая Голландия не могла до тех пор процветать, пока не была прекращена штрафная колонизация, и пока в Новой Голландии не составилось общество для приглашения и перевозки из Англии переселенцев из более полезных классов английского общества. Желательно, чтоб правительство, при помощи сибирского общества, приняло меры для облегчения переезда в Сибирь на житье мастеровых, ремесленников и других подобных лиц, которыми Сибирь очень бедна.

Ни одна, например, провинция не бедна так кузницами, как Сибирь. Сибирский крестьянин имеет много железных заводских вещей в дому, которых не бывает у русского крестьянина: у него у двери железные скобы; он употребляет железные ковши, железные замки, железные бороны; у русского крестьянина все это деревянное: и ручка у дверей, и ковш, и замок и борона. Но у русского крестьянина бывает по две и по четыре окованных телеги; у сибирского крестьянина, у редкого есть одна окованная телега—именно по недостатку кузниц. В заключении несколько слов с местном патриотизме. Всякая любовь есть последствие знания. Без знания предмета невозможна любовь к предмету. Успехи приобретения знаний превращают любовь в страсть. Неудачи в решении математических задач порождают в ученике отвращение к математике, напротив, удачный выход из этих затруднений доставляет ему наслаждение и приводит к любви к этой науке. Сознание, что он сам может оказать услуги этой науке, усиливает в человеке эту любовь, и математика становится его отечеством. То же самое бывает с наукой о нуждах и потребностях родины. Кто с успехом занимается этим, тот начинает любить это занятие; кто сознает, что он может оказать услугу своей родине, у того любовь к интересам родины превращается в страсть. Развитие патриотизма при этом роде занятий неизбежно. Правительству остается только эксплоатировать этот патриотизм. Местный патриотизм не следует смешивать с сепаратизмом; сепаратизм есть только направление местного патриотизма при известных условиях; другие условия могут привести его к идее совершенно противоположной—об единстве. Я употреблял сепаратизм не как цель, а как средство, чтоб воспитывать местный патриотизм.

Сибирь бедна людьми, которые бы решались с самопожертвованием служить ей. Многие даровитые личности, получив университетское воспитание, предпочитали остаться в России, где и занятия наукой обставлены большими средствами, и жизнь комфортабельнее. Люди, хотевшие служить обществу, не ехали в Сибирь, утверждая, что в России и для общества можно более сделать, потому что и среда выше, и начальство русских провинций либеральнее. Чтоб противопоставить этим доводам какое нибудь средство, нужно было, чтоб это средство сильно действовало на умы молодежи. Чтоб придать достоинство местному патриотизму, необходимо было присоединить к нему стремление к великому будущему Сибири. Без этих великих образов будущего местный патриотизм оставался такой же смешной идейкой в глазах студентов и сибирского юношества, как местный патриотизм какого нибудь Пошехонья. При отсутствии возможности участвовать в управлении своей судьбой и выказать своеобразие своего ума и характера, — сибирским патриотам оставался единственный исход: поддерживать в своей груди жар любви к отчизне идеей о будущей славе Сибири и жить в мире мечты о сепаратизме. Явление этой идеи очень естественно. Это временное направление местного патриотизма может быть отклонено правительством посредством удовлетворения желаний местного населения. Если оно даст свободу местной патриотической деятельности, которая выразится в учреждении университета, в заботах об колонизации, о просвещении инородцев и народа, и в журналистике, если правительство примет на себя покровительство сибирской мануфактуре".

На этом ответ *Потанина* на вопрос, предложенный комиссией, обрывается. Не хватает в деле 3-х листов, на которых должен быть дан заключительный ответ.

Для читателей, особо интересующихся сибирским областничеством и его историей, к настоящей статье приложены объяснение и показания *Потанина*, сохранившиеся в подлинниках в уцелевшей части дела „Следственной Комиссии, учрежденной в г. Омске по секретному делу".

2 октября 1924 г.
Омск.

Приложения

к статье Г. В. Круссера.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

1865 года июля 7 дня, я дал нижеследующее объяснение Следственной Комиссии.

В бытность в Петербурге я организовал сибирские сходки, чтобы соединить сибирских студентов, и через это воспитать местных патриотов. С этой же целью, на сходках предложил предприятие в интересах Сибири—составление сибирского календаря, в котором должны быть помещены и статьи местного патриотического содержания. В то же время, я написал в этом духе статью: „Заметки о Западной Сибири". После шести или семи сходок, они расстроились. По возвращении в Омск, я был исключительно занят делом о реформе казачьего войска и нисколько его не смешивал с делом Сибири. После студенческой истории, я в Петербурге приходил к мысли о необходимости областной прокламации, чтоб сделать идею сепаратизма популярною, что не достигалось статьями, помещенными в разброд по столичным журналам. Но по возвращении на родину убедился, что такой поступок послужил бы только к выдаче в руки правительства немногочисленного числа сибирских патриотов. Так как узкая войсковая деятельность не удовлетворяла меня, к тому же стала возрастать в войсковом народе моя известность, я решился оставить войско и посвятить себя на собирание материалов для ученой разработки занимавшей меня идеи, надеясь через несколько лет добиться любимой своей мечты издания журнала. И в это время я написал только две статьи в Томских Ведомостях „О климате Сибири" и „Гражданское увеличение Сибири", обе в сепаратистическом духе, и в мелких известиях подбирал статьи в том же духе. Кроме того, я поддерживал в Шайтанове и Лукине, студентах Московского и Петроградского университетов, местный патриотизм. В сибирском кружке были студенты: Сидоров, Ядринцев, Березовский и Лосев. О степени их сочувствия сказать ничего не могу. К сему показанию отставной сотник *Потанин* руку приложил.

При даче сего объяснения присутствовали:

Председатель действительный статский советник (подпись)

Член корпуса жандармов Подполковник (подпись)

Член и производитель дела коллежский ассесор (подпись)

Член с военной стороны Штабс-капитан (подпись)

Помощник производителя дела, Аудитор, коллежский регистратор (подпись).

Омский уездный стряпчий (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

1865 года июля 7 дня в Следственной Комисси, учрежденной в гор. Омске, отставной сотник *Потанин* был опрошен по нижеследующим вопросам и отвечал:

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
С какою целью Вы писали записку, предъявляемую Вам при сем спросе, адресованную на имя Русинова или Нестерова.	Единственная цель—иметь книги и потом видеться с знакомыми.
Когда и каким образом Вы передали эту записку Адъютанту Нестерову.	Через жандарма, которому передал на последней станции.
Кто такой Сапожников, о котором упоминается в означенной записке.	Казачий офицер, находящийся в Томске.
Для чего именно Вы просили в записке, чтобы дали знать Сапожникову о положении Вашего дела.	Думал, что он и другие мои знакомые в Томске интересуются скорым окончанием моего дела.
Когда Вас привезли в Омск, вместе с Ядринцевым и Колосовым, то видели ли Вы тогда Нестерова, и если видели, то каким образом, и что именно Вы говорили с ним.	Видел его в кордегардии в остроге и только пожал ему руку через порог, но ничего ни я, ни он не говорили.
В статье Вашей о сибирском казачьем войске, и в которых письмах Вы распространяли идеи, противные распоряжениям законного правительства, то спрашиваетесь Вы, с какой целью Вы дозволили себе порицание правительственных распоряжений, так как подобный поступок составляет весьма важное преступление по государственным законам.	В статье о Сибирском казачьем войске если есть идеи, противные распоряжениям законного правительства, то я этого не знал, а в письмах может быть; цели особенной не было, кроме желания поделиться неудовольствием.
Что можете сказать Вы в свое оправдание по тем обвинениям, которые падают на Вас по настоящему делу.	Два обвинения, взводимые на меня Комиссиею — возбуждение казачьего войска и участие в составлении прокламации, я считаю несправедливыми. Деятельность моя заключалась только в следующем: в воспитании в сибирском юношестве местного патриотизма, посредством идеи о будущей судьбе Сибири, как независимой республики, и в разработке этой же идеи в литературе и науке. К возбуждению же масс ни непосредственно, ни чрез других, ни чрез прокламации, я не имел намерения приступить.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
В последний раз спрашиваетесь Вы, известна ли Вам та прокламация к патриотам Сибири, которая была Вам предъявлена при первом спросе Вашем в настоящей Комиссии, и в этом случае объясните все то, что Вам известно по этому делу.	Предъявленная прокламация была мною прочитана в Комиссии в первый раз. Раньше я слышал только, что появилась прокламация в Забайкалье, и хотел достать ее, но никому об этом в Восточную Сибирь не писал. И та ли эта самая, сказать не могу.
Объясните, какое участие принимали Вы сами в подготовлении всех нужных мер в образовании Сибирской республики.	Об образовании Сибирской республики я еще не думал; а хотел только приготовить меры к агитации—эта деятельность, как я сказал выше, состояла в воспитании юношества в местном патриотизме и в сепаратистических статьях.
Назовите всех Ваших сообщников по замыслу об отделении Сибири от России и всех тех, кому было об этом известно.	Это было известно Ядринцеву, Шашкову, Шайтанову.
Когда именно Вы намеревались приступить к исполнению задуманного Вами предприятия образования Сибирской республики.	Об времени я вовсе не думал.
Известна ли Вам предъявляемая при сем спросе прокламация к Сибирским патриотам, содержание которой разнится от содержания той прокламации, которая была Вам предъявлена при первом спросе Вашем в настоящей Комиссии, и в этом случае объясните все то, что Вам известно по этому делу.	Не была известна.
Когда Вы писали предъявляемое при сем спросе письмо.	Не помню.
Кому именно прислал Лукин сборник рассказов издания Бекетова и дозволен ли этот сборник цензурой.	К учителю Томской гимназии Егору Ивановичу Парамонову; сборник запрещен цензурой.

Сотник Потанин руку приложил.

Продолжение спросов 8 июля.

Вчерашнего числа Вы, между прочим, высказали в Следственной Комиссии, что Сибирь должен отделиться от России и что это может случиться скоро, объясните, на каких именно данных основываете Вы такое убеждение.	Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний; я судил об этом по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
В том же письме Вашем Вы написали: „и вот ныне посылаем денег экземпляров на 30 этого сборника“. Объясните, сколько именно денег послали Вы, когда, с кем, и сколько экземпляров получили, и где находятся эти книги в настоящее время.	Денег 3 рубля посланы по почте; сборника не получил. Это тот самый сборник, о котором я ранее уже дал ответ. Деньги были посланы Шайтанову.
Далее в том же письме сказано: „желательно иметь для простого народа, дешевые рассказы из естественных наук о жизни животных и проч.“ Объясните какие именно рассказы Вы желали иметь, и какие получили, когда, каким путем, сколько экземпляров, на какую сумму, и где именно находится эти книги в настоящее время.	Я их не получил и разумел какие нибудь рассказы из естественных наук.
Сколько было собрано денег по подписке с приказчиков Томского гостинного двора, о которой Вы сообщали Шайтанову в том же письме.	Пятьдесят (50) рублей серебром; деньги отосланы г. Шайтанову.
Где находится эта подписка, было ли известно о ней местной полиции и назовите всех подписчиков.	Лист потерян; имена подписчиков напечатаны в Томских ведомостях в 1865 г., в котором номере, не помню; известно-ли полиции, не знаю.
Какое употребление сделали Вы из денег, собранных по этой подписка.	Отосланы Шайтанову.
Кто таков Сидоренко, о котором говорится в том же письме.	Бывший учитель Томской гимназии, который ныне в Тобольске.
Далее, в том же письме написано: „Деньги, кои будут посылаемы Вам, должны быть присуждаемы только имеющим намерение возвратиться на родину. В противном случае, очень легко может случиться, что наша энергия уменьшится. Мы, бедные сибиряки, чтоб стали еще благодействовать людям, которые будут полезны только России— это будет для нас накладно, несправедливо. Скорее богатого в пользу бедного следует обобрать, чем бедного в пользу богатого“. Слова эти ничто иное, как приготовительные меры к отделению Сибири от России. Что Вы скажете на это.	Согласен с мнением Комиссии.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
С какою целью Вы обращали внимание Шайтанова на статьи Усова и Пахарукова, помещенные в Томских Губернских Ведомостях.	Так как авторы его знакомые, то я сообщил ему об этом, думая, что ему интересно будет прочесть статьи своих знакомых.
Напечатали ли Вы в Томских Губернских Ведомостях, и в каком именно №, бюджет Томской губернии за 1863 год.	Напечатал в Томских Ведомостях за 1865 г. в одних из первых номеров, в котором, не помню.
Почему Вы полагаете, что эта статья должна была интересовать всех сибиряков.	Так как в ней были обнародованы те суммы, которые с Сибири взимаются на русские, чуждые ей учреждения.
Об'ясните с полною откровенностью и чистосердечием все известные Вам подробности по делу об отделении Сибири от России, где именно образовался и ныне кроется корень этого замысла, и также назовите всех лиц, которым было известно об этом замысле.	Во мне идея об отделении Сибири возникла самостоятельно; с нею я уже приехал в Петербург. Лучшие поборники этой идеи—я, Ядринцев и Шайтанов. Известна эта идея очень многим, вероятно. Мною же она сделана известною: Шайтанову, Усовым, Нестерову, Подкорытову и вообще всем молодым казачьим офицерам в Омске, которые были при мне. В Томске: Колосову, редактору Кузнецову; в Петербурге—студенту Лукину. Кроме того это известно: Павлиновым и Щукину. Последние расположены ли к этой идеи, не знаю. Г. Кузнецов также не соглашался с правильностью этой идеи. Колосов также оспаривал.
Неизвестно ли Вам чего нибудь о противоправительственной партии, организованной в России в лице Русского центрального народного комитета, поставившего своей целью всеобщее восстание в Российской Империи, и если известно, то объясните с полной откровенностью и чистосердечием, назвав из главных лиц этого комитета.	Об этом комитете только и известно мне было по общим петербургским слухам, что он существует. Лиц этого комитета не знаю.

При отобрании ответов присутствовали:
Председатель действительный статский советник (подпись).
Член Корпуса жандармов, подполковник (подпись).
Член и производитель дела коллежский ассесор (подпись).
Член с военной стороны штабс-капитан (подпись).
Помощник производителя дела коллежский регистратор (подпись).
Омский уездный стряпчий (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

1865 года июля 9 дня в Следственной Комиссии, учрежденной в г. Омске отставной Сотник *Потанин* был опрошен и отвечал.

Вопрос: Объясните подробно, под влиянием каких именно обстоятельств образовалась у Вас, и у прочих лиц, Вами названных, идея об отделении Сибири от России?

Ответ: Местный патриотизм начал воспитываться во мне еще в Кадетском Корпусе. При мне это учебное заведение (корпус) было переименовано в кад. корпус из войскового училища пехотинцев, и казаки, прежде смешанные, были отделены одни от других; из пехотинцев образована рота, из казаков эскадрон. Первые помещены в верхнем этаже, последние в нижнем. В то же время в роту были присланы из Петербурга офицеры; у казаков остались старые офицеры казачьего происхождения. Первые стали вводить в пехоте обычаи и правила петербургских кадетских корпусов; казакам приказано было подражать пехоте. Это было в 1846 году. Таким образом, на пути нововведений казаки очутились назади пехоты. Пехотные офицеры, чтоб усилить в пехотинцах любовь к новому порядку, указывали на (отставших казаков) разницу между приличностью пехотинцев и неотесанностью казаков. Так стали кадеты смотреть на пехоту, как на Европу, на казаков, как на Азию, на варваров; на пехоту, как на привилегированное дворянское сословие, на казаков, как на низший класс. Это возбудило у казаков движение мысли; они стали читать сочинения о казачестве и искать там хороших сторон в оправдание себя; сначала Тарас Бульба Гоголя оказал им услугу; затем я, как более других серьезный, обратился к историческим сочинениям и перечитал в кадетской библиотеке все, что было о казачестве Донском, Запорожском и Яицком. Таким образом от поисков в старине оправдания своему сословию во мне образовался местный казачий патриотизм; он еще более усиливался тогдашним положением казачьих офицеров из туземцев сравнительно с офицерами, переведенными в войско из армии. Последние получали большое содержание сравнительно с туземцами и пользовались всегда протекцией; один атаман, при докладе ему об офицерах, спрашивал предварительно: „это наш или ихний“; если этого и не было, то по крайней мере этот анекдот создан общественным инстинктом. Разница в положении офицеров еще увеличивалась правом свободы выхода из войска, существовавшим для армейцев, и отсутствием такого права для туземцев. Знание всех этих обстоятельств, усиливая местный патриотизм, породило в нас еще во время кадетской жизни ненависть к армейцам; мы стали смотреть на них, как на чуждое племя, пришедшее поработить нас. Кажется, корпусный штаб стремился тогда наполнить все места полковых командиров армейцами; по крайней мере, в течение некоторого времени число полковых командиров из армейцев сильно возрастало на счет уменьшения числа командиров из туземцев. Взгляд на армейцев, как на чуждых поработителей, укреплялся. Это привело нас к отречению от русского имени, и кто-то предложил писать казак через большую букву, как собственное имя. С таким направлением я вышел из корпуса. Ненависть к армейцам впоследствии у меня прошла, особенно, когда я оставил войско. Но она, кажется, остается в казачьих офицерах и до настоящего времени. В депутатском собрании, в 1863 г., мне приходилось защищаться от нападок за расположение к армейцам, а Арсений Панков старался представить вы-

боры Гулькевича председателем депутатского собрания, как измену сословию. Затихшая во мне нелюбовь армейцев, впоследствии возвратилась, под видом неприязни к так называемому в Сибири навозному чиновничеству. Это случилось в Петербурге, когда я прочел в „Колоколе“ чьи-то корреспонденции из Иркутска, по поводу дуэли Беклемишева и Неклюдова. В корреспонденции, написанной за Неклюдова, взведено было обвинение на Беклемишева в растлении деревенских девиц; тут же была и брань вообще на навозных. Корреспондент, оправдывавший Беклемишева, объяснил эту клевету красотой типа навозных чиновников, вследствии чего, будто, туземные женщины отдают свое сердце навозным, предпочтительно перед туземцами. Я уже был тогда сибирским патриотом. Такая негодная защита возбудила во мне ненависть к навозу, которая впоследствии укреплялась разными ошибками сибирского начальства, как например, неблагоприятным отзывом Генерал-Губернатора Муравьева о туземном чиновничестве, который был, кажется, напечатан также в „Колоколе“; учреждением, на деньги Томского общества, женской гимназии в Омске. Возвращаюсь к истории развития местного патриотизма. Сибирский патриотизм во мне появился почти одновременно с казачьим, так как при поисках исторических сведений о сибирском казачестве приходилось обратиться к сибирской литературе, и между прочим к Словцову, первому сибирскому патриоту. Несмотря на бедность сибирской литературы патриотическими сочинениями, знакомство с ней, всетаки, исподволь, в состоянии было воспитать во мне местный патриотизм. Простая защита сибирского крестьянина от клеветы в излишнем гублении кедрового леса, во время сбора орехов, уже вызывала патриотическое настроение мысли. Около 1858 года, я прочитал в одном из столичных журналов статью о колониях, составленную, кажется, по Рошеру. Об историческом законе земледельческих колоний, по которому они должны впоследствии отпасть от своей метрополии, я знал раньше. Но я не подозревал, что Сибирь колония; а в этой статье именно было сказано, что Сибирь земледельческая колония. Больше о Сибири ничего не было, но этого уже было для меня достаточно сделать вывод. Может быть, в это тоже время, я сообщил о своем открытии Усову и Нестерову, не помню, но в Томск уехал с новой уверенностью, что я единственный патриот Сибири. К удивлению моему в Томске это уже не было новостью; здесь идея эта была в ходу, хотя и в нелепых формах. Говорили, например, что генерал-губернатор Восточной Сибири когда-нибудь объявит себя независимым. Впрочем я не встретил ни одного лица, который был бы душевно предан общественным интересам Сибири. В этом отношении я чувствовал себя одиноким. Таким я уехал в Петербург. Здесь я встретил Щукина, не чуждого уже сибирского патриотизма, но была-ли ему известна идея о будущей самостоятельности Сибири, не помню; может быть эту новость и я ему первый сообщил. Студенты не сибиряки, встречаясь со мной в кухмистерских, и других местах, и интересуясь краем, иногда спрашивали; „а не поговаривают в вашем обществе об отделении Сибири“.

Я даже конфузился, что не мог дать утвердительного ответа. Затем более короткое знакомство с историей колоний и вообще политической наукой—пропаганду об отделении Сибири, и о Сибирском патриотизме, поставило мне в нравственную обязанность. Первым предприятием моим в этом роде было устройство сибирского кружка. По моему настоянию собрания кружка должны быть непременно посвящаемы рассуждениям о Сибири. Но это не состоялось—во первых потому, что не было данных для бесед; корреспонденций интересных

с родины мы не получали, местные оффициальные газеты были также бедны нужным для этого материалом; во вторых, потому что и члены не отличались патриотизмом. Из всех из них, я, да Ядринцов были только патриоты; Березовского нельзя было уговорить, чтобы он поехал на место учителя в Сибирь; во время студенческих историй он был уже на 4-м курсе, и вот теперь уехал заграницу. Перфильев, посетивший, раз или два, наши сходки, остался служить под петербургской протекцией; Миротворцев также не возвратился на родину. Павлинов, который теперь секретарем Статистического Комитета в Иркутске, бывал на сходках и всегда спорил со мною, доказывая, что Сибири нужно только свое уложение, своя финансовая система, но что отделение Сибири поведет только ко вреду ей. На сходке бывали еще братья Лосевы, но сочувствовали-ли они или нет— не могу сказать. Бывал еще художник Песков. Последний и младший брат Лосева умерли. Сидоров принимал также участие в сходках, но чтоб он был искренний патриот, я очень сомневаюсь—патриот не стал бы сидеть в России десять лет. Так это предприятие кончилось неудачей. И так, тут мало было патриотов сибирских, а не только чтоб сепаратистов. Из приехавших студентов, после сходок, я знал следующих: 1) старший Селетов был несколько знаком со мной; 2) младший Селетов встречался со мной не более двух раз, и ни об чем со мной не разговаривал; об моих идеях, вероятно, они оба знали; думаю, что тогда все студенты-сибиряки об этом знали; но я уехал в Сибирь, не зная патриотических убеждений обоих братьев; 3) Николай Иванович Наумов—во время моего знакомства в Петербурге был патриотом,— т. е. хотел непременно возвратиться на родину и ей посвятить свою деятельность. Был ли сепаратистом, не знаю; 4) младший брат Павлинова—собирался при мне быть профессором византийского права и вовсе не намерен был возвращаться в Сибирь; 5) Шашкова я мало знал в Петербурге; об убеждениях его судил только по его статьям; 6) наконец, Лукин, который был мною воспитан в сепаратистических убеждениях.—Ядринцов, Наумов и Лукин исключительно мне обязаны своим патриотическим направлением. Перед моим отъездом из Петербурга стало выходить много прокламаций. Эти обстоятельства и меня привели к мысли об областной сибирской прокламации. Время от распадения сибирских сходок я проводил очень уединенно; в это время я вырабатывал все свои воззрения на будущее Сибири, на ее настоящее положение и на ее потребности. Если не я положил начало сибирскому сепаратизму, то я значительно развил его, и в прокламациях, предъявленных мне в комиссии, немного такого, что бы было бы мне обязано своим происхождением. В Омске я только сообщил свои убеждения некоторым казачьим офицерам: Подкорытову, братьям Усовым, Сапожникову,—но как на них подействовали мои убеждения, не знаю. Я больше заботился о том, чтоб выслать их в Петербург учиться.

Деятельность моя в депутатском собрании ничего не заключала в себе противозаконного или, по крайней мере, противного желаниям правительства. Она состояла только в борьбе с партией отсталых, которые не только противились введению новых благодетельных мер, предположенных правительством, но настаивали на уничтожении тех прав, которые были недавно дарованы войску. Агитации в войске я производить не имел намерения; казачьи войска слишком привелигированные области, чтоб их можно было втянуть в чуждое им движение; в казачьих войсках может быть только местное движение, но в таком движении я не имел интереса. Впрочем, я употреблял, насколько

было возможно, меры, чтоб сделать войско участником общего Сибирского движения, не надеясь, впрочем, на большой успех. Если комиссия ищет только моего обвинения, то я готов согласиться на все ее предположения; если она ищет революционных масс—то она не там их ищет. Войско очень консервативно. Революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных алтайских заводах. Вот это люди, о которых следует подумать.

В Томске прозелитизмом я уже не занимался, но здесь я принимал некоторые общие меры к распространению своей идеи; с этой целью я стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистическим органом; в этом деле я злоупотребил доверенностью и простотой редактора, который во все время не подозревал настоящего направления моих и Ядринцевских статей. По моему настоянию ведомости бесплатно посылались студентам в Петербург, Москву и Казань. Для участия в ведомостях я вызывал в Томск Ядринцева из Омска. Шашков также по моему предложению приезжал в Томск для чтения публичных лекций; произвольных вставок он не делал, сколько мне известно. Но и то, что напечатано им в Библиотеке для Чтения и других журналах, сказанное с кафедры, должно было действовать возбудительно на патриотическое чувство сибиряков. Я это знал, и если-б Шашков не приехал, мы с Ядринцевым устроили бы литературный вечер, на котором прочитали бы извлеченное из статей Шашкова. Более о деятельности этого последнего ничего не знаю. В гимназиях я не очень злоупотреблял своими лекциями, т. е. и в высших классах ничего не говорил о сепаратизме. Здесь я удовольствовался только развитием местного патриотизма и реальным направлением умов. Я старался только заинтересовать гимназистов исследованиями о Сибири, старался познакомить их с пробелами в естественно-исторической науке о Сибири и настраивал, что им предстоит обязанность изучить родину. Я надеялся, что такой проповеди, рядом с моими статьями в ведомостях, достаточно для развития в них местного патриотизма, а впоследствии и сепаратизма. В женской гимназии и этого не делал. Частным прозелитизмом в Томске вовсе не занимался.

Вопрос. В ответе своем на предыдущий вопрос вы, между прочим, высказали, что революционная масса Сибири состоит из приисковых рабочих и рабочих на казенных Алтайских заводах, то объясните с полной откровенностью и чистосердечием все известные вам подробности по этому обстоятельству.

Ответ. Вопрос о работах на приисках и заводах был мало разработан, и я хотел посвятить ему несколько лет, но не успел. До последнего времени, моя деятельность по этому делу ограничивалась только указыванием своим знакомым на этот вопрос, как на самый важный, и убеждением, что революционеры должны заняться этим вопросом. Впрочем более надеялся только на себя и сам хотел съездить в тайгу и изучить положение рабочего класса.

К сему показанию отставной сотник Потанин руку приложил.

В. Семенов.

Два эпизода из дела о сибирских сепаратистах.

I.

Летом 1923 г. в Семипалатинске Л. К. Стерлигов рассказал мне следующее. В бытность его кадетом одного из младших классов б. Сибирского кадетского корпуса в Омске в 1864 или 65 г., однажды резвившихся в перемену мальчуганов приятно удивила необыкновенная продолжительность этой перемены. Когда же их впустили в здание, то они нашли там еще более удивившую их картину: в классах и дортуарах все перерыто, начальство ходит растерянное, старшие кадеты о чем-то шепчутся. Несколько позднее выяснилось, что один из дежуривших во время перемены на дворе воспитателей заглянул в обычное место преступного курения воспитанников близ цейхгауза и заметил, что один из двух кадетов что-то прячет в кармане, а затем стал упорно отказываться выбросить предполагаемый окурок. В кармане оказалась какая-то бумага, ознакомившись с которой воспитатель вместе с уличенными кадетами быстро предстал пред начальством—и началось знаменитое в истории Сибири дело сепаратистов: бумага была „страшная“ прокламация „Патриотам Сибири“...

II.

В январе 1923 г. заведующий З.-Сиб. Краевым музеем Ф. В. Мелехин зашел по какому-то делу ко мне в ботанический кабинет Сибирск. с.-х. академии на Тобол. ул. № 14. В руках его была солидная пачка из 3-4 увесистых „дел“ архивного типа. М. сообщил, что он был в Губполитпросвете, куда при нем один учитель (фамилию его М. не хотел назвать) принес эти дела с базара, где нашел их у какого-то торговца и выменял на равное по весу количество оберточной бумаги, за которой учитель и пришел в канцелярию. Бумагу учителю дали, „дела“ бегло посмотрели и так как они содержали что-то историческое, то их и отдали в Музей. Дата 1865 г. заставила и меня ознакомиться с делом. В это время в кабинет вошел В. В. Сапожников, бывший в то время в Омске для ознакомления с местными ВУЗами. Узнав в чем дело, он также принялся просматривать один из томов. Скоро мы натолкнулись на собственноручные письменные показания главных обвиняемых по делу сепаратистов Г. Н. Потанина, Ядринцева, Усова и др. Для В. В. и меня хорошо знакомых с делом из печати и рассказов самого Г. Н. Потанина, это появление из мелочной лавочки омского базара исторических документов первостепенной важности было слишком поразительно, и мы не скрывали своего возбуждения. Вечером того же дня я сходил в музей и вместе с Ф. В. Мелехиным принес дело к себе на квартиру где, жил и В. В.

Сапожников. Здесь мы подробно ознакомились с делом. Я, между прочим, прочел некоторые показания Г. Н. Потанина, в которых он излагает историю возникновения в Петербурге кружка Сибиряков (см. выше статью Г. В. Круссер), пишет целую журнальную статью по экономике Сибири и т. п. Не менее интересно показание Ядринцева, сдержанное или детски-наивное. Много бумаг, характерных с бытовой стороны и жандармской практики. Напр., переписка по приисканию „верного человека" и донесения этого человека из тюрьмы, где он был подсажен в качестве осведомителя в камеру сепаратистов и писал: „Потанин (такого-то числа) говорил: 1) что бога нет; 2) хорошо, что в деле не замешаны женщины, а то они наболтали бы" и т. п.

М. унес „дела" в музей, а мы с В. В. начали строить планы о спасении их. В. В. решил написать о случае в Н.-Николаевск заведующему Сибархивам В. Д. Вегману, чтобы таким образом оффициально зафиксировать местонахожение исторических документов, и уже набросал черновик письма, но за отсутствием точного адреса не успел отправить его и уехал в Москву. Через неделю ко мне зашел В. Д. Вегман, с которым В. В. встретился в Москве на вокзале и сообщил о деле Потанина, а за подробностями направил ко мне. Я передал Вегману, что знал, и видя его глубокий интерес к делу, был уверен, что в дальнейшем Потанинское дело будет храниться в более почетном и надежном месте, (чем мелочная лавочка базара), а документы из него будут использованы лучше, чем это было до описанного случая (завертывание в них мыла и пр).

Позднее мне доставили один лист из того-же Потанинского дела, полученный на базаре в качестве покрышки банки с медом. Мною были сделаны попытки отыскать остатки, очевидно, уже пущенного в оборот еще одного тома того-же дела, но безуспешно. Вот копия этого листа (см. приложение).

Копия.

1865 года августа 20-го дня в присутствии Следственной Комиссии, учрежденной в г. Омске, урядник Сибирского Казачьего войска Гаврило Усов был спрошен и отвечал:

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Вы в прежних ответах Ваших говорили, что прокламацию „Патриотам Сибири" взяли в квартире брата Вашего вместе с дорожными записками Студента Ядринцева. Об'ясните где записки эти ныне находятся?	Записки эти, как я уже ранее говорил, были мной уничтожены, для различных надобностей, так как я не мог их разобрать, то и не нашел нужным хранить их.
	К сим ответам.
Комиссия еще раз Вас спрашивает: кому была известна из воспитанников принесенная Вами из квартиры брата Вашего Есаула Фе-	Помянутая прокламация по принесению моему в Корпус была в понедельник отобрана Самсоновым, следовательно, я в такое

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
дора Усова в Кадетский Корпус прокламация „Патриотам Сибири" и не знал ли о ней кто из служащих в помянутом заведении. Такой ответ Вы должны изложить со всем чистосердечием и откровенностию, так как по законам сознание может облегчить вину Вашу?	короткое время не мог показать ее никому, да и не имел к тому особой надобности, но из кадетских офицеров у меня никто ее не видал и о такой никто со мной не разговаривал, а я слышал, но только из частных разговоров, что будто бы Эскадронный Командир Фролов отобрал подобную же у воспитанника Путинцева, но не знаю насколько это справедливо. Разговоры эти происходили между мной, воспитанником Путинцевым и еще двумя или тремя не помню чьими. Имя кадета Путинцева Михаил. Время, в которое происходил тот разговор, я также хорошенько не помню.

Урядник

Не известно ли Вам чьей рукой написана пред'явленная при сем спросе прокламация, под названием „Патриотам Сибири"?	Письмо мне незнакомое, а потому я не могу сказать кто именно писал ее.

Сибирского казачьего войска

Хроника краеведения.

I. Скорбный листок краеведения Западной Сибири.

Зап.-Сибирский Отдел Русского Географ. Общества за время перерыва в издании своих печатных органов потерял умершими последнего члена-учредителя и почетного члена Г. Е. Катанаева (в 1921 г.), двух почетных членов—Г. Н. Потанина (в 1918 г.) и В. В. Сапожникова (1924 г.) и несколько активных действительных членов: Гусева Я. И., Здравосмыслова Н. М., Лаптева В. П., Новоселова А. Е., Попова П. Ф., Седельникова А. Н., Сергеева Е. А., Яковлева А. П., Троицкого Д. Н., Назаренко Г. М. и, в самое последнее время, Трувеллера Б. В.

Из числа последних особенно крупную потерю Отдел понес со смертью А. Н. Седельникова (в 1919 г.), о жизни и деятельности которого будет напечатана статья в следующей книжке „Известий".

В декабре 1923 года в Тобольске, под гнетом долгих материальных лишений и вызванного ими нервного расстройства, покончил самоубийством свою жизнь на 35 году член-корреспондент Центр. Бюро Краеведения и выдающийся работник местного Общества изучения края, преподаватель Георгий Иванович **Симонов**.

Покойный был известен, как знаток и ревностный собиратель материалов, относящихся к П. П. Ершову; им создан в Тобольске кабинет по изучению биографии и творчества автора Конька-Горбунка, заключающий в себе не мало ценных экспонатов. Из одиннадцати напечатанных Симоновым небольших работ семь посвящены Ершову. В последние годы Георгий Иванович энергично занимался историко-археологическими исследованиями Тобольска и его окрестностей, собрал большие коллекции и основал второй кабинет—„Тобольсковедения".

Необходимость всестороннего изучения родного края Г. И. Симонов неустанно и широко пропагандировал как среди своих учеников—в школах 2-й ступени, так и среди учительского персонала губернии—на съездах и курсах. Посещавшие его уроки и лекции или ходившие с ним в экскурсиях не забудут этого энтузиаста—краеведа, всего себя отдавшего любимому делу.

Покойный оставил после себя много рукописей, отчасти уже готовых к печати; между ними заслуживает внимания работа об изделиях из мамонтовой кости, материалы о декабристах, сосланных в Тобольск, новые данные к биографии Ершова, к истории г. Тюкалинска и нек. др. Крайне желательно, чтобы Тобольское О-во изучения края приняло меры к сохранению созданных Г. И. Симоновым кабинетов и неопубликованных, за недостатком средств, рукописей.

П. Д.

II. Общества, музеи.

Из жизни Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества в годы войны и революции.

В 1911 году к первой западно-сибирской сельско-хозяйственной выставке в г. Омске был издан „Справочник" за 35 лет деятельности Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. С того времени особых сведений о жизни Отдела не публиковалось, и она отражалась только в „Известиях", начавших выходить в 1913 г., и в „Записках". Однако империалистическая война скоро прервала выход и этих органов: в 1915 г. вышел последний—III т. в. 1—2 „Известий", а в 1916 г.—последний XXXVIII т. „Записок", посвященный Г. Н. Потанину по случаю 80-летия его жизни. С того времени прошло 8 лет, в том числе четыре бурных года войны и революции, больно задевших старейшее научное общество Западной Сибири. И только в последнее время, с общим обновлением жизни, Зап.-Сибир. Отдел Русск. Геогр. Общества начинает находить в ней свое место, начинает оживать, о чем свидетельствует и настоящая книжка „Известий".

Архив Отдела, вероятно, хранит ценные данные за эти годы. Историку Одела, ко дню его уже недалекого пятидесятилетнего юбилея (в июне 1926 г.), предстоит ознакомиться с архивом и написать интересную главу об этом исключительном времени. Здесь же пока отметим немногие главнейшие моменты в жизни Отдела за годы перерыва в выходе его печатных органов.

В 1915 и 1916 годах Отдел, под председательством Н. Д. Павлова, продолжал свою обычную жизнь: изданы две упомянутые выше книжки, происходили общие собрания, функционировали музей и библиотека. В 1915 г. состоялась поездка А. Е. Новоселова на Алтай, откуда им привезена богатая коллекция предметов, относящихся к быту алтайских старообрядцев. В 1916 г. Н. Кудрин летом исследовал рыболовство в Обской губе и привез оттуда в музей большую зоологическую и этнографическую коллекции. Летом того же 1916 года к зданию музея была сделана пристройка для с.-х отдела и произведена перегруппировка отделов музея и переноска библиотеки.

В 1917 г. после февральской революции в Зап.-Сиб. Отделе Русск. Геогр. Общества заметно значительное оживление, которое особенно возросло с утверждением в Омске первой советской власти. 22 апреля 1917 года, после сложения полномочий старым Распорядительным Комитетом, был выбран новый—под председательством А. Н. Седельникова; происходили оживленные и многолюдные общие собрания, деятельно работали многие комиссии: аграрная, административного устройства Западной Сибири, несколько позднее—комиссия войны и революции; было возбуждено ходатайство о передаче Отделу для музея и библиотеки дома генерал-губернатора; возобновлено ходатайство, начатое еще в 1913 году, о передаче в музей и библиотеку Отдела местных архивов из правительственных учреждений.

В 1918 г. Эти ходатайства поддерживались перед Омским Советом рабочих и крестьянских депутатов и были им удовлетворены. Вообще первая Советская власть в Омске весьма благожелательно шла навстречу нуждам Географического Общества: бывший дом генерал-губернатора был передан Отделу, в нем немедленно были освобождены для музея первые четыре комнаты, и в две из них были перевезены геологические коллекции; в ведение Отдела были пере-

даны архивы областной, генерал-губернаторский и жандармский, с оплатой особого при них штата служащих; были отпущены средства на экспедицию.

В средине 1918 года в Отделе еще продолжалась оживленная деятельность: общие собрания происходили еженедельно, работали комиссии, начато печатание собранных **Г. Н. Потаниным** киргизских сказок; летом осуществлено несколько экспедиций и поездок; шли переговоры о передаче Отделу Музея Войсковой Казачьей Управы; библиотека Отдела стала получать всю литературу, издаваемую в Сибири.

Но тучи невзгод уже стали собираться над Отделом. С водворением в бывший генерал-губернаторский дом **Гришина—Алмазова**, оттуда пришлось вывезти коллекции музея.

В начале 1919 г. умер один из самых преданных Отделу и старых его деятелей, Председатель Отдела **А. Н. Седельников.** После смерти А. Н. временное исполнение обязанностей председателя было поручено члену распорядительного комитета **В. И. Ишерскому.** В последствии на пост председателя избран **Н. Н. Козьмин**, оставшийся в этой должности до ноября 1919 года. С этого момента и до нового избрания весною 1920 г. председателем о-ва **Н. Д. Павлова** обязанности такового исполнял заместитель председателя **П. Ю.Арндт.**

В связи с пребыванием в Омске многих членов Центрального Географического Общества и с оторванностью их от Европейской России, рядом с Западно-Сибирским Отделом в Омске возникает Центральное Географическое Общество. Из библиотеки Отдела военными властями было принудительно изъято более сотни старинных книг, много карт.

В ноябре, с приближением к Омску Красной армии, Отдел получил предписание эвакуировать на восток музей и библиотеку, но Общее Собрание членов Отдела не согласилось с этим и постановило на время переходного периода убрать часть выставочных коллекций из зал в подвальные помещения.

В 1920 г., с укреплением в Омске второй Советской власти, жизнь Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О. стала входить в нормальное русло, сократив несколько свой размах предыдущего года вследствие выезда из Омска части его членов. В самом начале года упомянутые выше генерал-губернаторский и жандармский архивы от Отдела перешли в ведение органов новой власти. Из доклада Председателя Отдела Н. Д. Павлова Общему Собранию 2-го октября 1921 года видно, что течение всего года работа в Отделе шла обычным порядком, без всяких трений: состоялось 50 заседаний Распорядительного Комитета для решения текущих вопросов и 22 Общих Собрания, на которых было заслушано много ценных научных докладов и несколько научно-популярных лекций.

Кроме того в Отделе шла интенсивная работа по районированию Сибири, в которой принимали деятельное участие Заведывающие Отделениями Музея и другие члены Отдела, как проф. С. С. Неуструев, Б. Н. Городков, Н. Д. Павлов и др. С конца года Отдел принимал также близкое участие в работах Комиссии по размежевании Сибири с Кирреспубликой.

Так, для освещения этого вопроса сделаны доклады Г. Е. Катанаевым об истории заселения Киргизских Степей.

1921-й год в первой своей половине протекал для Отдела в обычной обстановке работы Краеведного Научного Общества, но в условиях экономически трудного переходного времени. Тяжелые материальные условия и, прежде всего, отсутствие топлива наложили свой

отпечаток на жизнь Отдела: еженедельные заседания Распорядительного Комитета происходили в единственной отапливаемой небольшой комнатке, а из за холода в остальной части здания общие собрания передвинулись на весну и лето, работа по каталогизации библиотеки по международной десятичной системе сильно задерживалась; формалиновые препараты Зоологического Отдела Музея были перенесены в подвальные помещения, из аквариумов спущена вода.

Тем не менее, за эту часть года состоялось 35 заседаний Распорядительного Комитета и 7 общих собраний членов отдела (по июнь). На общих собраниях сделаны доклады:

17-го апреля 1921 г., В. Ф. Семенов—К истории изучения флоры Акмолинской Области.

В. Н. Баранов—К систематике и экологии ковылей.

8-го мая, В. Ф. Семенов—К вопросу о сорной растительности Омского уезда.

15-го мая, П. Л. Драверт—Об одном возможном суррогате хлеба (Butomus).

29-го мая, К. П. Горшенин—К вопросу об эволюции почвенного покрова Западно-Сибирской низменности.

5-го июня, Н. Д. Павлов—Новые идеи и способы в практической геодезии

и 17-го июля, Г. Е. Катанаев—К вопросу об усыхании озер Западной Сибири.

Распорядительному Комитету за это время, помимо обычных по Отделу занятий, пришлось реагировать на те запросы и требования, которые строющаяся на новых началах жизнь пред'явила к нему, прежде всего—в виде притязаний на его главнейшие ценности—музей и библиотеку, требуя их по частям и в целом для школ, выставок, лекций, комиссий и т. п. И Распорядительному Комитету стоило не малых усилий сохранять в целости полувековые сборы Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О., пока они, наконец, во второй половине 1921 г., по приказам Уполномоч. Нар. Ком. по просвещению в Сибири, не были целиком отделены от Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О. Первый приказ был дан 3 июня 1921 г. за № 38 и начал собой период коренной ломки Отдела и организации в Омске Краевого Музея на новых началах. Период приказов, в течение которого музей и библиотека Отдела юридически неоднократно переходили от одного хозяина к другому, а фактически иногда оставались без надлежащего надзора, закончился для Зап. Сиб. Отдела Р. Г. О. приказом от 12 ноября 1921 г. о реорганизации Отдела, а для музея и библиотеки, после годичного опыта их самостоятельного существования, приказом 23-го января 1923 г. № 4, передавшим их, наконец, в ведение Омского Губоно.

Конец года в Обществе был занят работой особой назначенной реорганизационной Комиссии под председательством Н. Е. Ишмаева.

1922 г. Врезультате реорганизации Отдела и перерегистрации его членов, в состав Отдела к началу 1922 года входило около 40 человек. Реорганизационная Комиссия после 2-х месяцев работы была заменена Распорядительным Комитетом, под председательством профессора П. Л. Драверт, избранного общим собранием 21 января 1922 г.

Секретарь Распорядительного Комитета, Б. С. Семенов, в то же время состоял директором отделенного от Общества музея и представителем при Зап.-Сиб. Отделе Р. Г. О. от Сибнаробраза по назначению последнего, а некоторые члены Распорядительного Комитета приняли на себя заведывание отделениями музея. Естественно, что

при таком составе Распорядительного Комитета его деятельность, как органа Западно-Сибирского Отдела Р. Г. О., была фактически связана с жизнью юридически независимого от него Краевого Музея.

Отделом в течение года было организовано 5 научных докладов и два музыкально-этнографических вечера. Летом Отдел принял участие в организованной Сибнаробразом Саянской экспедиции, как вошедшими в нее научными силами, так и материальными средствами.

Главнейшим же предприятием Отдела в этом году было издание 3-х номеров научно-популярного журнала „Сибирская Природа" и пяти отдельных работ: 1) П. Л. Драверт—Определитель важнейших сибирских минералов, 2) Б. С. Семенова—Листостебельные мхи, 3) С. Д. Лаврова—Определитель бабочек, 4) С. Д. Лаврова—Бабочки и гусеницы и 5) А. Л. Иозефера—Опыт обоснования отрицательного дифференциального счисления для функций одного независимого переменного. Совместно с Зап.-Сиб. Медиц. Институтом были изданы лекции по зоологии проф. Лаврова.

Музей принимал самое близкое участие в материальной стороне издательства, заведывание и главное руководство которой было поручено директору Музея.

Издательство занимало видное место в ряду сети широко задуманных Отделом и Музеем культурно-коммерческих предприятий в виде издания журнала, учебников, коллекций учебных пособий, организации книжной торговли, выставок—аукционов и т. п. Задуманные и начатые в надежде и расчете на самоокупаемость предприятия эти, однако, привели к расходованию материальных ценностей Музея, к большой задолженности издательства, к работе двух Ревизионных Комиссий по поручению Общих Собраний Отдела 26 марта и 10 декабря 1922 г., к острому конфликту Председателя Отдела с директором Музея и, наконец, к вмешательству в жизнь Музея административных властей.

При таких условиях Общее Собрание членов Отдела 25-го февраля 1923 г., после обсуждения доклада второй Ревизионной Комиссии и завления членов Распорядительного Комитета 1922 г. об освобождении их от работы по Отделу, избрало новый Распорядительный Комитет в составе В. Ф. Семенова, В. Д. Дудецкого, А. К. Скальского, А. Н. Нефедьева и П. Ф. Сердюкова. Сведения о жизни Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О. с этого момента помещены в приложенном к настоящей книжке отчете по Отделу за 1923 и 1924 г. г.

Краеведение в Западной Сибири.

Краеведение в Сибири за последнее время, до 1924 г., освещено в журнале „Краеведение" № 3, стр. 303—311. Из района западной части Сибири здесь имеются сведения о работе в Тобольске, Тюмени, Омске, Семипалатинске, Устькаменогорске, Барнауле, Ново-Николаевске, Томске, Красноярске. Более подробные сведения начинают появляться в самое последнее время в выпускаемых на местах изданиях. Ниже приведены главнейшие из этих сведений, с добавлением новых данных.

В Кургане в 1921 году организован Музей Местного Края.

В Петропавловске осенью 1923 г. организовалось **Акмолинское Общество Изучения Местного Края**, имевшее через год 265 членов. Работа молодого Общества была сосредоточена на привлечении членов

и средств, регистрации, выборе правления и т. п.; главным же образом—на организации **Музея**, который и был открыт в январе 1924 г. Появившись в Петропавловске впервые, Музей привлек значительное количество посетителей, а вместе с тем и приток новых экспонатов, так что в скором времени должен был перебраться из помещения в 2 комнаты в новое—в 6 комнат. Посетителей за 5 месяцев (январь—май) 17109.

Тобольское Общество изучения Края, существующее с 1921 г. при Музее Тобольского Севера, постепенно развивает свою краеведную работу. При нем организованы и работают секции естественно-географическая, историко-культурная, педагогическая и др.

С осени текущего года начато издание ежемесячного популярно-научного и литературного краеведного журнала „Наш Край". Вышли две книжки.

В 1924 г. при **Обществе Любителей Мироведения в г. Новониколаевске** открылась Краеведческая секция. Опубликовано в „Советской Сибири" воззвание Общества „Изучайте местный Край!".

Разрабатываются программы наблюдений метеорологических, фенологических и по фольклору. Член Общества **Жернаков** составляет руководство для местных работников по краеведению, куда войдет, между прочим, история края и г. Ново-Николаевска.

Красноярский Отдел Русского Географического Общества и Музей Приенисейского Края, благодаря энергии и преданности делу краеведения группы членов во главе с председателем Отдела **А. Я. Тугариновым**, с успехом выходит из тяжелого периода последних лет. После длительного перерыва в издательской деятельности Отдела, в 1923 и 1924 г. г. удалось издать два выпуска „Известий". Исследовательская работа Музея и Отдела за последние годы выразилось в целом ряде экспедиций, раскопок и т. п. (см. „Известия" Красноярского Отд. Р. Г. О. и хронику настоящей книжки).

16—19 ноября 1924 г. ими организован в Красноярске Краеведческий Съезд.

Алтайский Отдел Русского Географического Общества в Барнауле с 1912 года, когда вышел XI-й выпуск „Алтайского Сборника", не мог опубликовать никаких изданий за полным отсутствием средств; для очередного выпуска „Сборника" в портфеле Отдела имеется достаточный материал. Краеведная работа Отдела, по мере возможности, продолжалась без перерыва, а в последнее время стала заметно оживляться. Из Барнаула в 1922 и 1923 г. г. было организовано несколько школьных научно-образовательных экскурсий в высокогорный Алтай (Чемал и др.) и одна экспедиция в верховье р. Барнаулки (см. хронику). В районе Отдела в последнее время возникли краеведные организации в **Бийске** и в центре автономной Ойратской Области **Улале**.

Семипалатинский Отдел Русского Географического Общества, с весны текущего года преобразованный из бывшего Семипалатинского Подъотдела Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, под руководством своего многолетнего председателя **Б. Г. Герасимова** продолжает энергичную работу по изучению края, о чем можно судить по XIV выпуску его „Записок" (1923 года) и по сообщениям в двух номерах „Бюллетеней", выпускаемых Отделом с июля 1924 года. В конце августа, с 24 по 31 число, Отделом была созвана в Семипалатинске Первая Губернская Краеведческая Конференция.

Как отпрыск Семипалатинского Отдела, **в Устькаменогорске** возникло особое Краеведное Общество, об открытии которого местное учительство поднимало вопрос в Западно-Сибирском Отделе Русского Географического Общества еще в 1920 году.

III. Экспедиции и исследования.

1923 г.

Экспедиция **Убекосибири** в Обскую губу, одновременно с ведомственной работой по обслуживанию Северного Морского Пути, выполнила ряд научно-исследовательских работ по изучению Крайнего Севера Западной Сибири. Так, астроном **А. Н. Нефедьев** определил несколько астрономических пунктов в южной половине Обской губы, пользуясь радио-сигналами времени и методом проф. Н. Д. Павлова; **Н. Н. Павлов** произвел магнитные наблюдения во многих пунктах пути экспедиции; **Б. В. Колюбакин** изучал климатические условия Севера.

Северная экспедиция Российской Академии Наук и Русского Географического Общества, в составе начальника экспедиции ботаника Академии Наук **Б. Н. Городкова**, астронома **А. А. Фролова**, антрополога и этнографа **Р. П. Митусова** и студента **Серпухова**, прошла от г. Сургута по р. р. Аган и Пур до Тазовской губы, откуда зимним путем выехала обратно в Сургут.

Баранов В. И. работал по почвенно-ботаническому обследованию в Кустанайской губ.; посетил заповедник Русского Географического Общества в 40 верстах к северу от ст. Федоровской и в 6 верстах к востоку от пос. Н. Шумского. Выполнил маршрут: Кустанай, Амон-Карагай, Семиозерный, оз. Тамырлы, Львовское опытное поле.

В. И. Баранов, К. П. Горшенин, И. Н. Язев, в сотрудничестве с группой студентов Сиб. С-Х. Академии, произвели нивеллировку водораздела Омь-Иртыш на протяжении 52 верст (от села Лежанка на р. Иртыше до с. Андреевки на р. Оми), с попутным изучением растительности и почв. Полученный профиль водораздела дал весьма наглядную картину распределения почвенно-растительных комплексов и демонстрировался на с.-х. выставке в Москве.

Профессор Сибирской Сельско-хозяйств. Академии **П. Л. Драверт** летом обследовал найденную им на левом берегу Иртыша, близ гор. Омска, дюнную стоянку и собрал здесь большую коллекцию фрагментов глиняной посуды „чудского“ типа, каменных орудий и костей. Осенью того же года совершил, совместно с проф. **Н. Е. Ишмаевым**, две поездки с геологической целью: 1) в село Екатерининское, Тарского уезда, где обследовал найденное им месторождение лигнита и 2) по правобережью Иртыша—от г. Омска до села Крупенского.

Главный библиотекарь и преподаватель Сиб. С.-Х. Академии **В. В. Птицын** обследовал динамику сельского хозяйства в Иконниковской волости Калачинского уезда Омской губ.

Преподаватели Томского Университета **Триполитова Т. К., Иванов А. К., Попова Т. Г., Хахлов В. А.** и группа студентов Физмата производили лимнологические и геоботанические исследования на так назыв. „Святых озерах“, в 60 верстах на юго-запад от Томска.

Профес. Томского Технолог. Института **Б. П. Вейнберг** произвел магнитные исследования по р. Томи, между Кузнецком и с. Крапивным.

Преподаватели Томского Унив-та, **Ревердатто В. В. и Л. Ф.** выяснили границы фитогеографических подзон **в Бийской степи**, по линии Бийск-Кузнецк; детально обследовали луговые ассоциации долины р. Томи, спускаясь в лодке из Кузнецка в Томск—в сотрудничестве со

студ. В. Ф. Васильевым и Тучковым; сделали заезды в верховье Томи—в черневую тайгу, по р. Кондоме—до реликтового острова липы и к восточной границе Кузнецкой степи.

Красноярский Отдел Русского Географического Об-ва издавна ведет археологические исследования Афонтовой горы близ г. Красноярска. Раскопки в этом году производились археологами **Г. П. Сосновским** и **Н. К. Ауэрбах**, добывшими богатые коллекции по ископаемой фауне и предметы материальной культуры палеолитического человека.

Алтайский Отдел Рус. Геогр. О-ва на отпущенные Губисполкомом средства организовал, под руководством председателя Отдела **А. П. Велижанина**, экспедицию в верховье реки Барнаулки с целью изучения, главным образом—в ориитологическом отношении, находящихся там пресных озер. Вывезено 306 птичьих шкурок, в том числе—пары орлов-змеядов и птенца бекасовидного веретенника.

Плотников Н. А.—обследовал сорную растительность хлебов в Бийском уезде Алтайской губернии.

Проф. Сиб. С.-Х. Академии В. А. Шингарев, по поручению Сиб. Курор. Управ. обследовал южную часть ленточных боров Алтая, главн. обр.—Сростинский и Лебяжинский бора.

Проф. Томского Ун-та В. В. Сапожников совершил последнюю свою поездку в **Алтай**, изучая, совместно с преподавательницей Е. В. Никитиной, горные и альпийские луга в Куминских белках в северо-восточном Алтае.

Проф. Сиб. с.-х. Академии **В. Ф. Семенов** экскурсировал в **окрестности Устькаменогорска** с ботаническими целями.

1924 г.

Проф. **Б. Н. Городков**, ботаник Академии Наук, произвел рекогносцировочное обследование Северного Урала и Обдорского края, подготовляясь к продолжению своих работ по изучению Тобольского Севера.

В июне 1924 г. проф. Сиб. С.-Х. Академии **П. Л. Драверт**, руководя практическими занятиями студентов по геологии, продолжал свои изыскания в Екатерининской лесной даче.

Студент Сиб. С.-Х. Академии **М. С. Каргополов** обнаружил в берегу р. Оши, Знаменского района, Тарского уезда, костяк мамонта. Часть костей доставлена им в геологический музей Сиб. С.-Х. Академии. На будущий год Каргополов предполагает закончить раскопку, прерванную подъемом воды в реке.

Действительный член Западно-Сиб. Отд. Р. Г. О. **Т. П. Белоногов** в конце лета посетил, так называемое, „Лизуново городище“ и „Окопы“ в районе с. Красноярского на р. Исети, в 50 верстах от Ялуторовска; здесь и на песках у самого села Красноярского им собраны многочисленные обломки „чудской“ посуды и обнаружены следы древнего гончарного производства, зарисован план и некоторые детали бывшего „чудского“ укрепления на высоком прибрежном увале.

В. И. Баранов, К. П. Горшенин и **А. М. Воронина** произвели детальное изучение солонцового комплекса лесостепи на участке хорошо сохранившейся целины в Подгородной даче Сиб. С.-Х. Академии, в 18—20 в. от Омска. Для целей изучения был подробно заснят участок 100 с.×120 саж. с нанесением горизонталей через 0,025 саж., благодаря чему все колебания микрорельефа были захвачены с достаточ-

ной полнотой. Почвы (Горшенин) и растительность (Баранов) закорректированы с точностью до одной сажени, при чем пришлось выделить 19 различных растительных группировок и 20 почвенных разностей. С траншейных разрезов на границах почвенных разностей были сделаны соответствующие рисунки с нанесением на них постепенного изменения растительного покрова.

Фитопатологическая Лаборатория Сибирской Сельско-хозяйственной Академии в текущем году, помимо сборов заведывающего Лабораторией проф. **К. Е. Мурашкинского** (из Омского и Тарского у., Омской губ.), пополнилась значительными сборами Н. А. Плотникова — до 250 образцов, Б. И. Кравцева (Алтайская губ.)—около 120 обр., М. К. Зилинг (Омская губ.)—до 200 обр., В. И. Верещагина (Алтайской губ.). Многочисленные сборы поступили от студентов Сибакадемии, отбывавших производственную практику в различных районах Сибири. Из этих сборов следует отметить небольшую (до 30 обр.), но интересную коллекцию грибов на кедре, доставленную из Иркутской губернии студентами Лесфака, работавшими по изучению кедра (в Кедрпроме). Сборы содержат ряд новых для науки видов (напр. Fusicladium lonicerae, Rhabdospora listerae и др.).

В окрестностях гор. Омска велись стационарные исследовательские работы многими научными работниками местных ВУЗ'ов: **В. И. Баранов** изготовил профиль долины р. Иртыша близ Сибакадемии и описал его в почвенно-ботаническом отношении.

В. Ф. Семенов продолжал наблюдения над изменчивостью Anemone patens, начатые в 1923 г. в нескольких пунктах Зап. Сибири. **М. Д. Спиридонов** подробно изучал в фитоэкологическом отношении долину р. Иртыша от г. Омска до д. Хариной. Ассистент Сиб. С.-Х. Академии **М. И. Крот** летом 1923 и 1924 г. занимался изучением геологического строения окрестностей Академии.

Действительный член Зап. Сиб. Отд. Р. Г. О. **А. А. Пахотин**, работая в ю.-зап. части Славгородского уезда Омской губ., вывез оттуда значительную зоологическую коллекцию, а также—коллекцию предметов из раскопанного крестьянами кургана.

В окрестностях Томска **студентами-геоботаниками** университета велись полустационарные работы по изучению лугов—под руководством преп. **В. В.** и **Л. Ф. Ревердатто**.

Преподаватели Томск. Госуд. Унив-та **В. В.** и **Л. Ф. Ревердатто** производили в Абакановской, Сагайской и Качинской степях Минусинского у. фитосоциологические и флористические исследования и установили северную границу этих степей. Кроме того, изучались искусственные луга и влияние орошения на искусственные луга, „мочаги“ и залежи.

Л. Ф. Ревердатто осенью 1924 г. посетила Липовый остров в Кузнецком Алатау для обследования условий произрастания угасающей Tilia cordata.

В августе 1924 г. **проф. П. Л. Драверт** на средства Новониколаевского Общества Мироведения совершил поездку в окрестности с. Тамбар, Мариинского уезда, Томской губ., в целях отыскания и обследования месторождения исландского шпата.

Красноярский Отдел Р. Г. О. на отпущенные Н. К. П. средства организовал две экскурсии и несколько поездок. Председатель Отдела **А. Я. Тугаринов** посетил в Красноярском уезде район Баджейских пещер по р. Мане с целью изучения последовательного изменения былой фауны, пользуясь для этого палеонтологическим

материалом пещери лессовых отложений. Вторая—геологическая экскурсия по р. Енисею, от г. Минусинска до Красноярска, была предпринята для сбора петрографических коллекций. Продолжались раскопки палеолитической стоянки Афонтовой горы близ Красноярска и дали коллекцию более 5000 номеров; особенно останавливает внимание находка костей палеолитического человека.

Проф. В. А. Городцов, председатель Археологической Комиссии при Г. У. С., выезжал в Зап.-Сибирь для инструктирования археологических отделов местных музеев и ознакомления с археологическими раскопками в окрестностях Иркутска и Красноярска, где найден огромный материал из жизни палеолитического человека и позднейших обитателей металлической эпохи (Известия ЦИК 21 сентября 1924 г. № 216).

Рождественский Н. А., фитопатолог Сибкрайстазры, произвел сборы микологического материала по Сибири: в Новониколаевской, Томской, Красноярской, Иркутской и Алтайской губ. (в последней сборы Тигерецких белков). Собран обширный материал по ржавчине сибирских хлебов.

Верещагин В. И. совершил непродолжительную ботаническую поездку на юг Алтайской губ. (с. Веселый Яр, Локоть).

Проф. Томск. Унив-та **Тронов Б. В.** и студент того же Унив-та Тронов М. В. работали в центральном Алтае, в истоках р. р. Шавла и Маашей (Чуйские белки), и открыли около 17 ледничков, из которых один в 7 кв. верст.

Плотников Н. А. занимался изучением сорной растительности в Рубцевском уезде Алтайской губ.; сделал микологические сборы.

Член Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. Об-ва студ. **Б. Ив. Кравцев** собрал в Ойратской автономной области (Алтай) коллекции по ботанике и энтомологии, переданные в Сибир. с.-х. Академию; им доставлены также сведения об истреблении „каменных баб“.

В пределах Ойратской автономной области, с апреля по сентябрь включительно, **П. Ф. Сердюков** производил ботанико-географические исследования в волостях Усть-Канской, Уймонской, Шебалинской и Онгудайской. На 2.500 килом. маршрута сдельно более 100 остановок для ознакомления с растительным покровом и почвами, заложено 127 пробных площадок и собран гербарий в 7.000 листов. Большое внимание было уделено весенней флоре. Особо, по поручению Омск. Отд. защиты растений, изучалась и гербаризировалась сорная растительность.

В пределах **Ойратской Автон. Области** летом работала экспедиция **Московского Антропологического Института** в составе 3-х человек. Экспедиция прошла из района Телецкого озера через Улаган по Чуйскому тракту на Улалу, делая продолжительные остановки в районах с массовым туземным населением.

Одновременно в том же районе работала Ленинградская экспедиция по изучению естественно-исторических и бытовых условий края под руководством **проф. Руденко и проф. Теплоухова**.

Председатель Западно-Сибирского Отдела Р. Г. О. проф. **В. Ф. Семенов** посетил с геобатанической целью Западный Алтай. Совместно с ученым лесоводом **И. М. Евсеенко** обследованы пихтовые и сосновые насаждения в верховьи р. Б. Сосновки, верстах в 25—30 к западу от с. Тургусун на р. Бухтарме; в сотрудничестве с действит. членом Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О. преподав. **М. Н. Захарьиным** изу-

чалась растительность по южным отрогам и скону хребта Холзун, до сих пор ботаниками не посещенного; по двум маршрутам в долинах р. р. Хамир и Тургусан хребет Холзун был пройден до белков включительно.

От **Геологического Комитета** в район между Прибалхашьем и Западным Алтаем были командированы инженеры-геологи и геологи-сотрудники для производства геологических исследований в Прибалхашье, в районе Спасского завода, в Тарбагатае, в Кокпектинском районе, на Рахмановских минеральных источниках, по Иртышу между устьями р. р. Ульбы и Бухтармы, в районе Зыряновского и Риддерского рудников и др. местах.

Проф. **А. А. Петровский** (Ленинград) посетил Риддерский рудник с целью изучения его недр при помощи электризации.

— Профессор патологии Берлинского Университета **Макс Кучинский**, в сообществе сотрудников-переводчиков-студ. Сиб. Ветинститута т. **Лелеп** (давшего настоящие сведения) и студ. Зап.-Сиб. Мединститута т. Камергирова, предпринял экспедицию в киргизскую степь с целью изучения киргизского быта, вопроса о влиянии перехода кочевых киргиз на оседлое положение и влияния этого перехода на народное здоровье, а также—для ознакомления с развитием и распространением болезней среди киргиз-кочевников.

Экспедиция из Омска направилась через Н.-Николаевск, Семипалатинск, Сергиополь в сторону оз. Балхаша. Маршрут около гор Чингизтау пришлось изменить, так как киргизы находились на кочевке в горах. Следуя по киргизским волостям и не дойдя 54 верст до оз. Балхаша, экспедиция повернула к северу и через Каркаралинск вернулась в Семипалатинск. Проехать до Балхаша было невозможно в виду отсутствия около озера киргизских кочевок, а также ввиду слишком жаркой погоды и мошек. Экспедиция пробыла в степи 45 дней.

Из Семипалатинска в конце лета была предпринята поездка через г. Зайсан в Тарбагатай и Алтай. Около Китайской границы экспедиция ознакомилась с бытом киргиз, кочующих в горах. На Алтае пробыли около месяца, пройдя по маршруту: Зайсан, черный Иртыш, Алкабек, оз. Марка-куль, пер. Бурхат, ст. Алтайская, Мал. Красноярск и по Иртышу обратно в Омск. Собран целый ряд материалов, которые уже вышли в печати в Берлине.

В. С.

Сведения о Западно - Сибирском Краевом Музее в Омске в настоящем выпуске „Известий" не могли быть помещены вследствие позднего доставления их в редакцию.

Отчет

о состоянии и деятельности Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества

за 1923 и 1924 г.г.

Отчет о состоянии и деятельности Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества за 1923 и 1924 г. г.

I.

25 февраля 1923 г.—30 марта 1924 г.

Указанный период обнимает время полного отстранения Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, приказами Уполномоченного Нар. Комиссар. Просвещения по Сибири 3 июня 1921 г. № 38, 29 июня того же года № 59 и 23 января 1923 г. за № 4, от Музея и библиотеки и заканчивается зарегистрированием нового устава Отдела (6 марта 1924 г. № 14).

Состав Западно-Сиб. Отдела Р. Г. О. К началу этого периода в Отделе состояло 58 членов местных и 3 иногородных, всего 61; за весь период вновь поступило 54 местных и 5 иногородных, всего 59 человек; за то же время убыло, вследствие выезда из Омска и согласно заявлений, 11 человек; к концу отчетного периода в Отделе числилось 109 членов, в том числе действительных 95 и членов сотрудников 14.

Прием новых членов в Отдел, равно как и вся жизнь его за этот период, велись в первое время согласно ранее действовавшему Уставу, а позднее—согласно проекту нового нормального устава Научных Обществ, присланному в Западно-Сибирский Отдел Географического Общества для переработки его в духе местных условий и для последующего зарегистрирования.

Распорядительный Комитет. Общее Собрание членов Отдела 25-го февраля 1923 года, после обсуждения доклада Ревизионной Комиссии о деятельности Отдела в минувшем году и заявления членов Распорядительного Комитета 1922 г. об освобождении их от работ по Отделу, избрало новый Распорядительный Комитет в составе Председателя Отдела и Распорядительного Комитета профессора Сибирской сельско-хозяйственной Академии В. Ф. Семенова, членов Распорядительного Комитета: профессора Сибирской сельско-хозяйственной Академии В. Д. Дудецкого, ассистента Западно-Сибирского Государственного Медицинского Института д-ра А. К. Скальского, астронома Убеко Сибири Н. А. Нефедьева и сотрудника Губсоюза П. Ф. Сердюкова.

Новый Распорядительный Комитет, избравши заместителем Председателя д-ра Скальского и Секретарем Сердюкова, решил в ближайшее время сосредоточить свое внимание: 1) на восстановлении и поддержании в Отделе научно-исследовательской работы, пока, в виду отсутствия средств, только в виде докладов, собеседований и содействия научным экскурсиям; 2) на неотложной ликвидации некоторых предприятий предшествовавшего года, в особенности—коммерческого издательства с лежащими на нем материальными обязательствами и

3) главным образом—на скорейшем восстановлении юридически-нормальной и общественно-целесообразной жизни Отдела.

Но, ввиду затянувшегося утверждения нового Устава в Москве и его регистрации в Омске, Распорядительному Комитету пришлось ограничить свою деятельность почти только одними этими задачами в течение всего отчетного периода. На своих 42 заседаниях Распорядительный Комитет кроме этих вопросов был занят еще составлением своей годичной сметы, составлением проекта плановых предположений о деятельности Отдела в ближайшие годы, организацией краеведных ячеек в провинции, привлечением новых членов и рядом других мелких вопросов организационного и хозяйственного порядка.

Предположения по плану работ Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О. на ближайшие 5—10 лет были составлены согласно предложению Центр. Бюро Краеведения при Российской Академии Наук от 17 июня 1923 г. № 1287 для Госплана и выразились в следующем. Наличие в обширной Северо-Западной части Азиатского материка совершенно неизученных или весьма слабо изученных районов (Тундра Тобольского Севера, Обь-Иртышская Тайга, некоторые части Алтая, Прибалхашье) ставит перед Отделом ряд заданий для научно-исследовательской работы, почти столь же обширных и разнообразных, как и стоявшие перед Отделом в течение его прошлой полувековой деятельности.

Отдел при выборе тем для своей исследовательской работы в ближайшие годы руководился не только чисто научными соображениями, но и теми практическими заданиями, какие выдвигаются в первую очередь местными хозяйственными органами и ВУЗ-ами; руководился Отдел также и наличием среди своих членов и в районе своей деятельности научных работников соответствующих специальностей, что позволяет с некоторой вероятностью надеяться хотя бы на частичное выполнение плана.

На ближайшие годы могут быть поставлены на очередь следующие темы для экспедиционной и камеральной разработки, как самостоятельно силами членов Отдела, так и совместно с другими организациями:

1) Рыбные богатства Обской Области.

2) Оленеводство и пушной промысел Севера Обской Области.

3) Леса таежной полосы Западной Сибири.

4) Луга поемные, болотные и лесные Западной Сибири.

5) Смена растительного покрова западносибирских степей под влиянием сельско-хозяйственной культуры.

5) Береза лесостепной полосы Западной Сибири.

7) Боровые пески и сосна в лесной и степной частях Западн. Сиб.

8) Работа по некоторым вопросам геологического строения Западносибирской равнины (ледниковые и предледниковые отложения на Севере Западной Сибири и другие вопросы).

9) Детализация по изучению почв Западной Сибири и, в первую очередь, составление 40 верстной карты черноземной, каштановой и подзолистых почв в мало обследованных районах по обе стороны Западно-Сибирской железной дороги.

10) Солонцы Западно-Сибирской равнины: географическое распределение, химический состав и мелиорация.

11) Содовые, самосадочные и др. минеральные озера Западной Сибири.

12) Озера Западно-Сибирской равнины и Киргизской складчатой страны в связи с атмосферными осадками и грунтовыми водами.

13) Вопросы климатологии Западной Сибири.

14) Грибные вредители сельского хоз. и сорная растительность Западной Сибири и Киркрая.

15) Ареалы вредителей сельского хозяйства из мира насекомых в пределах Западной Сибири.

16) Исследование степного скотоводства.

17) Переход кочевников к оседлым формам хозяйства.

18) Продолжение исследования Алтая в естественно-историческом и экономическом отношениях.

19) Полупустыня южной части Киркрая в естественно-историческом и экономическом отношениях.

20) Вопросы районирования Края.

21) Разработка географической классификации.

22) Формы сибирского землепользоваяня и его эволюция в последние годы.

23) Вопросы землеустройства в Западной Сибири.

24) Исследования и разработка материалов по истории Сибири: дело сибирских сепаратистов (Потанин и др.); война и революция в Западной Сибири и др.

Понижение деятельности Отдела за последние годы и сокращение числа его членов к началу отчетного периода заставляют ограничиться вышеприведенными темами; но есть основание надеяться, что с развитием научно-исследовательской работы и с возобновлением издания научного органа отдела, последний получит возможность направить свою работу и в другие области краеведения (этнография, статистика, колонизация и т. п.).

Общие собрания за отчетное время созывались 12 раз и, кроме первого (25 февраля 1923 года), были главным образом посвящены заслушанию научных докладов и сообщений.

Всего было сделано 12 докладов и 6 сообщений.

11-го марта 1923 г. был заслушан **доклад М. Д. Спиридонова** „Растительные типы лесостепи и степи Омского и Петропавловского уездов", в котором докладчик, на основании собственного большого материала, собранного в 1920 и 1921 годах, предварительно бегло коснувшись естественно-исторических условий района, дал сжатые характеристики установленных им растительных типов и почв в двух указанных районах.

14-го октября—доклад К. П. Горшенина „Почвенные зоны Алтая". Докладчик сжато, но вполне законченно, нарисовал картину процессов образования почв района, коснулся общего рельефа, останавливаясь на описании деталей рельефа, закономерности падения высот, процессов выветривания и проч.; затем дал более подробное и систематическое описание отдельных участков, на которые им разбит весь исследованный район.

В заключение выяснил сельско-хозяйственную ценность почв, особенно горно-луговых.

Доклад сопровождался демонстрированием почвенной и геологической карт, еще нигде не опубликованных.

28-го октября—доклад В. В. Птицина „Опыт определения коэффициента годовой потери скота в крестьянских хозяйствах 8 уездов Западной Сибири (Омской и Тюменской губ.)", являющийся результатом долговременной разработки им цифровых данных анкеты 1912 г., когда по указанному району были получены опросные сведения о потерях скота в 299 тысячах крестьянских хозяйств в 1912—1913 с.-х. г. Из сообщенных в докладе результатов обработки анкеты видно, что

годовая потеря лошадей для обследованного района определилась в 4%, рогатого скота 3,3%.

4-го ноября заслушаны сообщения: 1) астронома **А. Н. Нефедьева** —„Астрономические работы Убеко Сибири на крайнем Севере в экспедицию 1923 года в связи с исследованием прошлых лет“. Работы эти, производимые при помощи радиотелеграфа и с применением способа профессора Н. Д. Павлова, обнаружили, что чем дальше на север, тем менее верно нанесена на карту Обская губа. 2)—**Н. Н. Павлова** —„Магнитные наблюдения по пути экспедиции Убеко Сибири в Обскую губу в 1923 году“. Никаких аномалий не найдено.

18-го ноября—доклад **А. А. Фролова**, участника северной научной экспедиции Российской Академии Наук 1923 г.:

1) астрономические наблюдения в районе реки Аган и

2) попутные наблюдения географического и этнографического характера.

В первой части докладчик сообщил условия и главные результаты своей специальной работы в экспедиции. С удалением от Сургута к верховьям р. Аган, последняя оказывалась нанесенной на карту все более и более неправильно, отклоняясь, в конце концов, верст на 50—60 от своего истинного положения.

9-го Декабря—1) доклад **М. А. Винокурова** „Почвообразовательные процессы и почвы семхоза „Элита“ (Омск. уез.). Докладчик дал выдержки из законченной им работы по исследованию почв названного семенного хозяйства.

Коснувшись кратко общих условий района, географического положения и естественно-исторических условий, докладчик подробно охарактеризовал пеструю картину почвенного покрова семхоза.

Доклад сопровождался демонстрированием подробной оригинальной карты почв описываемого района.

2) Сообщение **И. И. Эльпорт**—„К вопросу о соединении Обской губы с Карским морем“. Докладчик выдвигает свой вариант части Великого Северного Пути, именно соединение Обской губы с Байдарацким заливом Карского моря путем прорытия канала в системе рр. Щучьей, Байдараты и Янвер-Яго.

Сообщение вызвало оживленный обмен мнений и энергичную критику проекта как со стороны технической, так и, в особенности—со стороны экономической.

23 Декабря—1) доклад **Б. В. Колюбакина** „Об условиях климата Полярной Области Западной Сибири“.

Докладчик, уже несколько навигаций заведующий метеорологической частью Убеко Сибири, на основании личных наблюдений, отчасти—выдержками из литературы, хорошо освещает климатические условия Севера.

Между прочим сообщил сведения: о направлении и силе ветров, облачности, температуре, количестве выпадаемых осадков, смене времен года, о слое вечной мерзлоты, о течениях Карского моря и глубинных температурах, о распределении льдов в Карском море, о времени вскрытия и замерзания рек Ямала и Обской губы.

Доклад сопровождался демонстрацией многих диаграмм и небольшими ботаническими и энтомологическими коллекциями сбора докладчика по берегам Обской губы.

2) Доклад **Н. В. Антонова** „Обзор массового распространения вредителей сельского хозяйства в Республике и меры борьбы с ними“.

Наибольшее внимание в докладе было уделено саранчевым, грызунам и головне, главным образом—с точки зрения их распростра-

нения, приносимого вреда и борьбы с ними в Западной Сибири и соседних областях.

20 Января 1924 г. доклады: 1) Омгубсоюза (т. Спасский) „Заготовительные районы Омской губ. и работы потребительской кооперации за последние годы“. После доклада с большим цифровым материалом, по заслушании ответов т. Спасского на многочисленные вопросы, вызванные докладом, и слова по докладу Н. В. Антонова, было постановлено: благодарить Губсоюз за ценное сообщение и за его готовность выступить перед научным Обществом, а также указать на необходимость изучения со стороны Губсоюза производительных сил Края, чтобы избежать в будущем отмеченных Собранием дефектов в заготовительных работах.

3-го февраля сообщения: 1)—**С. Н. Кравкова**—„Магнитная аномалия при устье реки Бакты и некоторые наблюдения по гидрологии при слиянии Енисея и Бакты“.

Значительный интерес представляло сообщение докладчика об аномалии, обнаруженной им при с‘емке места стоянки судов, причем докладчик указывает, что отсутствие в его распоряжении точных инструментов не позволяло ему определить размеры явления.

2)—Начальника Северной экспедиции Академии Наук **Б. Н. Городкова**—„О северной экспедиции Академии Наук“. Сообщение Б. Н. Городкова, только накануне Собрания вернувшегося из крупнейшей научной экспедиции последних лет, вызвало глубокий интерес Собрания, которое горячо приветствовало путешественника и благодарило за сообщение (Сведения об экспедиции смотри в хронике).

3) **В. Ф. Семенов** в сообщении „О краеведении в С.С.С.Р. в настоящее время“ ознакомил Собрание с результатами своей командировки в Москву и на 5-ю сессию Центрального Бюро Краеведения с 15 по 19-ое января 1924 г.—в Ленинград и дал характеристику положения краеведного дела как в С.С.С.Р., так и за границей.

27-го февраля—Доклад **С. П. Дмитриева**—„Техническая сторона Северного Морского пути и возможность пользования им для торговых сношений.“ Доклад всесторонне и полно, в красивой форме, осветил затронутую тему и вызвал оживленные прения, в которых принимали участие многие присутствовавшие.

2-го марта—доклады: 1) **В. А. Шингарева** „Ленточные боры Алтая“ После заслушания и обсуждения доклада Собрание приняло следующее постановление: Констатируя отсутствие правильно ведущегося хозяйства в ленточных борах Алтая, грозящее им гибелью, и принимая во внимание большое значение в хозяйстве края этих боров, Общее Собрание членов Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О-ва сочло необходимым обратить внимание местных лесных государственных организаций на охрану ленточных боров Алтая и на восстановление в них правильной эксплоатации и лесокультурных работ.

2) **В. Ф. Семенова** „К вопросу об охране памятников природы в Западной Сибири.“

Осветивши роль человека в изменении живой и мертвой природы на земле, особо отметивши разрушительную роль в этом направлении капитала последнего столетия, изложив подробно положение вопроса о естественно-исторических и др. памятниках Западной Сибири, докладчик проследил историю памятнико-охранительных мероприятий вплоть до последних по этому вопросу декретов Совнаркома С.С.С.Р. и высказался за необходимость организации при Зап.-Сиб. Отделе

Р. Г. Общества Памятнико-Охранительной Комиссии. Комиссия была организована постановлением следующего Общ. Собрания, по обсуждении резолюции по докладу В. Ф. Семенова.

16-го Марта. 1) **доклад В. П. Корш** „Основания организации лесного опытного дела в Сибири". По заслушании доклада и после обмена мнений, Собрание приняло следующую резолюцию: „считая доклад информационным и не входя поэтому в обсуждение технической его стороны, признать: 1) постановку на очередь вопросы об изучении лесов Сибири, занимающих значительную часть ее территории, безусловно необходимой, не только с точки зрения скорейшего восстановления лесного хозяйства, как одной из виднейших отраслей народного хозяйства Сибири, но и в интересах изучения данной области и с краеведческой точки зрения и 2) обратить на это внимание руководящих лесным делом учреждений".

2) Сообщение **В. И. Баранова** „Об одном забытом заповеднике Географического Общества в Кустанайской губ."

По предложению Н. И. Грибанова Общим Собранием постановили „просить Кустанайское Губ. Зем. Управление оградить Заповедник от дальнейшей распашки и снестись по этому поводу с Центральным Географическим Обществом".

На этом же Собрании по заслушании сообщения о состоявшемся в Семипалатинском п/отделе Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества чествовании Председателя п/Отдела **Б. Г. Герасимова** по поводу исполнившегося 25-летия его научно-краеведческой и общественной работы и о представлении его к награде, постановлено: поддержать решение п/Отдела и просить Центральное Географическое Общество отметить заслуги в деле изучения края Б. Г. Герасимова в доступной в настоящее время форме.

Комиссий в составе Отдела за отчетный период было две: одна временная—по обревизованию последней отчетности издательства за 1922 г. и вторая — по охране памятников природы, старины и искусства, организованная в самом конце года в составе: председателя Н. А. Сардонникова, секретаря И. И. Загривко и членов — В. В. Барышевцева и художника Клодт, с предоставлением Комиссии права приглашать в свой состав и других лиц.

В виду существования при Губернских ОНО подобных же Комиссий с оффициальными функциями, памятнико-охранительная Комиссия Западно-Сибирского Отдела организована в порядке научного Общества, распространяет свою работу на всю Западную Сибирь и смежные области и для проведения мер по охране памятников входит с представлениями в оффициальные Губернские или Центральные Комиссии. Для постоянного же контакта с Омской Губернской Памятнико-охранительной Комиссией делегируется в качестве представителя Отдела Председатель Комиссии Общества, согласно предложению Председателя Губернской Комиссии по охране памятников природы, искусств и старины от 17/V-24 г. № 350.

Экспедиций, издания печатных органов и других научных предприятий Зап.-Сиб. Отдела Р. Г. О. в 1923 году не имело за отсутствием у него средств и легализации.

Библиотека Отдела вновь зародилась в 1923 году путем пожертвований и поступления книг в порядке обмена. К концу отчетного периода библиотека имела 296 названий книг в 374 томах, в том чи-

сле иностранных 41 книга. Материалом для обмена служили три номера „Сибирской Природы“, полученные, в количестве 50 экземпляров каждый, при ликвидации издательства 1922 г.

В октябре 1923 г. Зап.-Сиб. Отдел Р. Г. О. возбуждал перед Омским ГИК'ом ходатайство о возвращении ему библиотеки, но в удовлетворении этого ходатайства Отделу было отказано (постановление ГИК'а 2 февраля 1924 г.).

Коллекций и Музея Отдел не имеет.

После муниципализации дома № 7 на Музейной ул., принадлежавшего Зап.-Сиб. Отделу Р. Г. О-ва, Отдел не имеет также и собственного помещения. Общие собрания, заседания Распорядительного Комитета, библиотечка и небольшая канцелярия Отдела находили и находят себе приют в зданиях Омских ВУЗ-ов, главным образом—в Ботаническом кабинете городской части Сибирской сельско-хозяйственной Академии, на Тобольской ул., 14.

Средства Общества. См. прилагаемый Отчет о приходе и расходе денежных сумм по З.-Сиб. Отделу Русского Геогр. Общества за 1922-1923 г.

Председатель Отдела
профессор *В. Семенов.*

ОТЧЕТ

о приходе и расходе денежных сумм по Западно-Сибирскому Отделу Русского Географического Общества за 1922/1923 год.

ПРИХОД.

		СУММА	
		В совзн. обр. 23 г.	В черв. исчисл.
1. Получено по ассигновкам из Омского Губфинотдела за счет кредитов по смете Наркомпроса 1922/23 г. (§ I, ст. 3) на выплату заработной платы служащим Отдела	Руб.	29246.80	155.90
2. Тоже по § 14 ст. 4 на расходы по содержанию месткома	„	260.70	0.57
3. Тоже по § 18 ст. 3 на уплату взносов по Соц. Страхованию	„	1181.92	10.44
4. Тоже по § 8 на расходы по отоплению помещения	„	189.91	6.45
5. Тоже по § 16 ст. 2 на культурно-просветит. нужды	„	3500.00	21.09
6. Получено субсидии от Географ. О-ва в Ленинграде	„	197.60	8.14
7. „ от п/отдела Картоиздательства Наркомвнудела	„	650.00	12.08
8. „ от членов О-ва в уплату членских взносов	„	810.00	10.44
9. „ пожертвований от разных лиц на нужды Отдела	„	1445.17	17.04
10. Разных поступлений (переходящих сумм)	„	50.00	2.06
Итого прихода	Руб.	37532.10	244.21
От обращения совзнаков в червонную валюту по курсу дня покупки	„	1250.00	10.00
Курсовая разница от повышения курса червонца	„	2750.00	—
Баланс		41.532.10	254.21

РАСХОД.

		СУММА	
		В совзн. обр. 23 г.	В черв. исчисл.
1. Выплачено заработной платы служащим Отдела (секретарю и переписчику) с 1/XI 1922 г. по 1/X 1923 г.	Руб.	29246.80	155.90
2. Внесено в Губотдел Всерос. Союза Работников Просвещения на содержание месткома	„	260.70	0.57
3. Перечислено в Омское Отделение Госбанка для зачисления на текущ. счет Всерос. фонда социального Обеспечения	„	1181.92	10.44
4. Передано Зап.-Сибирск. Краевому Музею на заготовку топлива	„	189.91	6.45
5. Уплочено за выполнение сдельных работ по составлению отчета по издательству	„	400.00	3.74
6. Израсходовано на изготовление фотографических снимков с картин „Панорама Сибири“ для п/отдела Картоиздательства Наркомвнудела	„	1235.00	20.10
7. Израсходовано на покупку канцелярских принадлежностей	„	501.18	4.36
8. Почтово-телеграфные расходы	„	494.25	8.16
9. На оплату гербовым сбором заявлений в Губисполком о регистрации отдела и других	„	22.25	0.63
10. Разные расходы (переходящие суммы	„	50.00	2.06
Итого расхода	Руб.	33.582.01	212.41
Покупка червонной валюты	„	1250.00	10.00
Курсовая разница от обесценения совзначной валюты	„	—	15.05
Остаток на 1-е Октября 1923/1924 года	„	6700.09	16.75
Баланс		41.532.10	254.21

Примечание: Перевод совзнаков в червонное исчисление произведен по курсу котировальной комиссии на день оборота денежных сумм; при чем в отношении расходных статей под №№ 1 2, 3, 4 и 10 принимался курс дня поступления этих сумм.

Председатель Отдела профессор *В. Ф. Семенов.*

Казначей *М. Д. Редькин.*

II.

1924 год.

(С 30 марта по 1-е октября).

Согласно постановления Общего Собрания Зап.-Сиб. Отдела Русск. Геогр. Об-ва 2-го ноября 1924 года, годичный отчет по Отделу должен составляться по 1-ое октября—к началу рабочего академического года—с целью объединения отчета о деятельности Отдела с финансовым отчетом, а также для цельного охвата всего рабочего года в будущих отчетах.

В январе месяце 1924 г. получен в Отделе утвержденный Комиссариатом Внутренних Дел Устав Русского Географического Общества, и тогда же было возбуждено перед Административным Отделом Омского Губернского Исполнительного Комитета ходатайство о зарегистрировании Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. 6-го марта 1924 г. Отдел был зарегистрирован по реестру союзов, обществ и других объединений, не преследующих целей извлечения прибылей, за № 14.

С этого времени начинается более или менее правильная жизнь Отдела.

Состав Отдела.

Согласно списка, представленного в Административный Отдел ГИК'а при ходатайстве о регистрации Отдела, в нем числилось 55 членов, получивших, согласно постановления Общего Собрания 30 марта, наименование членов-учредителей.

Уменьшение числа членов по сравнению с предыдущим годом (более 109) произошло вследствие того, что список представлялся спешно и должен был содержать определенные анкетные сведения, собрать которые удалось только о 55 членах.

В течение отчетного периода общими собраниями принято вновь 55 действительных членов и 2 члена сотрудника. Таким образом, к 1 октября 1924 г. в Отделе Общества числится 110 действительных членов и 2 члена сотрудника, из них проживающих в г. Омске 100, иногородних 9 и коллективных 3.

Действительные члены: Акаевский А. И., Антонов Н. В., Астреин П. П., Баранов В. И., Бессонова А. В., Белоногов Т. П., Берников В. В., Бороздич Н. П., Берг В. Р., Белоконь П. С., Барышевцев В. В., Варман Г. Г., Вакар Б. А., Васильев М. И., Ванновский В. Р., Василевский А. Д., Вебер Я. Х., Винокуров М. А., Войнов П. А., Волк В. И., Голубинский С. С., Горшенин К. П., Губсоюз, Грибанов Н. И., Госпароходство, Гаккель И. М., Дормидонтов Б. А., Давыдов П. Н., Драверт П. Л., Дудецкий В. Д., Дмитриев С. П., Дорофеев А. Ф., Ефимов А. Е., Загривко И. И., Захарьин М. Н., Золотенин Ф. С., Иозефер А. Л., Ишмаев Н. Е., Казанцев Н. Ф., Кириллин П. М., Клячин Н. К., Колосов В. А., Кокшенев Н. С., Корш В. П., Кравцев Б. И., Кравков С. Н., Круссер Г. В., Кирьянов И. В., Колюбакин Б. В., Куншенко Г. Д., Крот М. Н., Лаппо С. Д., Лаптев С. Р., Ласкин И. Е., Лебеденко А. М., Леонтович Д. Г., Мальцев М. В., Мелехин Ф. В., Мурашкинский К. Е., Милюков А. В., Мультановский М. П., Напалков П. Я., Нефедьев А. Н., Осипов И. И., Орестов М. М., Панин Н. И., Петров Г. Г., Преображенский Н. Ф., Протопопов К. И., Птицин В. В., Пулькин С. П., Прав-

дин А. В., Пахотин А. А., Петранди Ю. М., Плотников Н. А., Протопопов А. Г., Распутин Г. Н., Русанов Ф. Н., Рыбин Г. Н., Редькин М. Д., Ручкин В. Н., Семенов В. Ф., Сердюков П. Ф., Симанин П. И., Скальский А. К., Спиридонов М. Д., Смирнов И. И., Стебнев И. Н., Сергеев А. А., Сибсельскосоюз, Скорняков И. Н., Станкевич Б. В., Степаненко И. Ф., Седельников А. Н., Сардонников Н. А., Тихомиров Н. А., Тимофеевский Н. Ф., Устюгов Н. Т., Успенский А. П., Фролов А. А., Фаддеев Л. А., Филатов П. С., Филиппов М. В., Шингарев В. А., Шелудякова В. А., Херувимов И. С., Цукасов В. А., Эльпорт И. И., Язев И. Н. и Юхновский А. И.

Члены сотрудники: Кузницин И. К. и Кролевец Е. С.

В течение октября-ноября 1924 г. вновь было принято в действительные члены 10 человек и в члены сотрудники 2 человека. Таким образом, ко времени опубликования настоящего отчета в Западно-Сибирском Отделе Русского Географического Общества числится 120 действительных членов и 4 члена сотрудника.

Состав и деятельность Совета.

Первым по регистрации Отдела Общества Распорядительным Собранием 30 марта 1924 года в состав Совета, заменяющего теперь, по новому Уставу, прежний Распорядительный Комитет, были избраны: профессор Сибирской сельско-хозяйственной Академии и Западно-Сибирского Медицинского Института В. Ф. Семенов—председателем, профессор тех же ВУЗов В. Д. Дудецкий—помощ. председателя, сотрудник Губсоюза М. Д. Редькин—казначеем и членами: заведывающий Станцией защиты растений Н. В. Антонов, преподаватель Сибакадемии П. П. Астреин, помощник начальника Убекосибири С. П. Дмитриев (позднее, на основании § 31 Устава, избран Советом Секретарем Совета), начальник Картографического Отделения Убеко Сибири П. Я. Напалков, губернский агроном И. И. Осипов, юрисконсульт Омской Товарной Биржи В. А. Колосов, ученый библиотекарь и преподаватель Сиб. сел.-хоз. Академии В. В. Птицин и профессор Сибирской сел.-хоз Академии В. А. Шингарев.

В течение отчетного времени, с апреля по сентябрь включительно, Совет имел 6 заседаний.

Из числа вопросов текущей жизни Отдела, обсуждавшихся на заседаниях Совета, наиболее важными являются: 1) план работ Отдела в области организационной, научно-исследовательской и популяризаторской; 2) составление Проекта Положения о Западно-Сибирском Отделе Русского Географического Общества; 3) меры к возобновлению печатных органов Отдела „Известий“ и „Записок“; 4) урегулирование и укрепление связи с Краеведными организациями Западной Сибири; 5) Областной Краеведческий Съезд; 6) научные командировки; 7) прием новых членов.

Президиум Совета и его работа.

Постановлением Совета 9/IV образован Президиум Совета в составе Председателя Отдела В. Ф. Семенова, его помощника В. Д. Дудецкого, секретаря С. П. Дмитриева и казначея М. Д. Редькина.

Президиум Совета собирался 15 раз для предварительного рассмотрения вопросов, подлежащих представлению в Совет и Общие Собрания, а также для решения многочисленных, более мелких, вопросов административно-хозяйственного характера и повседневной практической жизни Отдела.

Общие собрания.

Общих собраний за отчетный полугодичный период, охватывающий к тому же и летние месяцы с неизбежным затишьем в жизни Отдела, было только 5; одно из них, первое, было исключительно распорядительное, прочие же, в 1-й половине, очередные для заслушания научных докладов и сообщений, а во 2-й распорядительные для выбора действительных и почетных членов, освобождения от уплаты членского взноса некоторых членов, организации и выбора комиссий для заслушания информации о текущих делах Отдела и т. п.

30 марта—распорядительное Общее Собрание в составе 42 членов, учредителей и действительных, под председательством действ. члена Н. Е. Ишмаева, при секретаре д. ч. И. Н. Язеве и при докладчике Председателе Отдела В. Ф. Семенове, проработало следующую повестку дня:

1) Заслушан и принят к руководству новый Устав Русского Географического Общества.

2) Избраны новые действительные члены.

3) Заслушан отчет о деятельности Распорядительного Комитета за 1923 год.

По обсуждении отчета единогласно постановлено: признать работу Распорядительного Комитета 1923 года вполне удовлетворительной и поручить будущему Совету Отдела возбудить ходатайство о возвращении Отделу его дома, библиотеки, архива и обстановки, изъятых из ведения Отдела вместе с отделением музея.

4) Избрание Совета Отдела согласно §§ 23—26 нового Устава.

5) Установлен размер членского взноса в 3 руб. в год и последний срок уплаты его 1-ое октября.

7 апреля экстренное Общее Собрание, на котором заслушан **доклад** проезжавшего через Омск директора Главной Геофизической Обсерватории профессора **Б. П. Вейнберга** „Значение геофизики в восстановлении Народного хозяйства С.С.С.Р.“ После доклада и обмена мнений по нему многолюдное собрание единогласно приняло следующую резолюцию, предложенную проф. В. Д. Дудецким: „Западно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества, заслушав доклад директора Главной Геофизической Обсерватории Б. П. Вейнберг, отмечает факт отсутствия в настоящее время согласованной работы по географическому изучению Сибири и поэтому обращается к Б. П. Вейнбергу, как Директору Геофизической Обсерватории, с просьбою усилить работу Обсерватории по геофизическому и климатическому изучению Западной Сибири, создав для этой цели в Омске свой филиал в виде Климатического центра Западной Сибири“.

13 апреля—доклад действит. члена **В. В. Берникова** „Минувшее и современное почвообразование в юго-западной части Омского уезда“.

После историко-геологического обзора изученного в почвенном отношении района (близ оз. Эбейты), докладчик описывает бывшие здесь условия почвообразования и современные виды почв и в заключение сравнивает обследованный им участок с Калачинским уездом Омской губ., указывая на резкое различие их в смысле почвообразования: в то время как в Калачинском уезде существовали спокойные условия в образовании рельефа и почв, в районе докладчика, повидимому, эти условия были менее спокойны, что нарушало естественный ход процесса и особенно ярко выступает в солонцеванности

местных черноземов. По докладу высказывается мнение (К. П. Горшенин), что в числе ближайшей причины характерных особенностей засоления и эволюции почвообразования в упоминавшихся соседних районах Омской губ. следует считать также и различия в режиме грунтовых вод в ледниковые эпохи.

Во второй распорядительной части Собрания, после небольшого сообщения В. Ф. Семенова о предстоящем в Томском Университете 20-го апреля чествовании профессоров В. В. Сапожникова и М. Г. Курлова, единогласно постановлено: 1) избрать В. В. Сапожникова почетным членом Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества; 2) поручить Совету Отдела составить соответствующий адрес и 3) поручить В. Ф. Семенову, отбывающему в Томск на университетское торжество, лично приветствовать от имени Отдела обоих маститых юбиляров Томского Университета.

4 мая—доклад проф. **С. М. Кочергина**: „Транспорт и холодильное дело молочных продуктов в Сибири" не был заслушан и перенесен на одно из ближайших общих собраний.

1-го юиня—сообщения: 1) **М. Д. Спиридонова** о проекте изучения естественно-исторических условий в Омской губ. и 2) проф. **Б. В. Станкевича**—геологическая рекогносцировка Памира в 1900 и 1907 г. г.

После летнего перерыва, ко времени составления отчета, но уже позднее установленного конца отчетного года, состоялись еще 2 Общих Собрания—19-го октября и 2-го ноября.

На первом из них, 19 X, заслушан доклад В. Ф. Семенова—„В. В. Сапожников, как краевед" (печатается в настоящей книжке „Известий"), и сообщение астронома Убеко-Сибири А. Н. Нефедьева „К методике нового приема определения долгот в условиях полярных экспедиций." В этом сообщении докладчик познакомил Собрание с результатом своих последних исследований во время экспедиции 1924 года.

Сущность этих исследований состоит в развитии методологии нового приема определения географических координат астрономических пунктов при помощи сигналов времени по беспроволочному телеграфу, в связи с новыми достижениями в Западной Европе.

Новый способ, впервые введенный у нас в практику в 1920 году докладчиком, дает значительно большую точность в определении астрономических пунктов даже в неблагоприятных условиях путешествия по полярной области, чем это было достижимо ранее.

Бо́льшая точность влечет за собой большую правильность в картах местности и имеет большое значение в научном отношении. Практически докладчик определил пять новых астрономических пунктов в Обской Губе (число пунктов, с определенными в предыдущие годы, достигает 18) в таких местах ее, что общая картина конфигурации берегов становится более отчетливой. Эта работа имеет громадное значение для Северного Морского Пути и его экономики.

Пользуясь своим пребыванием в высоких широтах (до 73°), докладчик получил весьма ценные наблюдения, характеризующие новый способ определения времени, предложенный членом отдела, профессором Н. Д. Павловым, и впервые употребленный на Севере докладчиком еще в прошлогоднюю экспедицию.

2-го ноября заслушан доклад **Б. В. Колюбакина** „Сведения о циклонической деятельности на Карском море в период навигации 1924 года."

В начале доклада было указано на необоснованность толков о непроходимости Карского моря. Только впервые в 1924 г. для Карского моря велась синоптическая работа, выявившая некоторые пути минимумов, вызывающих интенсивные ветра, влияющие на льды и мешающие судоходству.

Наблюдением гидрографических судов в навигацию текущего года установлено расположение льдов по типу **Г** классификации Лесгафта. Выводами и наблюдениями, сделанными докладчиком, обнаружено скопление льда в Байдарацкой губе, являющейся ледяным конденсатором, из которого происходят отделения льда, плавающего по морю в течение навигации.

В заключении доклада сделан вывод о проходимости Карского моря в навигацию текущего года, при чем судоходству мешали, главным образом, ветра, вызванные частым прохождением циклонов.

Комиссии.

Памятнико-охранительная Комиссия. На первом-организационном—собрании Комиссии, состоявшемся 18-го мая с. г., составлен Президиум: Председатель Н. А. Сардонников и члены: В. В. Барышевцев, П. Б. Ящеров, М. Ф. Отрашкевич и секретарь И. И. Загривко.

За отчетный период Комиссией проделана следующая работа:

1) Проведено общих собраний 3, собеседований 3.

2) Средактировано воззвание к населению об охране памятников старины и искусств.

3) Сделаны фотографические снимки Н. А. Сардонниковым со старинных церквей и 1 дома в г. Таре.

4) Найден в г. Омске скелет мамонта секретарем Загривко и им же оказано содействие по откапыванию скелета.

5) Произведено ознакомление со старинными ценностями, находящимися в Воскресенском Соборе в г. Омске.

Экспедиции, экскурсии, научные командировки.

Несмотря на полное отсутствие у Отдела средств на организацию исследовательских предприятий, в течение минувшего лета все-таки удалось кое-что сделать в этом направлении, благодаря содействию Московского Отделения Центрального Бюро Краеведения, приславшего в распоряжение Отдела 4 льготных билета для проезда по железн. дор. и Сибгоспароходства, предоставившего льготный тариф для проезда на пароходах по рекам Сибири—пяти членам отдела, командированным с научной целью.

Советом Отдела были даны следующие командировки:

1) Профессору **К. П. Горшенину**—в Семипалатинский, Бийский и Барнаульский уезды с целью собирания материала по почвенному покрову для составления сводной работы по Западной Сибири.

2) Действительному члену Отдела **С. С. Голубинскому** в различные пункты по Иртышу для изучения опытных посадок на песках.

3) Профессору **П. Л. Драверту**—в Мариинский уезд Томской губ. в качестве начальника Тяжин—Тагул—Тамбарской экспедиции для минералогических исследований.

4) Профессору **К. Е. Мурашкинскому**—на оз. Зайсан, в Устькаменогорск и Семипалатинск—для изучения микофлоры Семипалатинской губернии.

5) Действ. члену Отдела **В. В. Птицину**—в Барнаул, Новониколаевск, Калачинск, Татарск для эконом.-геогрифич. обследования болот.

6) Действительному члену Отдела **Ф. Н. Русанову**—в Тургайскую губ. для геоботанических работ.

7) Председателю Отдела, профессору **В. Ф. Семенову**—в Западный Алтай (по р. Бухтарме, на хребет Холзун) для геоботанических исследований.

8) Действит. члену Отдела **П. Ф. Сердюкову**—в пределы Ойратской Автономной Области на Алтае—для геоботанических работ.

Отчеты о выполнении командировок пока еще не получены. Имеются сведения, частью помещенные в отделе научной хроники „Известий“ за настоящий год, т. IV, в. I, о состоявшихся поездках С. С. Голубинского, П. Л. Драверт, Ф. Н. Русанова, В. Ф. Семенова и П. Ф. Сердюкова.

Библиотека.

Библиотека Отдела в отчетное время продолжала пополняться путем обмена и пожертвований.

К 30 марта 1924 г. в библиотеке числилось	296	назв.	в	374	томах.
По 1-е октября вновь поступило: в обмен	115	„	„	161	„
пожертвовано	19	„	„	19	„
Итого на 1-ое октября состоит	430	„	„	554	„

Пожертвования поступили от И. И. Осипова (1 кн.), К. Г. Мурашкинского (1 кн.), П. Б. Яшерова (14 кн.), В. В. Барышевцева (3 кн.).

В порядке обмена изданиями книги поступали от следующих учреждений:

Абхазское Научное Общество, г. Сухум.

Алтайский Отдел Русск. Географич. Общества, г. Барнаул.

Акмолинский Губисполком. Петропавловск.

American Museum of Natural History. New-York.

Амурское Метеорологическое Бюро при Губ. Зем. Управл. Благовещенск.

Амурское Научно-Экономическое Общество. Благовещенск.

Амурская Областная с.-х. Опытная Станция. Благовещенск.

Алтайский Губернский Союз Кооперативов. Барнаул.

Bureau of Labor, Manila.

Биолого-Географический Научно-Исследовательский Инст. при Гос. Ирк. Ун-те. Иркутск.

Бурято-Монгольское Научное Общество им. Дорши Банзарова. Верхнеудинск.

Воронежский Губернский Музей.

Восточно-Сибирский Отдел Русск. Геогр. Общества. Иркутск.

Геологический Комитет, Ленинградское Отделение.

Геологический Комитет, Московское Отделение.

Геологический Музей им. Петра Великого при Росс. Акад. Наук. Ленинград.

Главнаука, Москва.

Главное Управление Горной Промышленности. Москва.

Главный Средне-Азиатский Музей. Ташкент.

Государственная Плановая Комиссия при СТО.

Государственный Колонизационный Научно-Исследов. Институт. Москва.

Губернское Общ. Исследования Рязанского Края. Рязань.

Всероссийская Конференц. по изучению естеств. произв. сил страны. Москва.

Die Geographische Gesellschaft in Finland. Гельсингфорс.

Енисейский Губернский Исполнительный Комитет. Енисейск.

Енисейский Музей. Енисейск.

Забайкальский Отдел Русск. Геогр. Общ. Чита.

Западно-Сибирский Государств. Медицинский Институт. Омск.

Издательский Отдел Народного Комиссариата по делам национальностей.

Институт Археологич. Технологии при Росс. Акад. Наук. Ленинград.

Иркутский Государственный Университет.

Исследовательское Бюро Иркутского Университета.

Казанский Губернский Музей.

Касимовское Отделение Рязанского Общ. изучения Края. Касимов.

Комиссия по изучению Естеств. Производ. сил России при Р. А. Н.

Комитет по организации школьных наблюдений над природой. Ленинград.

Костромское Научное Общество по изучению местного края. Кострома.

Краевой Музей имени Кузнецова. Чита.

Косинская Биологическая Станция. Москва.

Красноярский Отдел Русского Географ. Общ. Красноярск.

Кружок по изучению Северного Края при Пермском Университете.

Кубанско-Черноморский Краевой Научно-Исследов. Институт. Краснодар.

Ленинградский Географический Институт.

Ленинградская Областная Станция Защиты Растений от вредителей.

Ленинградское Отделение Центр. Бюро Краеведения при Росс. Акад. Наук.

Ленинградское Общество Естествоиспытателей.

Мартьяновский Музей. Минусинск.

Московское Отделение Центр. Бюро Краевед. при Р. А. Н.

Нижегородская Радиолаборатория Нар. Коммиссар. Почт и Телегр. Нижний Новгород.

Общество изучения края при музее Тобольского Севера. Тобольск.

Общество изучения Сибири и улучшения ее быта. Ленинград.

Общество изучения Киргизского Края. Оренбург.

Общество обследования и изучения Азербайджана. Баку.

Общество изучения Маньчжурского Края. Харбин.

Общество ориенталистов. Харбин.

Общество любителей Естествознания. Екатеринбург.

Общество изучения Северной Азии. Москва.

Омский Губернский Союз Кооперативов.

Омское Губернское Земельное Управление.

Педагогический фак. Иркутского Государств. Университета.

Пензенское О-во Любителей Естествознания.

Плавучий Морской Исследовательский Институт. Москва.

Редакция Журнала „Северное Хозяйство“. Архангельск.

Рыбинское Отд. Ярославского Еестств.-Ист. Общ. Рыбинск.

Русское Географическое Общество. Ленинград.

Семипалатинский Отдел Русс. Геогр. Общ. Семипалатинск.

Секретариат Семипалатинской Губ. Плановой Комиссии. Семипалатинск.

Северная Научно-Промышленная Экспедиция.

Сибирское Отделение Центросоюза. Новониколаевск.

Сибирская Сельско-Хозяйственная Академия. Омск.

Сибирское Энтомологическое Бюро. Омск.

Сибгосплан. Новониколаевск.

Сибирский Агрономич. кружок при Тимирязевской с.-х. Академии.

Солигаличский Отдел Уисполкома. Солигалич.

Студенческий Кружок Любителей Мироведения при Казанском У-те.

Томский Технологический Институт.
Туркестанский Отдел Русск. Географ. Общества. Ташкент.
Тюменский Окружной Исполком. Тюмень.
Тюменское Общ. изучения местного края.
Уральское Общество Любителей Естествознания. Екатеринбург.
Ученое Бюро Сибирской Сельско-Хозяйств. Академии. Омск.
Центральный Ботанический Сад. Ленинград.
Центральная Книжная Палата. Москва.
Шадринское Научное Хранилище Шадринск.
Якутское Краевое Географическое Общество. Якутск.

В качестве обменного фонда Отделу продолжали служить 3 номера „Сибирской Природы“ изд. 1922 г. Нужно считать, однако, что большая часть присылаемых книг является компенсацией, вернее— процентами на тот научно-краеведный капитал, который Зап. Сиб. О.Р.Г.О. вложил в общую сумму знания в течение своей полувековой работы ввиде 38 томов „Записок“, 3-х томов „Известий“ и десятков отдельных изданий.

Издательство. Та память о былой издательской деятельности Отдела и то доверие к научной работоспособности его, которые выражаются в притоке книг в библиотеку, обязывают Отдел принять все меры к возобновлению издательства. Меры были приняты и в результате явилась возможность издать настоящий выпуск „Известий“ и приступить к организации издания XXXIX книжки „Записок“ Отдела.

При значительном количестве научных работников в числе членов Отдела и при постоянном наличии у Отдела готовых к печати рукописей, вопрос о возобновлении издательства сводился к вопросу о средствах. Как видно из помещенного ниже денежного отчета, средства на выпуск „Известий“ сложились частью из членских взносов, главным же образом—из пожертвований. На обращение Совета к различным организациям об оказании поддержки возобновлению научного издательства Отдела первыми отозвались: Омская Товарная Биржа (100 руб.), Сибсельскосоюз (100 руб.), Сибгоспароходство (200 руб.) и Эксплолес Омск. ГЗУ (100 руб. на некоторых условиях), а затем и отдельные лица, в том числе и несколько врачей—бывших учеников почетного члена Отдела В. В. Сапожникова, памяти которого посвящена книжка „Известий“.

Совет Общества считает своей обязанностью выразить здесь всем жертвователям глубокую благодарность за оказанную помощь.

Из числа других **выдающихся обстоятельств** в жизни Отдела за отчетное время следует отметить:

1) Постановление Омского Губернского Исполнительного Комитета от 17-го сентября 1924 г. об отказе в возвращении Отделу его бывшего дома по Музейной ул. № 7-й.

2) Выяснение вопроса о времени, месте и программе **Западно-Сибирского краеведного съезда** путем анкетного обращения к краеведным организациям Зап. Сибири и к заинтересованным делом краеведения учреждениям. Постановлением Совета Отдела от 17-го сентября образовано Бюро по организации с‘езда с приглашением в состав Бюро представителей ГубИК-а, Губоно, Губплана, ГЗУ, Сибакадемии, Сиб. Вет. Института, Кооперативов, Сельско-хозяйственного Общества и с предоставлением Бюро пополнять свой состав другими лицами.

Средства Общества. См. прилагаемый Отчет о приходе и расходе денежных сумм по Западно-Сиб. Отделу Русского Географического Общества за 1923—24 г. г.

Председатель Отдела профессор *Б. Семенов.*

ОТЧЕТ

о приходе и расходе денежных сумм

по Западно-Сибирскому Отделу Русского Географического Общества

за 1923 и 1924 год.

ПРИХОД.

		СУММА (в червонной валюте)
Остаток на 1-е Октября 1923/1924 г.		16.75
1. Получено по ассигновкам из Омского Губфинотдела за счет кредитов по смете Наркомпроса 1923-1924 г. по § 1 ст. 3 на выплату заработной платы служащим отдела . . . . . Руб.		512.00
2. Тоже по § 14 ст. 4 на расходы по содержанию месткома . . „		5.12
3. Тоже по § 18 ст. 3 на уплату взносов по Соц. Страхованию . „		51.20
4. Тоже по § 16 ст. 2 на расходы по научной и культурно-просветительной деятельности . . . . „		80.00
5. Поступило от членов О-ва в уплату членских взносов . . „		188.23
6. „ пожертвований на издание „Записок“ и „Известий“ отдела:		
а) От Омской Товарной Биржи . . . . Руб.	100.00	
б) От Омского Отделения Сибсельскосоюза . „	100.00	
в) От Сибгоспароходства . . . . . . „	200.00	
г) От членов О-ва и разных лиц и организаций . . . . „	29.25	429.25
7. Разных поступлений		5.87
Итого прихода		1271.67
БАЛАНС		1288.42

РАСХОД.

	СУММА (в червонной валюте)
1. Выплачено заработной платы служащим Отдела с 1/X 1923 г. по 1/X 1924 г. . . . . Руб.	512.00
2. Внесено в240тдел Всерос. Союза Работников Просвещения на содержание месткома . . . . „	5,12
3. Перечислено в Омское Отделение Госбанка для зачисления на текущ. счет Всерос. Фонда Социального Обеспечения . „	51.20
4. Выдано субсидий по командировкам . . . . „	10.00
5. Канцелярские расходы . . . . „	24.30
6. Почтово-телеграфные расходы . . . . „	17.43
7. Расходы на хозяйственные нужды . . . . „	0.60
8. Разные расходы . . . . „	2.50
Итого расхода . . . Руб.	623.15
Курсовая разница от обесценения совзначной валюты, поступавшей в первые месяцы т/г. . . . . „	6.48
Остаток на 1-е Октября 1924/1925 г. . . .	658.79
БАЛАНС	1288.42

Председатель Отдела Профессор *В. Ф. Семенов.*

Казначей *М. Д. Редькин.*

Заключение Ревизионной Комиссии, ревизовавшей отчет Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества за 1923-24 годы.

Ревизионная Комиссия, рассмотрев в заседании своем 21/XI отчет за 1923-24 г. г., считает своим долгом засвидетельствовать, что, несмотря на переживаемое тяжелое положение Общества, последнее интенсивно продолжает свою деятельность. Если же в деятельности Общества и произошли некоторые сокращения, то это обстоятельство вызвано отсутствием старой фундаментальной библиотеки, здания и недостатком денежных средств.

Ревизионная Комиссия не может не отметить трудности выполнения возложенной на нее задачи, вследствие отсутствия отчетов о деятельности Общества за предыдущие годы. Только сопоставление отчета за 1923—24 г. г. с таковыми же за предыдущие годы дало бы возможность в полной мере судить о направлении и развитии дел Общества за последнее время.

Признавая необходимость опубликования означенных отчетов, Ревизионная Комиссия обращается с просьбой к Совету Общества принять меры к скорейшему получению изъятого у Общества архива, без которого составление указанных отчетов невозможно.

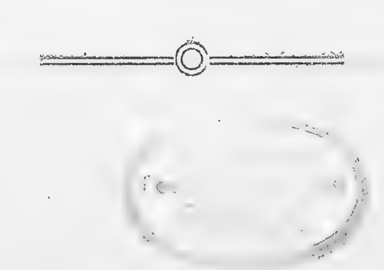
Несмотря на трудность переживаемого времени, как видно из отчета, деятельность Общества по снаряжению научных поездок все таки продолжалась.

Ревизионная Комиссия выражает желание от лиц, получивших поездки по льготным билетам, заслушать отчеты на ближайших Общих Собраниях, а также и использование полностью льготных билетов на будущее время.

Осмотр приходо-расходной денежной книги и оправдательных документов к ней по 1 ноября 1924 г. с общим приходом в 1288 р. 42 к., расходом в 629 р. 63 к. и остатком на 1 октября в 658 р. 79 к., а ко дню производства ревизии в сумме 767 р. 83 к., из которых 750 р. находятся на т/с. по книге за № 187 и 17 р. 85 коп. на руках у казначея, что вполне совпадает с предъявленным Ревизионной Комиссии отчетом и документами.

В заключение Ревизионная Комиссия считает своим долгом отметить, что интенсивное ведение всей жизни общества и оживление издательской деятельности обязано энергии председателя профессора В. Ф. Семенова и теперешнего состава Совета Общества.

Члены Ревизионной Комиссии: (подписали) **Давыдов. Милюков. Пахотин.**

Омск, Гублит № 2586.
Типография Омсоюза, Лермонтовская. 75
Заказ № 333—1924 г. Тираж 500 экз.

